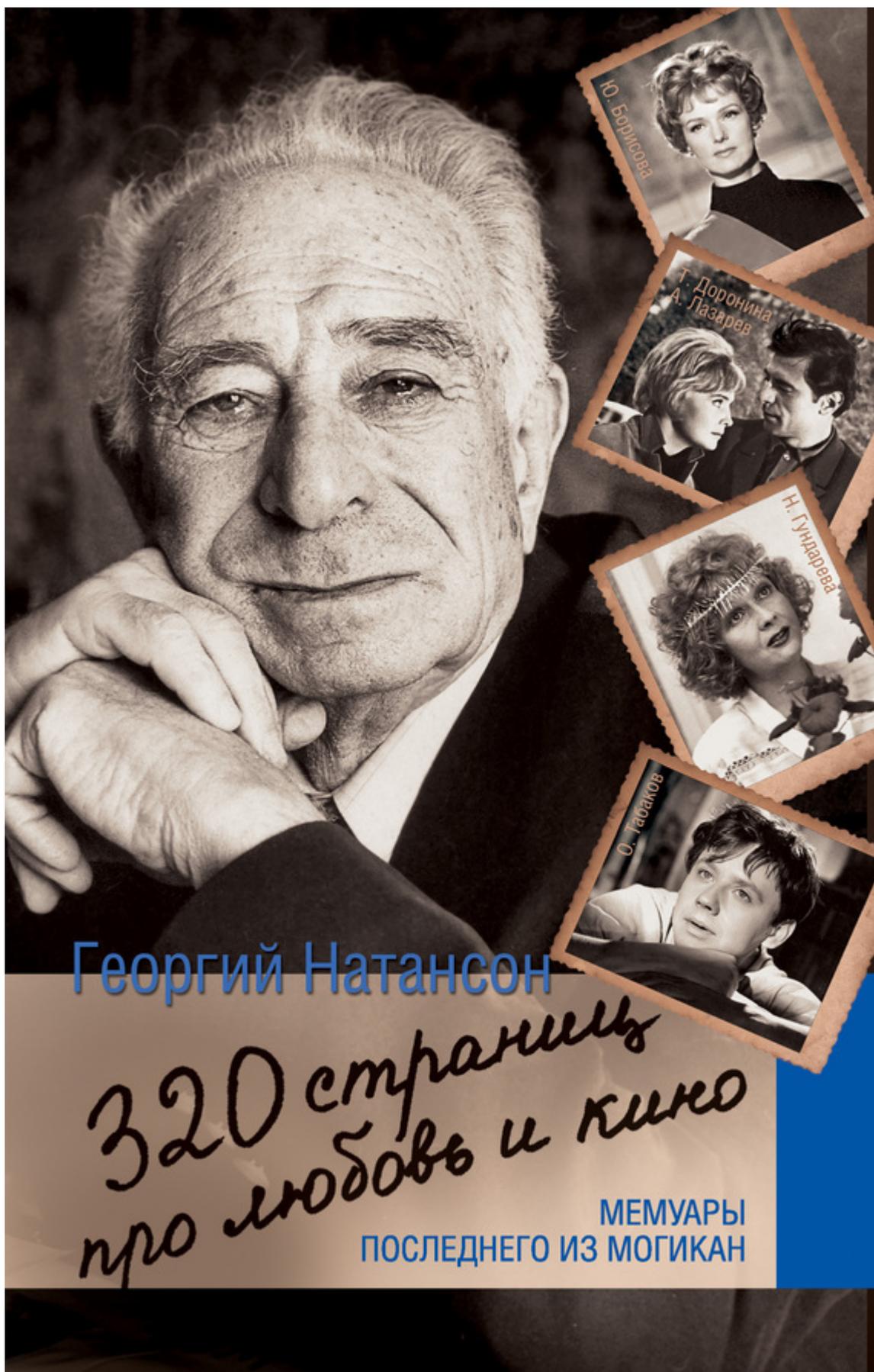

Георгий Григорьевич Натансон
320 страниц про любовь и кино. Мемуары последнего из
могикан

Георгий Григорьевич Натансон
320 страниц про любовь и кино. Мемуары последнего из могикан

Автор выражает благодарность за помощь Марии Мономеновой, Карену Шахназарову, Марине Лузгиной, Марине Забелиной, Людмиле Темновой, Гаянэ Абмарцумян, Галине Борисевич, Игорю Барышеву, Марии Воробьевой, Сергею Стальнову, Галине Щукиной, Александру Добровольскому.

Лидии Львовне Натансон, моей любимой мамочке – покровительнице посвящаю

От редакции

Режиссер Георгий Натансон в 1944 году окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская С. Эйзенштейна, Л. Кулешова и А. Хохловой). В кинематографе работает с 1941 года (киностудии «Мосфильм», ЦОКС «Ленфильм»). Был ассистентом и вторым режиссером И.А. Пырьева («Секретарь райкома», «В шесть часов вечера после войны»); В.И. Пудовкина («Адмирал Нахимов»), А. П. Довженко («Жизнь в цвету» (сталинское название – «Мичурин»)); К.К. Юдина («Смелые люди»); А.Л. Птушко («Садко»); Б.В. Барнета («Аннушка»); А.А. Тарковского («Иваново детство»).

У кинотератра

В своих фильмах Георгий Натансон впервые открыл зрителю не известных в то время в кинематографе артистов: Татьяну Доронино, Марину Зудину, Аллу Ларионову, Виталия Соломина, Наталию Тенякову, Наталию Егорову, Ольгу Яковлеву, Александра Домогорова, Анну Тихонову, ставших благодаря его картинам популярными актерами советского кино. Татьяна Доронина и Инна Чурикова – после успеха фильма «Старшая сестра», Олег Табаков – после фильма «Шумный день» стали любимыми актерами молодежи. В 1954 году, работая вторым режиссером на картине «Морской охотник» (режиссер-постановщик В. Немоляев), Георгий Натансон предложил первую в его жизни кинороль тогда еще молодому актеру

Евгению Леонову – будущему великому актеру театра и кино. Недаром киноведы называют Натансона «открывателем звезд». Его фильмы имели большой успех в прокате, каждую картину смотрели от двадцати до пятидесяти миллионов зрителей. Их демонстрируют и по сей день по каналам Центрального телевидения России и стран СНГ.

Съемки на Красной площади

Фильмы Георгия Натансона призывают к добру, учат человеческому достоинству, уважению и преклонению перед женщиной. На них воспитано не одно поколение.

Вместо предисловия

...

«Свои выступления перед зрителями Георгий Григорьевич, как правило, пишет с фразы «Наша скромная картина...» либо: «Я человек скромный...» Это так. Он человек небольшого роста, с лучистыми глазами, негромким голосом, доброй улыбкой и действительно очень скромный.

То, что «Старшая сестра» и «Еще раз про любовь» имели многомиллионное количество зрителей, раздражало его коллег, которые не могли собрать такой обширной аудитории на своих фильмах. Они объясняли, как правило, это своей исключительностью, элитарностью,

избранностью, высотой своего духовного мира, до которого не дотянуться массовой аудитории. Может быть, они и правы. Меня по-прежнему мало интересует то, что связано с понятием элитарности. Я знаю, что зритель смотрит то, что близко его душе, и не хочет смотреть то, что душу не затрагивает. У Георгия Григорьевича Натансона есть замечательная душа, есть изумительная доброта и есть любовь и уважение к зрителю. Приписать себе эти качества нельзя, их нужно иметь. Это дар».

Татьяна Доронина. Из книги «Дневник актрисы»

...

«Дорогой Георгий Григорьевич!

Сегодня наш праздник – праздник артистов, которым Вы открыли дорогу в кинематограф и подарили настоящую славу. Праздник зрителей, поверивших Вам, а следом и в себя, в добро, душевную чистоту и любовь, в том числе и любовь к театру. Ведь «любите ли вы театр так, как люблю его я», – вот уже более полувека прежде всего фраза из Вашего фильма и лишь потом – строчки, принадлежащие перу Виссариона Белинского.

Поздравляя Вас с юбилеем, мы благодарим Вас за все, желаем Вам здоровья и ждем новых фильмов, ведь никакие даты над Вами не властны.

Олег Табаков и весь коллектив Московского Художественного театра».

Из телеграммы Олега Табакова Георгию Натансону в день его девяностолетия. 23 мая 2011 года.

Глава 1 Начало

Родился я 23 мая 1921 года в Казани. Мама была оперной певицей, отец – экономистом. Вскоре семья переехала в Нижний Новгород. Жили мы недалеко от дома Максима Горького (А. Пешкова), в котором я не раз побывал, еще не читая его «Детство», «Мои университеты», «В людях». Часто с мальчишками бегали на берег Волги, купались в реке, бросали камушки – кто дальше забросит, грелись на солнышке...

Помню себя второклассником, читающим на школьной сцене стихи, и первые в жизни аплодисменты старшеклассников.

Затем семья переезжает в Москву. Григорий Иосифович Натансон становится преподавателем МГУ, потом профессором института им. Плеханова, а мама – Лидия Львовна – домохозяйкой. Родилась сестра Карина. Жили мы на легендарной Ордынке, через Москву-реку от Красной площади, во втором доме от Чугунного моста. В трех домах от нас жил известный писатель-сатирик Виктор Ардов, ставший приемным отцом шестилетнего Алеша Баталова, будущего знаменитого актера, героя фильма Михаила Калатозова «Летят журавли» (автор – драматург и писатель Виктор Розов). У них часто останавливалась приезжающая из Ленинграда Анна Ахматова. Она и назвала квартиру «легендарной Ордынкой». Маленький Алеша считал великую поэтессу Серебряного века... своей бабушкой.

С годами мне стало известно, что их квартиру посещали Дмитрий Шостакович, Фаина Раневская, Аркадий Райкин, Михаил Зощенко, Лидия Русланова. В квартире проходили литературные чтения. Когда приезжала Анна Ахматова, для нее освобождали комнату, где жил Алеша. По соседству на этом же, втором этаже жила семья Мандельштама.

В Замоскворечье проживала также недалеко от нас семья Андрея Тарковского, Евгений Жариков, Игорь Старыгин, Станислав Садальский, Михаил Ромм, Александр Птушко, Борис Волчек, Юлий Райзман. Разумеется, я с ними познакомился через много лет.

Я учился в школе № 12 и вместе с друзьями во время уроков бегал через дорогу в лучший кинотеатр Москвы – «Ударник». Первыми картинами, которые произвели на меня

неизгладимое впечатление, были «Окраина» Бориса Барнета с Николаем Крючковым и «Марионетки» режиссера Протазанова с Анатолием Кторовым. Я так часто ходил в кино – билеты были дешевые, двадцать копеек, – что кассирши «Ударника» меня знали, и одна как-то подпольно продала мне билет на премьеру «Веселых ребят». Так с высоченного балкона почти у крыши кинотеатра я впервые в жизни увидел перед началом сеанса выступающих у экрана маленьких Любовь Орлову, Григория Александрова и Леонида Утесова. От фильма я был в таком восторге, что тогда уже решил посвятить себя кино.

Конечно, я никогда не думал, что стану работать вторым режиссером у Бориса Барнета на фильме «Аннушка», где главную роль сыграла талантливая и красивая Ирина Скобцева, что великие МХАТовцы Грибов, Яншин, Пилявская, Кторов, Массальский будут актерами в моих картинах, а великий Кторов замечательно сыграет роль короля в фильме «Посол Советского Союза».

Школьники 10 класса школы № 12

Когда мне было четырнадцать лет, муж моей тети Зои Сергей Афанасьевич Черкасов, директор и главный врач санатория работников искусств в Ессентуках, пригласил меня на лето пожить у него. Там я познакомился с выдающимися актерами Михаилом Прудкиным и Львом Свердлиным, знаменитым скульптором – красавицей Верой Мухиной – автором «Рабочего и колхозницы» и скульптур на фронтоне Библиотеки им. Ленина в Москве.

С ней произошла необыкновенная история. Мы с Сергеем Афанасьевичем жили в маленьком домике в середине сада санатория. Как-то раз, часов в 7 утра, стук в дверь. Сергей Афанасьевич, накинув белый халат, открыл ее. Перед ним была Вера Мухина.

– Сергей Афанасьевич, меня ночью чуть не изнасиловали! Ко мне в постель из окна ринулся артист N, начал меня страстно целовать, но я сумела отбиться и вытолкала его за дверь. Я требую немедленно выгнать его из санатория!

– Как же он к вам попал?

– Через окно, он прошел по карнизу.

- Так он же мог сорваться и погибнуть – вы же на третьем этаже живете!..
– Вот именно! Так вот, я требую его немедленно выгнать из санатория!
– Хорошо, я разберусь.

Через три дня почти в то же время стук в дверь. Опять Вера Мухина.

- Сергей Афанасьевич, пожалуйста, не выгоняйте артиста N из санатория.

Мой папа Григорий Иосифович Натансон, сестра Карина и я

В последующие дни я видел их гуляющими по парку. Там же я познакомился и с восемнадцатилетним Виктором Комиссаровым, столяром Московского художественного театра и в то время секретарем комсомольской организации МХАТа. Мы с ним подружились. По своей выборной должности он, как и секретарь парткома театра, на каждый спектакль имел право приглашать друзей на два откидных места в бельэтаже. Я с удовольствием принимал его предложения. Пропуска, выписанные по заявке Комиссарова, я получал в окошке при входе во МХАТ у главного администратора, легендарного Федора Николаевича Михальского, помощника К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, увековеченного М. Булгаковым в «Театральном романе». Так мне удалось увидеть во МХАТе все спектакли с Тарасовой, Хмелевым, Яншиным, Грибовым, Добронравовым, Книппер-Чеховой, Шевченко, Ершовым, Ливановым, Кторовым, Зуевой, Прудкиным, Андровской, Качаловым, Москвиным, Тархановым, Степановой, Кудрявцевым, Леонидовым, Еланской и другими. Навсегда я запомнил спектакли «Дни Турбиных», «Таланты и поклонники», «Мертвые души», «Враги», «Пиквикский клуб», «Анна Каренина», которые смотрел по несколько раз.

Я до сего дня слышу голоса этих гениальных актеров. Более того, я дважды видел спектакль «Пиквикский клуб» по произведению Чарльза Диккенса в филиале МХАТа (в

бывшем театре Корша – ныне Театре наций под руководством талантливого Евгения Миронова) с потрясающим Грибковым в роли Пиквика, Массальским в роли Джингла и... Михаилом Булгаковым в роли президента суда. Михаил Афанасьевич играл блестяще, его реплики шли под аплодисменты и смех. Я, конечно, в те годы не знал, что это великий писатель и драматург, да и в программке было указано: «В роли президента суда – артист М. Булгаков». Безусловно, любовь ко МХАТу и его актерам навсегда вошла в мою душу и отразилась на любви к театральным актерам, с которыми мне пришлось работать в моих фильмах.

В 1939 году я окончил школу. Решил поступать во ВГИК, не сказав об этом родителям. Помещался он в бывшем ресторане «Яр». На режиссерский факультет приема не было – только на актерский, экономический и художественный. Я подал заявление на актерский, как все, подготовил басню, стихотворение, кусочек прозы. Сдаю экзамен. За столом – Эйзенштейн, Хохлова, Кулешов, Телешова и их ассистенты. Я прочел стихи и отрывок прозы, как мне показалось, нормально. Через два дня приехал во ВГИК смотреть списки принятых и не нашел в них своей фамилии. В это время мимо проходил Кулешов. Почему-то он обратил на меня внимание: «Что, расстроился?» Я объяснил, что вообще-то хотел поступать на режиссерский. Он покачал головой, посетовал, что разрядки на режиссерский в этом году не было. А через полгода я неожиданно получил открытку, в которой Кулешов приглашал меня сдать экзамены на режиссерский факультет. Я держал экзамен и был принят в его мастерскую. Спасибо, Лев Владимирович!

Начались занятия, и вдруг мне пришла повестка из военкомата явиться с вещами. Призыв в армию. На вопрос комиссара, в каких войсках хочу служить, ответил: в танковых. Меня зачислили в команду, состоящую из московских шоферов. По возрасту я был самый младший, мне было восемнадцать лет. Шла война с финнами. В товарных вагонах нас ночью привезли на Украину, в город Александрия, а утром выяснилось, что танков нет, и мы попали в 178-й гаубичный артиллерийский полк на конной тяге. Шоферы негодовали. В четыре-пять часов утра мы шли чистить лошадей. Мне повезло – лошадка попалась очень спокойная, я ее, как и все шоферы, драил щеткой. А у других ребят лошади брыкались, они были колхозные необученные. Днем мы ползали с винтовками по снегу. Мороз. На нас – не валенки, а кирзовые сапожки и шинельки. «Тяжело в учении – легко в бою», – говорил наш сержант.

Сергей Эйзенштейн на занятиях со студентами во ВГИКе

Я заболел двухсторонним воспалением легких и пролежал неделю в госпитале Александрии, после чего меня отправили в Центральный военный госпиталь в Днепропетровск. Пенициллин еще не применялся, его просто не было. Уколы и бюст очаровательной медсестры являлись основными лекарствами. Медсестра моя была красавица, белокурая пышногрудая, в белом халатике с потрясающим декольте. Я почти влюбился. Как-то она принесла мне с рынка яблоки. И какие они были! По-моему, самые вкусные яблоки, которые я когда-либо ел. Но температура не падала, кашель не прекращался. Вызвали маму. Я чудом поправился, но после двух комиссий меня от дальнейшей службы в армии отсрочили, и я вернулся во ВГИК.

22 июня 1941 года рано утром по радио В.М. Молотов объявил о вероломном нападении немцев на наши города. Началась Великая Отечественная война. «Наше дело правое, победа будет за нами!» – закончил свою речь Вячеслав Михайлович. В этот день я уехал вожатым в пионерский лагерь на Украину, на Азовское море, под Бердянск. Провожал меня отец. Мы простились с ним на Москворецком мосту. Оказалось, навсегда. 5 июля 1941 года ушел добровольцем в Кировскую дивизию народного ополчения на защиту Москвы мой отец – Григорий Иосифович Натансон, профессор-экономист, преподаватель Плехановского института, белобилетник по зрению (в его очках вместо стекол стояли линзы). В любимую Москву он так и не вернулся, погиб под Ельней. Как стало известно моей маме из беседы с чудом спасшимся из немецкого плена однополчанином папы, отец по доносу был выдан как еврей и вместе с другими евреями и коммунистами был расстрелян немецкими офицерами. Отец не был коммунистом, и дома Сталина называл тираном. Слушать это мне было обидно, ведь я был активным комсомольцем и, разумеется, верил Сталину. Добровольцами ушли на фронт и ряд профессоров ВГИКа во главе с директором института Файнштейном. Все погибли под Вязьмой (в основном в плену, где немцы расстреляли ополченцев, евреев и политработников).

В наш пионерский лагерь неожиданно приехала группа беженцев из города Львова, спасшихся от фашистов. Они рассказывали о чудовищных зверствах немцев в городе, о повешенных на деревьях и электрических столбах, о массовых расстрелах. Вскоре мир содрогнется, узнав об истреблении людей в автомашинах-душегубках, крематориях, где сжигали еще живых людей, о Бабьих Ярах в каждом оккупированном немцами городе России, Украины, Белоруссии, на Северном Кавказе, в Крыму, где поголовно подлежали уничтожению люди национальности, подарившей миру Иисуса Христа. И что не укладывалось в голове – идеи Гитлера, Геринга, Геббельса, Гимmlера и других руководителей Германии поддержали миллионы немцев. «Немцы и Германия выше всех» – был их лозунг. Наш пионерский лагерь под Бердянском чудом удалось эвакуировать буквально за день до вступления немцев в город. Ехали в Бердянск целым эшеленом из двенадцати вагонов. Возвращались ночью, чтобы избежать бомбежек. Проскочив станцию Пологи, которую днем бомбили немецкие самолеты, мы были спасены.

В ноябре 1941 года ВГИК был эвакуирован в Алма-Ату. Ехали более месяца, пропуская эшелоны с танками, орудиями и войсками (в троллейбусах, установленных на открытых платформах, по три человека на скамейке, почти все без вещей, с минимумом продуктов). Запомнилось, как на стоянке в Куйбышеве (ныне вновь Самара) мимо проходила девушка с буханкой хлеба. Видимо, я так на нее посмотрел, что она разломила хлеб и вторую половину отдала мне. Как же я ей был благодарен! Позже в Алма-Ату неожиданно приехали моя мама с сестрой Кариной, эвакуированной с институтом МАИ, в котором она училась. Мы снова оказались вместе.

Город Алма-Ата, раскинувшийся на фоне заснеженных гор Алатау, покорило мое сердце своею красотой. Жили трудно. На базаре было все, но стоило безумно дорого. Нам, студентам, выдавали хлеб по рабочим карточкам. Хорошо жили только студенты-художники. Они рисовали поддельные хлебные карточки, да рисовали так, что за

все время эвакуации никто из них не попался. Буханки хлеба они продавали на рынке и могли позволить себе покупать и мясо, и рис, и знаменитые алма-атинские яблоки. Вы, наверное, никогда не ели алма-атинских яблок? Они каждое по полкило весом. Огромные, вкуснейшие и очень красивые.

Казахи приняли нас, как и тысячи других москвичей, ленинградцев, белорусов и украинцев, тепло и доброжелательно, потеснившись в своих домах и разделяя с нами продовольствие. Так же дружелюбно приняли эвакуированных в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, Киргизии... Национализма не было.

Все студенты жили в помещении кинотехникума, где и проходили занятия. Кинотехникум располагался в предгорье Алатау. По двум сторонам улицы текли арки с чистой горной водой. В столовой общежития можно было поесть «затируху» (галушки, наполовину сделанные из отрубей). Мама и сестра жили в съемной хибарке у реки Алма-Атинка. Мама пошла работать в одно из министерств.

Я решил обратиться к заместителю директора ЦОКС (Центральной объединенной студии «Мосфильм» и «Ленфильм») режиссеру Владимиру Вайнштоку, поставившему замечательный фильм «Дети капитана Гранта» с Николаем Черкасовым. Песню из этого фильма «Жил отважный капитан, он объездил много стран, и не раз он бороздил океан...» пела вся детвора. Рассказал ему о гибели на фронте отца, о тяжелой жизни семьи. Он направил меня к известному режиссеру Ефиму Дзигану, постановщику замечательного фильма «Мы из Кронштадта». В то время он работал над картиной «Секретарь райкома». Начались съемки. Просмотрев первый материал, худсовет студии ЦОКС снял Дзигана с постановки из-за плохой игры актрисы Есиповой, его супруги, и передал фильм режиссеру Ивану Пырьеву. О Пырьеве шли слухи, что он хулиган, матерщинник и даже антисемит. Но в реальности это не подтвердилось. Его друзьями были Михаил Ромм, Сергей Юткевич, Александр Столпер, Леонид Луков...

В съемочной группе остались лишь несколько москвичей. Все ленинградцы покинули группу. Пырьев спросил меня:

– Кто вы такой?

– Я студент третьего курса режиссерского факультета ВГИКа.

– Что вы хотите делать на картине?

– Хочу работать у вас в качестве ассистента по актерам, готовить второй план, работать с массовой.

Я студент ВГИКа. 1944 г. Любимая фотография моей жены Мирушки

– Наша картина военная, много пиротехники. Будете моим ассистентом по пиротехнике. Практически я стал помощником пиротехника. Мне дали шестиметровую палку с гвоздем на конце, на который насаживалась военная дымовая шашка. Пырьев кричал в железный рупор: «Жо-ра! Правее!» Я не слышал его команды – шашка-гадюка громко шипела, – бежал левее, рупор-то – не современный микрофон с усилителем. Пырьев кричал: «Жо-ра! Беги туда, где твоя жо-па!» Я вертелся во все стороны. Он вообще любил такие словечки, иногда они были и матерные. По окончании съемок я был весь в саже и долго не мог смыть ее.

Пырьев хорошо ко мне относился. А я старался. Как-то он спросил:

– Из Москвы должна была прийти картина «Свинарка и пастух» на одной пленке. Я сам буду смотреть ее впервые в таком виде. Хочешь со мной?

– Конечно, Иван Александрович!

Картина еще шла, я был в восторге от игры Марины Ладыниной и Владимира Зельдина, а также от мелодичной музыки и прекрасных песен Исаака Дунаевского и решил: буду режиссером музыкальных фильмов. Пырьев по окончании спросил:

– Ну как вам, Жорочка, картина? Понравилась?

Я без всякого подхалимажа, искренне ответил, что очень и очень!

– А вот Эйзенштейну не понравилась, – сказал он с грустью (Сергей Михайлович был худруком «Мосфильма»). – Эйзенштейн – не русский режиссер, – и после паузы добавил: –

А вот Левитан – русский художник.

Так я стал первым зрителем фильма «Свинарка и пастух» в СССР.

На картине «Секретарь райкома» я познакомился с замечательными актерами – Михаилом Ивановичем Жаровым, Ваниным, Астанговым и, конечно, Мариной Ладыниной, звездой кино. Михаил Жаров на съемках часто творчески спорил с Пырьевым.

Когда на работу в съемочную группу звонила моя мама, а телефон стоял на столе Пырьева, Иван Александрович всегда тепло звал меня к телефону: «Жорочка, тебя мамочка спрашивает». Как-то после дневных съемок в павильоне Иван Александрович обратился ко мне с просьбой – принести из библиотеки много-много газет. В библиотеке отказа не было, дали подшивки за прошлые годы, под мое обязательство их вернуть. Пырьева на студии боялись все. Я принес столько, сколько мог унести.

– Мало, давай еще!

Я вновь притащил несколько подшивок.

– Мало, еще столько же!

Принес еще тяжелые подшивки.

– А теперь рви их и стели на полу. Будем с тобой здесь ночью спать. Я с Мариной поссорился.

Спали мы таким образом более недели, подушкой служил кулак, но съемки продолжались. Пырьев называл Ладынину Мариной Алексеевной и вежливо, но холодно давал ей свои режиссерские указания. Она их безукоризненно выполняла. Конечно, газеты после такого пришли в негодность и возвращать в библиотеку было нечего. Но жалоб не поступило. На студии боялись Пырьева.

В другой раз Иван Александрович поручил мне пойти в организацию «Казахмаслосбыт» и получить для него персональный лауреатский паек. Я получил полтора килограмма масла и полтора килограмма сыра. Сейчас невозможно представить, какая это была ценность. Я шел на студию, прижимая пакет к сердцу, боясь, как бы на меня не напали бандиты и не отняли столь дорогую ношу. Когда я благополучно доставил ее Пырьеву, он отрезал мне граммов двести масла и столько же сыра: «Передай мамочке!»

В то время моим учителем был Эйзенштейн. Мы почти всегда снимали ночью, так как днем все электричество города шло на оборонные заводы. Утром я бежал на занятия во ВГИК. И вот – лекция Эйзенштейна «Вертикальный монтаж». Весь ВГИК собрался: студенты – режиссеры и художники, актеры, операторы, преподаватели, чтобы послушать

великого Эйзенштейна. Он был умнейший, интеллигентный, добрый и веселый человек. Студенты постоянно одалживали у него деньги на жизнь, и он всегда давал их со словами: «Ведь все равно не вернешь». Ему и не возвращали, он и не требовал... А я на той лекции заснул. Меня будили и не могли растолковать, а Эйзенштейн, увидев это, сказал: «Не будите

Натансона, он каждую ночь с Пырьевым работает. Я ему потом отдельно расскажу о вертикальном монтаже». И действительно через несколько дней сам Эйзенштейн более часа мне одному рассказывал о своей теории вертикального монтажа. «Как же хорошо к тебе относится Эйзенштейн», – говорили мои сокурсники.

Иван Александрович Пырьев – человек-легенда. Я о нем вспоминаю почти каждый день: живу я на улице режиссера Пудовкина, за которой находится улица режиссера Пырьева, – туда хожу в продовольственный магазин, в сберкасса за пенсией и часто – в аптеку.

В Алма-Ату были эвакуированы композитор Прокофьев, Галина Уланова, Любовь Орлова, Марина Ладынина, Михаил Жаров, Николай Черкасов, Лидия Смирнова, Валентина Серова, режиссеры Сергей Эйзенштейн, Иван Пырьев, Юлий Райзман, Константин Юдин, Фридрих Эрмлер, Александр Птушко, оператор Борис Волчек и другие видные кинематографисты. Городские власти Алма-Аты передали кинематографистам самый большой дворец культуры, где и родилась киностудия ЦОКС, и новый, стоявший напротив дворца культуры, жилой дом. Туда и въехали кинематографисты, окрестив дом «лауреатником». Я часто видел во дворе играющую шестилетнюю девочку – Галиночку Волчек...

В Алма-Ату эвакуировался и театр Моссовета с Завадским и Марецкой, которой восхищалась вся Москва.

Большим успехом у публики пользовались спектакли Театра оперы и балета имени Абая – замечательное здание с казахским орнаментом на фронтоне. В нем выступала великая Галина Уланова, находившаяся в эвакуации, и другие звезды оперы и балета – москвичи и ленинградцы. Эвакуированные прозвали этот театр «театром оперы и... буфета». Там в антрактах можно было купить без карточек пирожки с ливером, зрители расхватывали их тепленькими, стоя по нескольку раз в очереди. Как-то я пошел туда на «Севильского цирюльника». За мной сидела пара – очень красивая девушка с юношей. Девушка мне так понравилась, что во время перерыва я подошел к ней и сказал: «Я работаю на киностудии, приходите к нам сниматься». Она удивилась – ведь об этом она и не мечтала. Я попросил ее адрес, телефонов ведь не было, и обещал зайти, когда будут съемки.

Помню, дня через два подхожу к маленькому деревянному дому на улице Гоголя, где в одной из комнат она жила с мамой и тетей (их эвакуировали из Киева), и вижу: идет передо мной девушка, спиной красивая, с коромыслом, с двумя полными ведрами воды. Это и была моя Машенька, моя Мирушка, потому что в жизни ее звали Мира, а так – Мария Михайловна. Я познакомился с ее мамой и теткой, и мы начали встречаться. Ее русский отец, Лузгин, погиб в Гражданскую, а мать была украинка по фамилии Кирюха. Маша в Алма-Ате стала по моей инициативе работать на киностудии в массовке, потом была дублершей Людмилы Целиковской в фильме «Воздушный извозчик», где я работал ассистентом режиссера Раппапорта. Оператор ставил на нее свет, а затем уже корректировал на Людмиле Васильевне. Главную мужскую роль исполнял Михаил Жаров. Это была моя вторая встреча с великим артистом.

Мария Михайловна Лузина – моя жена

Я влюбился, и мы, не сказав никому, через месяц поженились. Просто пошли в ЗАГС и поставили штампы в паспортах. После дома у Мирушки с моей и ее мамой и теткой Галей выпили бутылку вина, закусывая алма-атинскими яблоками и конфетами. Наши первые брачные ночи прошли в общежитии. Там, кроме моей, стояло еще семь кроватей. Я целовал и обнимал Машу под простыней. Мы прожили вместе шестьдесят два года. У нас – дочь Марина и внучка Анастасия, ее дед по отцу – великий скульптор Вучетич, автор памятников «Воин-освободитель» в Берлине, «Родина-мать» на Мамаевом кургане в Волгограде. Я всегда говорю о супруге с необыкновенной нежностью и любовью. Мария Михайловна актрисой не стала, но работала в кино, вся ее трудовая биография прошла на «Мосфильме».

На пенсию она ушла с должности главного редактора телестудии. Она была очень образованна, прочла книг больше, чем я, – читала их с упоением. Поэтому к ее советам прислушивались многие режиссеры-постановщики телесериалов. Моя доченька Мариночка по окончании актерского факультета Щукинского училища стала сначала ассистентом, а вскоре и вторым режиссером.

1944 год . ВГИК вернулся в Москву. Моя Мирушка осталась в Алма-Ате – в пропуске в столицу, несмотря на официальный брак и штамп в наших паспортах, ей отказали, потому что она была эвакуирована не из Москвы, а из Киева. Пришлось нам расстаться более чем на год. По приезде в Москву я заболел сыпным тифом. Видимо, заразился в дороге. Пролежал в 1-й Градской больнице больше месяца. Моя мамочка от меня не отходила. С утра до вечера сидела у моей постели, кормила, умывала, ежедневно приезжая рано утром и покидая меня поздно вечером. По выздоровлении я продолжил учебу во ВГИКе. В один из дней на занятие в кабинет режиссуры, где на стенах висели портреты Эйзенштейна, Кулешова, Пудовкина, Довженко, Герасимова, Ромма, Пырьева и других выдающихся мастеров кино, бесцеремонно вошел заместитель председателя Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР

Иван Лукошев – известный пьяница и бабник. Прервав занятия, он обратился к нам с призывом снять портрет Довженко. Никто из студентов не шевельнулся. Он повторил свой призыв, но мы молчали. Тогда он взял стул, не без труда взгромоздился на него (он был толстоват и обладал немалым животом), сдернул портрет со стены и, чуть не упав, злобно

посмотрел на нас. Через некоторое время нам официально сообщили, что Довженко – украинский националист. Но об Александре Петровиче Довженко я расскажу позже.

Как-то по ВГИКу разнеслась весть, что в Доме кино будет выступать приехавший из Америки народный артист СССР Соломон Михоэлс. Я с интересом, как и многие студенты, пошел на эту встречу. Зал был переполнен. Михоэлса встречали аплодисментами. Он рассказал о сборе средств на нужды Красной армии, сдерживающей наступление фашистских войск. Своими выступлениями в многотысячных концертных залах ему удалось собрать деньги на покупку самолетов, танков, автомобилей и медикаментов. Большую часть средств он получил от еврейских диаспор в американских городах. Он говорил о встрече с Эйнштейном, Марком Шагалом и, что особенно заинтересовало аудиторию, с Чарли Чаплиным, которых убеждал в том, что в СССР антисемитизма нет.

Говорил о выступлениях Чарли Чаплина на стадионах, когда тот призывал открыть второй фронт, чтобы помочь русским. «Каждый день приходят вести о страшных потерях русских. Коммунисты такие же люди, как мы, и умирают они точно так же, как мы. Мать коммуниста – такая же женщина, как всякая мать. Когда она получает трагическое известие о гибели сына, она плачет, как плачут другие матери. Русским нужна наша помощь, русские наши союзники. Они борются не только за свою страну, но и за нашу» – это подлинные слова великого актера.

Выступление Михоэлса вызвало бурю аплодисментов. Кто бы мог подумать, что 1948 году по приказу Сталина Михоэлс будет убит?! Так отблагодарил вождь народов за помощь Красной армии.

Свидетельницей телефонного разговора Сталина с министром госбезопасности Абакумовым была его дочь Светлана. В книге «В письмах к другу» она пишет: «Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резюме, сказал – «ну, автомобильная катастрофа».

Окончив разговор он поздоровался со мной и через некоторое время сказал – в автомобильной катастрофе разбился Михоэлс».

Похоронили Михоэлса с государственными почестями. Прощальную речь произнес Александр Фадеев. Михоэлса лишили ордена Ленина и звания народного артиста Советского союза.

Я приступил к съемкам своей дипломной работы «Гроза» по О. Генри. В главной роли снялся артист Граббе, а оператором был Гога Егиазаров, ставший впоследствии известным режиссером. Параллельно я работал ассистентом Ивана Александровича Пырьева на картине «В шесть часов вечера после войны» с Мариной Ладыниной и Евгением Самойловым. Лев Владимирович Кулешов не одобрял моего совместительства и требовал прервать работу у Пырьева. Но разве я мог это сделать? Пырьев не простил бы мне предательства, да и зарплата, при крохотной стипендии, для студента имела немалое значение. Я очень волновался, когда мы снимали эпизод возле Красной площади на Москворецком мосту. Ведь именно здесь 22 июня 1941 года я простился с отцом и даже на секунду не мог предположить, что больше никогда не увижу его. Мы все так свято верили в быструю и легкую победу над немцами, верили в пролетарскую солидарность. Но немцы оказались националистами и фашистами. В нашу страну вторгся жестокий и безжалостный враг, уничтожавший детей и стариков, разрушавший все на своем пути.

Сергей Михайлович Эйзенштейн незадолго до войны показал жестокость немцев в фильме «Александр Невский» с гениальным Черкасовым в главной роли. Недаром Карл Маркс называл немцев «псами-рыцарями».

1944 год . Пришло время защищать диплом. Я умудрился случайно опоздать на это важное мероприятие почти на час. Когда вошел в аудиторию, на меня со страшной руганью набросился председатель комиссии Пудовкин: «Куда вы исчезли? Мы вас ждем более часа!» А в комиссии сидели Эйзенштейн, Кулешов, Хохлова, Скворцов... «Все. Получу двойку», – в отчаянии подумал я. Но к счастью, после добрых высказываний о моей дипломной работе Эйзенштейна, Хохловой и Кулешова мне поставили пятерку. И так я стал дипломированным

режиссером. Диплом подписал сам Эйзенштейн. Для этого мне пришлось ехать к Сергею Михайловичу домой. Я обратил внимание на то, что его квартира была вся в книгах и рукописях. Сергей Михайлович поздравил меня, пожал руку. «Нашему полку прибыло», – сказал он весело. Тогда я не знал, что Сергей Михайлович, несмотря на смертельную опасность, спас и сохранил архив Мейерхольда.

9 мая 1945 года, в День Победы, я был на Красной площади, заполненной восторженным народом. Люди обнимались, целовались, качали на руках военных. Все происходило стихийно. Никто этот великий праздник не организовывал. Страшной войне, развязанной немцами, настал КОНЕЦ! Вспомнились слова Сталина, произнесенные на параде на Красной площади 7 ноября 1941 года: «...будет и на нашей улице праздник». Их по радио несколько раз повторял Левитан.

Как и все, я был счастлив, но с горечью вспоминал погибшего отца. Уже поздно ночью по Красной площади и Москворецкому мосту я протискивался сквозь толпу к себе домой на Ордынку.

Праздник состоялся, но какой ценой! Сколько миллионов советских людей погибли, чтобы в борьбе с жестокими, преданными Гитлеру немцами, поднимающими в фашистском приветствии правую руку с возгласами «Хайль, Гитлер!» и фанатически воевавшими в этой войне, принудить их к безоговорочной капитуляции и заставить поднять обе руки с униженными словами «Гитлер капут»... Начиная с разгрома немцев под Москвой, затем Сталинградской битвы и битвы на Курской дуге и заканчивая городами Германии, куда с боями входила Красная армия...

Над Красной площадью на огромном аэростате был подвешен портрет Сталина. Выхваченный из темноты несколькими лучами прожекторов, он витал в небе над ликующим народом.

Я подумал: какой добрый русский народ. После зверств и разрушений, которые принесли немецкие орды на землю России, Белоруссии, Украины, Крыма, советские люди, и в первую очередь русские, а также Сталин, сказавший о себе: «Я давно русский», не заставили немцев восстанавливать города и села, заводы и фабрики, беспощадно разрушенные ими, воссоздавать и возвращать разграбленное.

Поднимали страну своими силами полуголодные народы СССР. Они и превратили Советский Союз в мощную ядерную державу, которую боялись и уважали все государства мира, включая Америку.

Забыли, что немцы в большинстве своем добровольно избрали во власть Гитлера, открыто призывавшего в своей книге «Майн кампф» к войне против Советского Союза, называя славян «недочеловеками». Что, вооружившись первоклассной военной техникой, они прогулкой прошлись по Европе и дошли до стен Москвы, на что Сталин заявил: «Ленин оставил нам великое государство, а мы его просрали».

Навсегда запомнятся мне Парад 7 ноября 1941 года на Красной площади и речи Сталина на Мавзолее Ленина и на станции метро «Маяковская», когда немцы были в Химках, в пригороде Москвы. На весь мир подручный Гитлера Геббельс кричал, что немцы видят Кремль в бинокль.

Но чудо свершилось, Красная армия под руководством гениального полководца, военачальника Георгия Константиновича Жукова разгромила под Москвой мощную армию немцев, которой, казалось, на земле нет преград. Как же мог Сталин (членом военного совета то время был Николай Александрович Булганин, но о нем расскажу позже) сначала справедливо сделать маршала Жукова трижды Героем Советского Союза, а затем, после Парада Победы на Красной площади в 1945 году, отправить его из ревности в опалу: сперва в Одессу командующим военным округом, а затем в Свердловск, ныне Екатеринбург, на ту же должность (повторилась история с генералиссимусом Суворовым, который после великих побед впал в немилость царя и был отправлен в опалу). После этого в кино и на телевидении Парад Победы на Красной площади 1945 года не показывался долгие годы.

Я, как и многие, не могу понять, почему десятки лет народ России, победитель в войне,

обладающий самыми большими природными ресурсами, в том числе газом и нефтью, алюминием, углем и золотом, живет хуже, чем побежденные немцы.

То, что все природные богатства отдали олигархам в надежде, будто они выправят положение, оказалось трагической ошибкой. Они в одночасье несметно разбогатели и личными своими миллиардами долларов ни с кем делиться не желают. Даже пример русских меценатов прошлых времен – Третьякова, Морозова, Мамонтова, Щукина, Бахрушина и других – не вдохновляет их на поддержание русской культуры. За рубежом государство не принимает участия в поддержке культуры. Все – только спонсоры, которым за это снижают налоги. А наших миллиардных богатеев культура не интересует, так как они самые жадные в мире и на культуру им плевать! В частности, они отказываются поддержать и российскую кинематографию. Поэтому она в тяжелейших современных условиях влачит жалкое существование, как накрененный перед погружением пароход «Булгария». И вот-вот затонет...

Новые фильмы зрители в основном не смотрят даже бесплатно, за исключением, пожалуй, тех, что показывают на международных фестивалях: «Золотой витязь», «Зеркало» имени Андрея Тарковского, «Кино-шок». Фильмы на конкурс отбираются там очень строго, показываются картины, призывающие к добру и уважению к человеку. Эти мероприятия остаются островками культуры среди многочисленных современных фестивалей. И на многих из них зрительные залы пусты. Одни критики и киноведы. А деньги тратятся на них миллионные. Деньги налогоплательщиков, на которые можно было бы снять новые картины.

Разве не беда, что мы не создаем такие же патриотические фильмы, которые воспитывали довоенную молодежь в беззаветной любви и преданности к Родине? Когда началась война, тысячи десятиклассников осаждали военкоматы с просьбой послать их на фронт. А сегодня призывников зачастую приходится приводить в военкоматы с милицией. Появилось новое слово – «отказники». В каждом призыве – тысячи «отказников»!

Более того, в России родились доморощенные неонацисты, которые празднуют день рождения Гитлера, поднимая руки в фашистском приветствии с лозунгом «Россия для русских». Видимо, невежественные молодые люди не знают, что Гитлер считал славян, в том числе и русских, «недочеловеками», годными быть только рабами. Эти молодчики убивают антифашистов, а также узбеков, таджиков, киргизов, работающих в Москве и других городах России. Сея повсюду межнациональную рознь, они забывают, как я уже говорил ранее, что в годы войны все среднеазиатские республики принимали миллионы эвакуированных из России людей, делясь с ними своим кровом и продуктами. И не было случаев убийства русских. Забывают, что их деды и отцы в годы Великой Отечественной войны плечом к плечу с выходцами из среднеазиатских республик боролись с немецкими фашистами, и многие погибли в этой борьбе на фронтах и в партизанских отрядах.

Нет ни художественных, ни документальных фильмов о сегодняшних фашистах, нет их и о героях Великой Отечественной войны. Жюри Департамента кинематографии Министерства культуры России их в производство не допускает. Об этом написала газета «Московский комсомолец». Кому нужно такое засекреченное жюри с националистическим уклоном? Прав был Никита Михалков, сказавший в своем выступлении на ТВ, что современная молодежь не знает о подвиге генерала Карбышева, которого немцы за отказ от сотрудничества превратили в ледяной столб, живого поливая на морозе из брандспойта; не знают о том, что казнили наших воинов в плену на крестах, как Иисуса Христа. Уверен, не известно им о подвигах и казнях Зои Космодемьянской, Рихарда Зорге, Александра Матросова, Лизы Чайкиной, белорусских партизан. А Центральное телевидение даже старые патриотические фильмы о героях не показывает. Одна «развлекаловка» и убийства. Великие фильмы – «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма, «Иди и смотри» Элема Климова, «Александр Невский» Эйзенштейна, «Иваново детство» Тарковского, «Зоя» Арнштама и мой фильм «Они были актерами» и другие патриотические фильмы на экранах ЦТ не демонстрируют многолетие. Поэтому и поднял голову фашизм в России. Происходит какое-то кокетство с нынешними немцами. Давайте, мол, забудем ваши массовые казни. Это

неправильно. Новые поколения немцев должны знать, что творили их деды, чтобы никогда больше эти злодеяния не повторить.

Глава 2 «Морской охотник»

1954 год . Я – второй режиссер фильма «Морской охотник» в постановке режиссера Владимира Немоляева, отца замечательной актрисы Светланы Немоляевой, с которой я познакомился во дворе гостиницы Ялтинской киностудии, где жила наша съемочная группа. Тогда Светлана была еще семилетней девочкой.

Начал с подбора актеров. В театре имени Станиславского в роли Лариосика в спектакле по произведению Михаила Булгакова «Дни Турбиных», который поставил Михаил Яншин (чудесно игравший эту роль во МХАТе), я увидел юного Женю Леонова, еще никогда не снимавшегося в кино (он окончил два курса при Большом театре и был принят в театр им. Станиславского). Он мне понравился, и я предложил ему роль повара в фильме «Морской охотник». Он согласился. Немоляеву он тоже понравился и был утвержден. Сыграл прелестно. Так родился в кино великий Леонов, со своей доброй «леоновской» улыбкой, ставший актером всех фильмов замечательного режиссера Георгия Данелии – и любимцем зрителей кино и театра.

Впоследствии, когда мы где-нибудь случайно встречались, он всегда обнимал меня, прижимал к себе, вспоминал фильм «Морской охотник» и свои первые съемки.

На главную женскую роль я пригласил талантливую Надежду Румянцеву.

Но самым значимым событием того времени стало для меня знакомство с Марией Павловной Чеховой, родной сестрой писателя. Фильм «Морской охотник» мы снимали в Крыму в районе Мисхора. В один из редких выходных дней я решил поехать в Ялту в Дом-музей А.П. Чехова. Подойдя к дому, обнаружил над калиткой объявление: «Дом-музей А.П. Чехова закрыт на ремонт». Я осмелился нажать на кнопку звонка. Вышла пожилая женщина.

– Молодой человек, разве вы не прочли, что музей не работает?

Я объяснил ей, что я московский кинематографист, что мы снимаем в Крыму фильм о войне, и другого случая попасть в музей у меня не будет.

– Я не могу отменить решения Марии Павловны. Музей закрыт. После немецкой оккупации он требует ремонта.

Я поведал ей о своей любви к писателю. Просил, умолял.

– Хорошо, подождите.

Через некоторое время она вернулась с пожилой, скромно одетой женщиной. Это была Мария Павловна Чехова. Она доброжелательно поздоровалась со мной. Я попросил о возможности хотя бы в течение получаса осмотреть сад, посаженный Чеховым своими руками и цветущий во все времена года, и его кабинет...

Мария Павловна Чехова

Писателя Чехова великий Л.Н. Толстой назвал «Пушкиным в прозе», а после его смерти писал: «Чехов, видите ли, был несравненный художник. Да, да! Именно несравненный художник жизни. И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродни не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное – новые формы создал Чехов, и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике он, Чехов, гораздо выше меня. Это единственный в своем роде писатель». Не знаю, чем я покорила Марию Павловну, но она сказала:

– Хорошо, полчаса я вам уделю.

Мы вошли на террасу дома.

– Что вас интересует?

– Расскажите о любви Антона Павловича и его супруги Ольги Леонардовны, – робко попросил я.

– Любовь была странная. Встречались они редко, так как Ольга Леонардовна была занята во МХАТе в Москве, а Антон Павлович уединенно жил в Ялте, где писал пьесы, рассказы и письма своей жене-актрисе в Москву. Конечно, он ее очень любил...

Мария Павловна прочла мне два письма Антона Павловича:

...

«Милая, славная, великолепная моя актриса, я жив, здоров, думаю о тебе, мечтаю и скучаю от того, что тебя нет здесь. Вчера и третьего дня был в Гурзуфе. Теперь опять сижу в Ялте, в своей тюрьме.

А.П. Чехов О. Книппер. 13 августа 1900 г. Ялта».

...

«Я работаю не в Гурзуфе, я в Ялте, и мне жестоко мешают, скверно и подло мешают. Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу, но едва я за бумагу, как открывается дверь и вползает какое-нибудь рыло.

А.П. Чехов О. Книппер. 18 августа 1900 г. Ялта».

В 1900 году в Крым приезжал МХАТ. Сначала в Севастополь, а потом в Ялту, где Чехов встречался с Книппер, Станиславским, Немировичем-Данченко и знаменитыми актерами этого театра. Смотрел спектакли. Зрители бурно аплодировали Антону Павловичу, который от скромности сбежал из ложи в последние ряды партера.

– Теперь Ольга Леонардовна каждый год в свой летний отпуск приезжает на дачу Антона Павловича в Гурзуф, но не всегда меня навещает, – грустно сказала Мария Павловна.

Эту дачу из двух маленьких комнат на скале у самого моря, купленную Чеховым у рыбака-татарина, я посетил, когда снимал в Крыму фильм о М.А. Булгакове «Я вернусь» («Булгаков в Крыму»). Мы с Василием Лановым поразились скромности дома, где Чехов, уединившись от публики, бесконечно тревожившей его в Ялте, закончил пьесу «Вишневый сад», и по сей день идущую в театрах по всему миру, наравне с пьесами Шекспира. Чехов по бедности не мог выстроить себе дачу, подобную дачам-дворцам, которые раньше строили цари, а сегодня на побережьях Англии, Италии, Франции, Испании возводят олигархи – новые русские, владеющие несметными богатствами...

Я спросил, как удалось сохранить этот дом в Ялте во время войны. Мария Павловна рассказала, что немцы, ворвавшись в Ялту, где почти не состоялась эвакуация (ее не успели провести), в первую очередь занялись расстрелами коммунистов и евреев. Они не щадили ни новорожденных детей, ни пожилых людей, как и во всех других оккупированных городах России, а до этого Европы. Уничтожали их в газовых камерах и автомобилях-душегубках, безоговорочно выполняя приказ трижды проклятого Гитлера. «В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения», – гласила директива Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 года, и немецкие солдаты безропотно ее выполняли: только одних евреев было уничтожено более шести миллионов.

Но Марии Павловне повезло. К ней на постой пришли два офицера. Видимо, они знали, что любимой актрисой Гитлера была Ольга Чехова (говорят, одновременно она являлась советской разведчицей), на ее спектаклях в Берлине бывал сам фюрер. Он встречался с ней и вне театра. Благодаря этим офицерам немецкая солдатня не проводила в доме бесконечных обысков, как это происходило в других домах Ялты и многих городах Крыма (там, выявив евреев или коммунистов, их целыми семьями вели на казнь). Этим занимались не только гестаповцы, но и регулярные войска немецкой армии. Именно из-за такой политики немцев переименовали в гитлеровцев.

Далее привожу текст журналиста Игоря Барышева:

«Итак, в первых числах ноября 1941 года в Ялту вошли немцы. А 7 ноября в дом Чехова постучали. Дверь открыла Мария Павловна – сестра писателя и хранительница музея. На пороге она увидела немецкого офицера, чуть поодаль стояли солдаты. Офицер представился:

– Майор Карл фон Бааке... С кем имею честь говорить?

– Мария Павловна. А вы кто?

– Мне надо посмотреть дом, – ответил офицер. Ответ этот показался Марии Павловне несколько нерешительным, и это сняло напряженность. Она пригласила майора войти. Бааке дал команду солдатам остаться во дворе.

– Это ваш дом?

– Нет, это музей и квартира русского писателя Чехова, а я его сестра, наследница и директор музея. Пьесы брата шли в Художественном театре.

– Слышал, слышал про этот театр, он был у нас в Берлине, и его гастролы проходили с успехом. Думаю, я вас не стесню, госпожа Чехова. Остановлюсь здесь на некоторое время.

Так в доме Чехова поселился майор инженерносаперных войск 72-й пехотной дивизии армии Манштейна Карл фон Бааке и стал «хозяином» этого дома. Дом посещали другие офицеры, В. Лейдеман – адъютант Карла фон Бааке и его личный доктор Байер.

Спустя некоторое время Мария Павловна узнала, что Бааке был специалистом-фортификатором, под Севастополем, в районе Мекензиевых гор майор руководил строительством оборонительных сооружений. Наступающая Красная армия могла их преодолеть только после мощной артподготовки. За время долгого проживания майора Бааке дом Чехова никто без разрешения не посещал, ни один экспонат не пропал, все вещи остались на своих местах. Кстати, майор и его адъютант после отступления попали в котел во время Корсунь-Шевченковской операции и погибли в местечке Аринишно Черкасской области».

Мы проговорили более трех часов. Мария Павловна показала мне кабинет Антона Павловича и столовую, где под аккомпанемент Рахманинова пел Шаляпин, и его слушали Чехов, Горький, Станиславский, Ольга Леонардовна, Мария Павловна, брат Антона Павловича – Михаил Чехов, писатель Бунин...

Антон Павлович был очень высокого роста, в этом меня убедил его длинный плащ, в котором он путешествовал по Сахалину – там он занимался лечебной практикой и переписью населения.

На прощание Мария Павловна попросила меня обратиться в Городской совет Ялты с просьбой ускорить ремонт дома, надеясь, что московского кинематографиста послушают.

Меня принял один из помощников председателя Горсовета Ялты. Он сказал, что после оккупации в городе есть разрушенные объекты более важные, но подойдет очередь и дома Чехова, он будет восстановлен и снова станет доступным для экскурсий многочисленных почитателей таланта писателя.

После того как Никита Хрущев отдал Крым Украине, Дом-музей А.П. Чехова в Ялте влачит жалкое существование и нуждается в бесконечных дотациях как России, так и других стран Европы. «Чехов не наш, в нем не течет украинская кровь, наш – Гоголь, поэтому внимание к памяти Чехова не идет ни в какое сравнение с вниманием к памяти Николая Васильевича Гоголя», – говорили украинские чиновники. А сотрудники музея в 2004 году оказали мне большую помощь в съемках фильма «Я вернусь» о Михаиле Булгакове, посетившем Крым и дом Антона Павловича Чехова четыре раза.

Но вернемся к творчеству. Иван Александрович Пырьев рекомендовал меня Александру Петровичу Довженко, который приступал к съемкам фильма «Жизнь в цвету» о жизни и деятельности Мичурина. Съёмочная группа выехала в Мичуринск, где в доме и в саду ученого начались съемки. На главную роль был приглашен артист Белов из Ярославского театра. Ему было чуть более сорока лет, и, чтобы сыграть восьмидесятилетнего старика, он гримировался более четырех часов. Одного из иностранцев, приехавших к Мичурину и увидевших на деревьях его гибриды, играл молодой Юрий Любимов. По предложению Александра Петровича я перебрался на ночлег в сад, в его палатку, где по ночам часто слушал его рассказы об Украине, в которую он был беззаветно влюблен, о его жизни, о том, как он стал режиссером, о Сталине...

В одном из эпизодов фильма должно было быть показано цветение яблоневого сада. Но на цветение мы опоздали и отложили съемку этого эпизода до новой весны в Москве.

Сталин в свое время очень хорошо относился к Довженко. Мне Александр Петрович

рассказывал, как Иосиф Виссарионович пригласил его на просмотр картины братьев Васильевых «Чапаев». После просмотра сказал: «За вами, товарищ Довженко, украинский Чапаев – Щорс». На пустом месте для «Щорса» в Киеве выстроили целую киностудию, которая теперь носит имя Довженко. И Сталин, впервые ночью в Кремле посмотрев «Щорса» вместе с Довженко, был в таком восхищении, что пел с ним украинские песни на украинском языке. А после пошел провожать его пешком домой на Метростроевскую улицу – ныне опять Остоженку. Было лето. Рядом ехали две машины охраны. Сталин с Довженко шли пешком по ночной Москве. Он проводил режиссера до подъезда его дома и тепло распрощался. Правда, Довженко не рассказал, о чем они беседовали той ночью.

С болью Александр Петрович рассказывал мне и о трагических временах своей жизни.

В 1943 году он закончил киноповесть «Украина в огне». Сценарий своего произведения он передал Хрущеву. Никита Сергеевич одобрил его. Дважды немцы прошли по Украине за два года войны, разрушая на своем пути города и села, истребляя население и уничтожая евреев. Сначала немцы дошли до Волги и Сталинграда, где подверглись полному разгрому, а затем покатались обратно, продолжая уничтожать оставшееся и истязать людей, безоговорочно садистски исполняя приказ Гитлера.

Я решил не пересказывать воспоминания Александра Петровича, а просто процитировать отрывки из его дневника и отрывки из речи Сталина на заседании Политбюро.

28.07.43 г.

«Читал сценарий Н(иките) С(ергеевичу) Хрущеву до двух часов ночи в с. Пемерках. После чтения была довольно долгая и приятная беседа.

Н(иките) С(ергеевичу) сценарий «Украина в огне» очень понравился, и он высказал мнение о необходимости напечатания его отдельной книгой на русском и украинском языках. Пускай читают, пускай знают, что не так все просто».

31.01.45 г.

«Сегодня годовщина моей смерти. Тридцать первого января 1944 года я был призван в Кремль. Там меня разрубили на куски, и окровавленные части моей души разбросали на позор и отдали на поругание на всех сборищах. Все, что было злого, недоброго, мстительного, все топтало и поганило меня... Я держался год и пал. Мое сердце не выдержало тяжести неправды и зла.

Я родился и жил для добра и любви, меня убила ненависть и зло великих как раз в момент их малости».

Довженко вызвали на Политбюро. Кроме него присутствовало руководство ЦК компартии Украины во главе с Хрущевым.

Далее подлинные отрывки из речи Сталина.

«Тов. Довженко написал киноповесть под названием «Украина в огне». В этой киноповести, мягко выражаясь, ревизуется ленинизм, ревизуется политика нашей партии по основным, коренным вопросам. Киноповесть Довженко, содержащая грубейшие ошибки антиленинского характера, – это откровенный выпад против политики партии.

...Довженко должен шапку снимать в знак уважения, когда речь идет о ленинизме, о теории нашей партии, а он, как кулацкий подголосок и откровенный националист, позволяет себе делать выпады против нашего мировоззрения, ревизовать его.

...Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы. Значит, и здесь Довженко опять не в ладах с правдой. Его киноповесть является антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности».

На Политбюро Хрущев отмежевался от киноповести «Украина в огне», практически предал Довженко, а ведь до заседания обещал напечатать произведение на русском и украинском языках целиком, и немедленно.

28.11.43 г.

«Запрещение “Украины в огне” сильно удручило меня. Хожу мрачный и места себе не

нахожу. И все думаю: Пусть она запрещена, Бог с ними, она все равно написана. Слово произнесено. Я знаю хорошо, насколько пошатнется хорошее ко мне отношение сверху. Возможно, я еще поплачусь как-то за это...»

21.2.44 г.

«Единственное что меня успокаивает, – моя чистая совесть. Не буржуазный я и не националист. И ничего, кроме добра, счастья и любви, не желал я и русскому народу, и партии, и Сталину, и братство народов считал и считаю своим идеалом. Любовь же к своему народу и страдание его страданиями не могут унизить моих идеалов».

31.12.43 г.

«Н(икита) С(ергеевич) Х(рущев) отказался, очевидно, принять меня. Я зачисляюсь, надо думать, в лагерь людей, которым лучше бы на свет не рождаться. Настоящее блаженство ума знает восхищение и сочувствие. Я ошибся в адресате. Я не услышал восхищения битвой и не утолил истерзанную свою творческую душу сочувствием начальника. Прощу же я ему в сердце своем бедность и обусловленность сознания бытием.

Никогда не желал и не желаю зла народу русскому, а желаю ему победы, славы и благополучия на долгие годы. Буду считать себя счастливым делать во имя его пользы и славы все, на что только способна моя душа, памятуя, что по закону общечеловеческому не осудит он меня за мою безгрешную любовь к моему украинскому народу, которому я служил всеми силами своими, всем сердцем и разумом своим, встревоженным юдолей мировой войны, и буду служить до смерти на добро, на любовь и на братство народов, к которым волнами в вечном океане приходят и уходят правительства».

19.01.44 г.

«Русский народ должен выйти из этой войны прославленным победителем, достойным самой лучшей судьбы, самого высокого уважения. Нужно думать, что послевоенный период принесет ему большие достижения в искусстве, в науке, культуре, достижения эпохи послевоенного ренессанса!»

21.02.44 г.

«Сегодня меня исключили из Всеславянского комитета. Завтра, очевидно, исключат из Комитета по Сталинским премиям и снимут с художественного руководителя. Все успокоения моих друзей оказались тщетными. Оргвыводы начинают действовать, петля вокруг шеи затягивается».

25.06.45 г.

«Вчера я был на Параде Победы на Красной площади. Перед великим Мавзолеем стояли войска и народ. Мой любимый маршал Жуков прочел торжественную и грозную речь Победы. Когда вспомнил он тех, кто пал в боях в огромных, неведомых истории количествах, я снял с головы убор. Шел дождь, оглянувшись, я заметил, что шапки больше никто не снял. Не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания, были сказаны вроде бы между прочим две или одна фраза. Тридцать или сорок миллионов жертв и героев будто провалились в землю или совсем не жили, о них не вспомнили как о потерях... Стало грустно, и я уже дальше не интересовался ничем.

Перед великой их памятью, перед кровью и мучениями не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки. Наверное, так и надо. Или, может, нет? Ибо почему же плакала весь день природа? Почему лились с неба слезы? Неужели она подавала знак живым?»

27.07.45 г.

«...Товарищ мой Сталин, если бы вы были даже Богом, я тогда не поверил бы, что я националист, которого надо клеймить и держать в черном теле. Неужели любовь к своему народу есть национализм?

...Зачем превратили мою жизнь в муку? Для чего отняли у меня радость? Растоптали мое имя? Однако я прощаю вас. Будучи весьма малым, прощаю вам малость вашу и зло, потому что вы не совершенны, как бы ни молились вам люди».

Александр Петрович не ошибся. Он стал безработным, снимать фильмы ему не давали.

На что жить? Только через несколько лет Сталин смиловался и разрешил ему поставить фильм о Мичурине.

Вернемся к «Жизни в цвету». Наступила новая весна. Под Москвой, в районе Кунцево, мы нашли замечательный яблоневый сад, который необыкновенно красиво расцвел (сейчас это место застроено жилыми домами).

Задолго до начала съемок Александр Петрович дал мне и другому ассистенту Марии Кучеренко задание – найти двенадцать девушек-красавиц, которые, стоя на лестницах у цветущих яблонь, опыляли бы цветы. Мы выполнили задание постановщика и привели на его утверждение юных прелестниц.

Мария Кучеренко, мать известного режиссера Якова Сегеля, мальчишкой снимавшегося в фильме «Дети капитана Гранта», появилась в саду с Аллочкой Ларионовой, которую отыскала в одной из школ. Она училась в десятом классе. Едва увидев ее, Александр Петрович просто озарился и, конечно, поставил ее на передний план. Это был первый съемочный день в жизни Аллы Ларионовой. Ну а я в нее влюбился в ту же минуту. Вот истинно русская красавица, спокойная, гордая и величавая. Ее золотые волосы, подсвеченные солнцем, образовывали нимб над головой. Ее точеная фигурка, конопатое личико с вздернутым носиком вызвали восхищение. Оказалось, в этой огромной Москве мы жили почти рядом, на улицах у метро «Бауманская».

– Алла, дай мне свой номер телефона. Если будут съемки, я тебя приглашу.

Но я не утерпел, позвонил ей через два дня, и мы встретились. Встречи в дальнейшем проходили на бульваре недалеко от Елоховского собора. Мы гуляли по улицам, сидели на лавочках, и я признавался ей в любви, твердил о ее необыкновенной красоте. Ну и, конечно, много говорили о кино. Я во всех подробностях вспоминал о своей работе с Иваном Пырьевым, которому ассистировал на съемках фильмов «Секретарь райкома» и «В шесть часов вечера после войны», рассказывал о Марине Ладыниной, Михаиле Жарове, Евгении Самойлове, о ВГИКе, который я закончил и в который советовал ей поступать.

– А ты думаешь, меня примут?

– Конечно, примут, ты же такая красивая!

– А разве во ВГИК принимают по красоте?

– В том числе и по красоте, – утверждал я.

На экзамене она понравилась Тамаре Макаровой и не понравилась Сергею Аполлинариевичу Герасимову, но, разумеется, ее приняли.

«Жизнь в цвету», как и все новые картины, принимал сам Сталин. Александра Петровича он на прием не пригласил. Ивану Большакову, председателю Комитета по кинематографии СССР, приказал убрать ряд эпизодов, дорогих Довженко, а картину переименовать из «Жизнь в цвету» в «Мичурин».

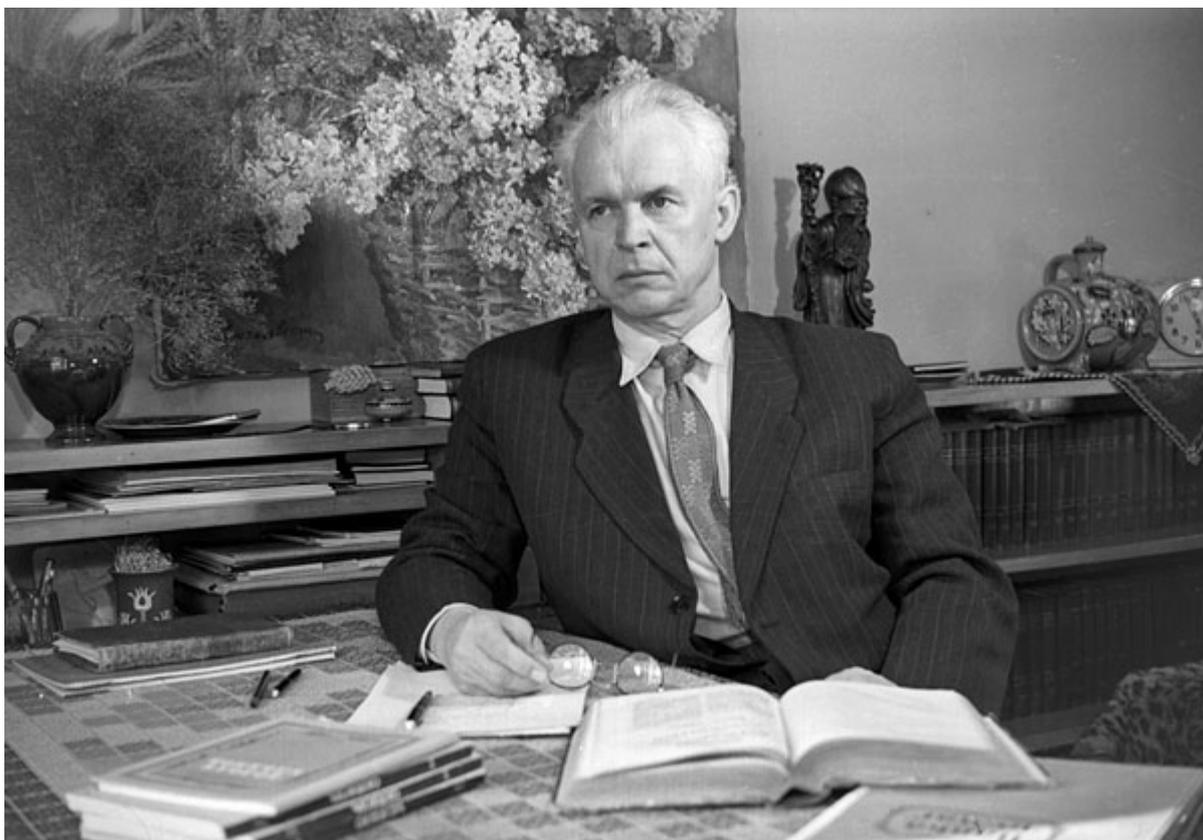
Большаков вызвал Довженко в Кинокомитет и передал указания Сталина. Так случилось, что по возвращении Александра Петровича домой от Большакова я пришел к нему, что делал часто, когда мы обсуждали дальнейшие съемки новых эпизодов.

Открыла Юлия Ипполитовна, его супруга и творческий соратник, и сказала:

– Сашко вернулся от Большакова очень расстроенным. Сталин изуродовал картину. Пойдите к нему, Жорочка, в спальню, постарайтесь его успокоить.

Я вошел в комнату. Александр Петрович лежал на застланной кровати и навзрыд плакал в подушку. Я растерялся. Таким я Довженко никогда не видел.

– Берегите себя, Александр Петрович, вы замечательный художник. «Жизнь в цвету» испортить невозможно, – бормотал я, оглаживая его вздрагивающие плечи и не находя слов утешения этому мужественному, гордому, красивому человеку и всемирно известному мастеру.

А.П. Довженко

Глава 3 Фильм «Садко» Александр Птушко, Алла Ларионова и Сергей Столяров

Минуло три года. Я – ассистент выдающегося кинорежиссера-сказочника, мастера золотые руки Александра Птушко. Его фильм «Новый Гулливер» удивил и восхитил весь кинематографический мир и получил не одну международную премию.

Птушко ставил тогда фильм-былину «Садко».

Я знал Птушко еще по Алма-Ате. Там он не работал, не было картины. Он занимался тем, что шил женскую модельную обувь. Потрясающе шил, а потом продавал. И еще он делал брошки из перламутра, на это и жил с семьей в эвакуации.

Работая с Александром Лукичом, я не раз высказывал ему свое восхищение его уникальным мастерством, на что он неизменно скромно отвечал: «Ну что ты хочешь, Георгий? Я обыкновенный гений...»

На главную роль Садко был утвержден известный актер, русский красавец Сергей Столяров, прославившийся в фильме «Цирк», где его партнершей была Любовь Орлова. На роль Любавы Птушко поручил нам, своим ассистентам, найти молодую актрису необыкновенной славянской красоты. После тщательных поисков мы предоставили ему около пятидесяти молодых московских актрис! Одну за другой он их забраковал. Тогда я сказал Александру Лукичу, что у меня есть знакомая – студентка второго курса актерского факультета ВГИКа, очень красивая девушка Алла Ларионова, которая, по моему мнению, может сыграть Любаву.

– Мне нужна, Георгий, профессиональная актриса, а не студентка, которая еще ничего не умеет, – ответил он.

Мы снова и снова приводили ему актрис-красавиц, а Птушко их вновь «резал». Я еще раз напомнил Александру Лукичу об Алле.

– Ты мне надоел со своей Ларионовой! Ну, давай, давай, вызывай свою протезе! –

бросил он в раздражении, только чтоб я отстал, – посмотрю, каков у тебя вкус на баб. Но поиски продолжай. Готовьтесь к поездке в Ленинград и особенно в Киев и Одессу, там наверняка найдется красавица.

Рабочий момент фильма «Садко». В кадре режиссер Александр Птушко, Алла Ларионова, Сергей Столяров и я

Аллу на приход к Птушко пришлось долго уговаривать. – Ты же знаешь, Жорочка, что студентам второго курса сниматься в кино не разрешается...

Но уговорил.

Когда Алла Ларионова появилась перед Птушко на «Мосфильме», он, как и Довженко, озарился и воскликнул:

– Иди, девочка, в соседнюю комнату, закрой дверь, читай сценарий, готовься к съемкам, с Герасимовым договорюсь! – и, обратившись ко мне, добавил: – У нас есть Любава! А ты, Георгий, просто обыкновенный гений!

Под Москвой, на берегу Пестовского водохранилища за три месяца художники Куманьков и Свидетелю построили город Новгород с крепостью, домами, слободами, деревянными мостовыми и тротуарами, пристанью и тремя кораблями на плаву. Декорации стоили неслыханных денег, но фильм после мирового проката вернул их государству с большой прибылью, не говоря уже о его высоком нравственном воздействии на зрителя.

Важнейший лейтмотив картины – верная любовь Садко и Любавы. Во время дальних походов Садко за моря-океаны на крепостной стене стоит Любава и ждет, ждет корабля с любимым, вглядываясь в морскую даль. Весна перетекает в знойное лето, дождливую осень сменяет холодная зима...

На всю жизнь мне запомнились съемки зимнего эпизода. Тяжелые серые облака, сквозь

которые не пробиться солнечному лучу, заволокли небо. Оператор Федор Проворов вынужденно прекратил съемку. Совсем заглохло, а Любава – Алла Ларионова – в одном платье.

– Жорочка! – обратилась она ко мне, – пока перерыв, давай побегаем по лесу, а то я продрогла.

С разрешения Птушко мы стали бегать по девственному снегу, я все пытался догнать Аллу. Неожиданно она поскользнулась и упала. Я подбежал и опустился на колени, помогая ей подняться.

– Согрелась? – спросил я.

– Нет!

– Хочешь согреться?

– Как?

– Разрешите, я тебя поцелую!

– Разрешаю, – произнесла она, улыбаясь.

У Аллы были изумительные губы, всегда горячие и влажные. Так, как она, не могла целоваться ни одна женщина в мире... Мое сердце так колотилось, что готово было выпрыгнуть. Обоим стало жарко. Нашим поцелуям и объятиям помешало прорвавшееся через облака солнце. Осветив Аллу, оно превратило ее в какое-то неземное существо...

И вдруг истошный крик Птушко:

– Где Ларионова, где Натансон?

Он спустил нас с небес на землю. Съемки продолжались.

Как я был рад, что по моему совету Птушко взял Аллочку на роль Любавы!

С отличным настроением мы все вернулись из экспедиции в Москву. По приходу на студию я узнал, что в связи с сокращением штата я уволен с «Мосфильма». В этом списке уволенных, висащем у входа, в основном числились работники еврейской национальности. Список заканчивался фамилией известного режиссера Михаила Швейцера, но туда не попали корифеи – Ромм, Юткевич и Столпер. Вся эта позорная история была развязана Сталиным. Я раньше и слов таких – «безродный космополит» – не знал, да и вообще ни в школе, ни во ВГИКе никогда не чувствовал себя евреем. В СССР существовала истинная дружба народов, и ни одна национальность не выделялась. В этом было одно из великих завоеваний советской власти...

Заступничество прославленных режиссеров Довженко и Птушко мне не помогло.

Большаков по этому вопросу их не принял.

Вскоре стало известно, что сотни тысяч людей еврейской национальности по всей стране остались без работы. Увольняли их, не считаясь с членством в партии большевиков, заслугами и званиями, включая и орденосцев-фронтовиков. Не трогали только евреев, работающих над атомной и водородной бомбами вместе с Сахаровым и Курчатовым. После создания бомб им всем присвоили звание Герой Социалистического Труда. Еврей академик Харитон стал трижды Героем. Прославился Ландау, став трижды лауреатом Сталинской премии и нобелевским лауреатом а также Героем Социалистического Труда.

Еврей Борис Львович Венников был выпущен из тюрьмы и стал организатором оборонной и атомной промышленности, генерал-полковником инженерно-технической службы, трижды Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской премии, наркомом вооружения СССР, членом ЦК ВКП(б). В 1945 году назначен начальником первого Главного управления при СНК СССР, которое непосредственно занималось организацией атомных работ. (Это я к тому, что черносотенцы распространяли слухи, будто евреи в войне не участвовали.)

С «Ленфильма» был уволен Леонид Трауберг, известный режиссер-сценарист (фильмы «Новый Вавилон», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», созданные совместно с Григорием Козинцевым), а на Студии им. Горького в числе уволенных оказалась Татьяна Лиознова, снявшая через несколько лет легендарную многосерийную картину «Семнадцать мгновений весны» с выдающимся Вячеславом

Тихоновым и другие отличные фильмы. Ее восстановили при заступничестве Сергея Герасимова.
Я был в отчаянии.

По совету своих русских друзей-«мосфильмовцев» я подал в суд (он находился на Бережковской набережной) исковое заявление о восстановлении на работе.

Через несколько дней меня вызвала судья, очень похожая на Татьяну Васильевну Доронино. Встретила она меня с очаровательной улыбкой. Я с горечью рассказал ей о том, как несправедливо со мной поступили на «Мосфильме». Ведь на моем иждивении находятся больная мать и неработающая жена с маленьким ребенком, а мой отец в первые дни войны ушел на фронт, имея освобождение от призыва в армию по зрению. Добровольно ушел на защиту столицы и погиб под Ельней.

– Заберите свое исковое заявление. Суд вас не восстановит. Ничем не могу вам помочь.

Есть распоряжение: с такими фамилиями, как ваша, не восстанавливать.

Я отказался. Через несколько дней состоялся суд, который длился чуть более пяти минут. В иске к «Мосфильму» о восстановлении на работе мне отказали.

Я обратился с апелляцией в городской суд Москвы. Причем в судах интересы «Мосфильма» защищал юрисконсульт еврей Меерович, который, боясь за свою шкуру, рьяно выступал против меня. (А в народе ходит слух, что евреи защищают друг друга. Это неправда. Вот и сегодня еврей-олигархи, долларовые миллиардеры отказали мне в финансовой поддержке фильма о жизни и творчестве великого писателя Михаила Булгакова.

Даже сценарий не захотели читать...) Все повторилось, как в районном суде. После заседания я вышел на улицу, сел на какой-то камень и зарыдал от несправедливости, обиды и безысходности. Тогда казалось, что никогда мне больше не придется работать в кино. Из Алма-Аты я привез в Москву три пары валенок, купленных на базаре маме, сестре и себе. Моя мамочка, чтобы содержать семью, как-то решила одну пару продать на рынке и купить продукты, но сразу же была схвачена переодетым в штатское милиционером, который принудил ее сопроводить к ним в квартиру, где нашел еще две пары. Все валенки забрал, и через несколько дней маму судили за «спекуляцию».

Если б не справка, что папа – фронтовик и погиб на войне, ее могли бы приговорить к тюремному заключению. Но судья, пожалев, вынесла решение конфисковать валенки.

К этому времени правительство постановило всем научным работникам резко повысить зарплату. Увы это постановление нас не коснулось. Папы уже не было, а мама в это время даже пенсию не получала.

Более чем через месяц, когда в доме кончились все деньги, я решил обратиться к Никите Сергеевичу Хрущеву, который был в то время секретарем ЦК и первым секретарем МК партии. Написал заявление как коммунист, в котором сообщил о своей горькой судьбе, и опустил его в ящик при входе в МК на улице Куйбышева – ныне снова Ильинка, указав в заявлении свой телефон и адрес. Через некоторое время мне позвонил помощник Хрущева Олег Константинович Иванов и попросил прийти к нему.

– Пропуск вам заказан.

Меня встретил интеллигентный, внимательный и добрый человек.

– Можете ничего не рассказывать, мне все ясно из вашего заявления. Все, что я могу для вас сделать, – это положить его на стол Никите Сергеевичу.

Через несколько дней он вновь мне позвонил:

– Зайдите сегодня в семнадцать часов. Не забудьте захватить паспорт для пропуска.

При встрече, пожав мне руку, Олег Константинович с улыбкой сообщил:

– Никита Сергеевич распорядился восстановить вас на работе.

Когда я вернулся домой, жена Мирушка мне рассказала, что звонил директор «Мосфильма» и спрашивал, почему я не на работе. Я очень обеспокоился за Никиту Сергеевича, так как подумал, что о моем восстановлении немедленно узнал Большаков, который всегда присутствовал при просмотре новых фильмов Сталиным и мог ему доложить об этом решении Хрущева. И Сталин Хрущева накажет. Но Большаков оказался человеком

умным и понял, что ссориться с Хрущевым из-за Натансона не следует. Михаилу Швейцеру помог, взяв к себе на картину «Кортик», его сокурсник по ВГИКу Владимир Венгеров. Этим он спас его от безработицы.

Такие были времена.

Что касается Иванова, то он вскоре был назначен директором театра им. Вахтангова, где проработал несколько лет и был уважаем актерами.

Но вернемся к Аллочке...

Фильм «Садко» имел большой успех – Госкино СССР послало его вместе с Аллой на международный кинофестиваль в Венецию. Картина получила главный приз – «Серебряного льва» («Золотой лев» в тот год не вручался). Аллу приняли восторженные зарубежные режиссеры, продюсеры предлагали ей контракты в американском Голливуде и в других странах. Руководители советской делегации отвечали за нее: Ларионова занята на съемках в СССР более чем на пять лет вперед (что было враньем). Но ее продолжали приглашать. Звал ее и непревзойденный Чарли Чаплин. Красотой Аллы был поражен и мечтал снять ее в своем фильме Феллини.

Триумфом актерской работы Аллы стала главная роль в фильме «Анна на шее» режиссера И. Анненского. На съемках Аллой восхищались ее партнеры – Михаил Жаров и Александр Вертинский. Вертинский подарил ей свою фотографию с надписью: *«Чудесной Аллочке Ларионовой от боевого товарища»*. А на обороте RS: *«Желаю Вам большой карьеры и верю в нее, но не спешите с личной жизнью. Помните, что Вы обречены стучать в сердца людей и укрощать зверей... и поэтому не разжалобивайте себя мыслями об одиночестве. Актер всегда один. Но зато он Бог! А Боги одиноки. А. Вертинский»*.

Миллионы зрителей бурно аплодировали «Анне...». Ларионова утвердила себя первой красавицей советского кино. От школьников старших классов до генералов армии и министров – все предлагали ей руку и сердце.

В числе советских кинематографистов она была на многих международных фестивалях. На одном из них встретила с прославленным Жераром Филиппом.

«...Мы симпатизировали друг другу, кокетничали на глазах у всей советской делегации. Он игриво спрашивал меня, как меня зовут, потом с трудом произносил по-русски: «Алла Ларионова, – и, указывая на себя пальцем, говорил: – А я – Жерар Филипп». Однажды я назвала его «Жерарчик», а он в ответ – «Алчик». На прощальном приеме он написал на ресторанном меню такие строки: «Со мной сидит блондинка в платье голубом, и я в нее влюблен». Он мне нравился, он очаровывал. Но ближе к моему идеалу Жан Габен, с которым, к сожалению, я не была знакома. Он в те годы был уже далеко не молод. Но в нем чувствовалась мужская сила. А это очень важно для женщины. Еще школьницей я увидела его в картине «У стен Малапаги». Этакий гриб-боровик... Я безумно его любила», – вспоминала Алла.

Алла Ларионова стала «специалистом» по Южной Америке. Исколесила ее вдоль и поперек. Как-то в Бразилии между просмотрами фильма они сидели с Сергеем Бондарчуком в кинозале. К ним подошла по тем временам необычно одетая (в брюках!) черноволосая женщина. Она спустилась с верхних рядов амфитеатра, просто перешагивая через ряды...

Направляясь в их сторону, несколько раз заговаривала со знакомыми, темпераментно жестикулировала, громко смеялась...

«Мы, советские артисты, так вести себя не смели.

– Я знаю, вы русская, – сказала женщина, – мне интересны ваши фильмы. А это ваш жених? – И она показала на Сергея. Потом мы узнали, что это была сама Анна Маньяни, великая итальянская артистка, королева Рима.

В Аргентине я была с показами «Садко». На прощальном банкете к нашему столику подошла невысокая светловолосая женщина. Причем за несколько шагов она остановилась и в пояс, по-русски поклонилась:

– Я подошла, чтобы выразить свой восторг вашей красоте, – сказала она, – Вас нельзя не заметить! Я – Мэри Пикфорд.

Я вскочила со стула как ужаленная. Боже! Я столько о ней слышала. Потом она рассказывала о своих впечатлениях от посещения нашей страны, когда снималась в картине «Поцелуй Мэри Пикфорд», где ее партнером был Игорь Ильинский. Говорила, что на всю жизнь запомнила искренность, сердечность и доброту, с которыми ее приняли в России...

На прощание Мэри Пикфорд подарила мне свое фото – самый дорогой для меня подарок, который я привезла из Аргентины», – рассказывала мне Алла Ларионова.

Но не дремали недоброжелатели и завистники. Такой неслыханный успех вызывал даже ненависть у некоторых особ. По Москве поползли подлые слухи о моральном облике Аллы Ларионовой. О ее связи с министром культуры СССР Александровым, который, дескать, купал ее в ванной, заполненной шампанским, и тому подобное. Сколько же слез ей пришлось пролить от обиды и несправедливых наветов, сколько здоровья ей это стоило.

Я случайно встретился с Аллой в эти трагические для нее дни около Елоховского собора, при переходе улицы через трамвайные линии.

– Ты веришь, Жорочка, в эти подлые сплетни? – спросила она меня с грустью.

– Конечно нет. Не принимай все так близко к сердцу. Будь крепкой духом.

– Стараюсь, но не получается. А ты настоящий товарищ! Спасибо тебе! Я твоей поддержки не забуду! – Она обняла меня. Это были объятия друзей. Мы стояли так несколько минут между путями, и с двух сторон от нас проносились трамваи с тревожным перезвоном.

Но начались новые съемки. В фильме «Двенадцатая ночь» она исполняла роль Оливии, в «Отцах и детях» сыграла Одинцову, в «Дядюшкином сне» – Паскудину.

Пришло-таки Аллино счастье. В течение шести лет за ней ухаживал Коля Рыбников.

Они учились на одном курсе во ВГИКе. В дни съемок в других городах Коля бесконечно слал телеграммы: «Помню, люблю, целую». И на одном из предновогодних мероприятий не сдержался: «Алена, выходи за меня замуж...» Она согласилась и вышла замуж за Рыбникова на второй день после совместной встречи Нового года. А назавтра он улетел на съемки

«Высоты». Прощаясь, сказал: «Алена, я однолюб, и кроме тебя для меня никто не существует». Он свои слова сдержал, хотя стал звездой кино и вокруг него было сонмище поклонниц. В фильмах «Две жизни», «Седьмое небо», «Молодые», «Семья Ивановых» они снимались вместе. И это для них было счастьем.

Глава 4 На инаугурации президента Бориса Ельцина

Настало время перестройки. С фильмами добрыми, душевно чистыми, героическими было покончено. На экраны кино и телевидения стали выходить отечественные и американские картины, прославляющие бандитские разборки, убийства, насилие, проституцию и унижение человека. Эти фильмы стали воспитателями нового поколения молодежи.

Затем зрители просто перестали ходить в кино. Кинотеатры превратились в мебельные и автомобильные магазины. Небывало увеличилась, наряду со взрослой, детская преступность. Убийцы и проститутки – дети. Такого Россия еще не знала.

На престижных кинофестивалях в Каннах, Венеции, Берлине российские фильмы из-за малой художественности часто не принимались на конкурсы. Многочисленные кинофестивали по городам России, несмотря на необыкновенную рекламу, еле собирали залы. Известные режиссеры-постановщики России, чьи фильмы смотрели миллионы зрителей, – Т. Лиознова, М. Хуциев, С. Ростоцкий, А. Смирнов. Э. Лотяну, Э. Климов, да и ваш покорный слуга – на многолетие перестали быть востребованы кинематографом. На нас надели намордники молчания. Не снимались и актеры – «звезды», любимые зрителями многих поколений.

*«А мое поколение в опале
И у времени, и у властей...»*

Эти слова произнес известный поэт Андрей Дементьев. Как он прав!

Спустя годы мы снова встретились с Аллой в Кремлевском дворце на инаугурации президента Б.Н. Ельцина, куда были приглашены в числе деятелей культуры. Увидев друг друга издали, побежали навстречу. Обнимались, целовались. Сели рядом, о многом поговорили. Я по-прежнему восхищался ею. Прошло столько лет! А она все также хороша.

Алла обратилась ко мне:

– Как ты мог, Жорочка, столько раз клявшийся мне в любви, став известным режиссером, поставив такие замечательные картины, как «Старшая сестра», «Еще раз про любовь», «Посол Советского Союза», «Валентин и Валентина», не снять меня в них?

Алла была деликатным и скромным человеком и никогда не обращалась ко мне с такой просьбой.

– Прости, Аллочка, я виноват перед тобой. Просто время нас разлучило. Да и у тебя были свои работы, принесшие тебе славу. Появились Татьяна Доронина и Юлия Борисова, они, на мой взгляд, очень подходили к ролям в моих картинах. Но я клятвенно обещаю снять тебя в большой роли в своей новой работе – в фильме «Жизнь и любовь Михаила Булгакова». Читай Булгакова и все о нем.

– Согласна, буду ждать! Хотя режиссерам верить нельзя. Вселят надежду, а потом – по своей или чужой воле – возьмут другую актрису, – заметила она.

Обещание мне выполнить не удалось, но не по моей вине. В 1983 году я с известным драматургом Самуилом Алешиним написал сценарий «Я Михаил Булгаков, писатель». Первый вариант назывался «Весь я не умру...». Часть музыки к фильму успел написать великий композитор века Георгий Свиридов. Это сценарий не только о Михаиле Булгакове, но и о его времени. Эпоха выдающихся имен, талантов и трагических судеб. Б. Пастернак, В. Маяковский, С. Есенин, О. Мандельштам, А. Ахматова, Н. Эрдман, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, с одной стороны, и И. Сталин – с другой. Сценарий был поддержан Министерством культуры РФ, МХАТ им. Чехова, МХАТ им. Горького, газетой «Культура», Фондом культуры Москвы, многими общественными организациями. Его также поддержали выдающиеся деятели культуры России Олег Ефремов, Татьяна Доронина, Евгений Матвеев, Ролан Быков, Армен Джигарханян, Георгий Данелия, сценарий приняла кинотелестудия «Ритм» киноконцерна «Мосфильм». На главные роли были подобраны звезды театра и кино Москвы. И все. Работа застопорилась – нет средств. Не откликнулись, не поддержали ни государственные структуры, ни олигархи. Горько и обидно, что голоса выдающихся деятелей культуры может перевесить решение одного чиновника, которого и помнить вскоре никто не будет.

За все годы перестройки не создано ни одного фильма ни об одном русском писателе, композиторе, военачальнике, поэте, не снято ни одной картины с положительным героем.

А я так мечтал снять фильм о Булгакове к столетию МХАТа, к 110-летию великого драматурга и писателя, которое состоялось в мае 2001 года. Не удалось сделать этого и к 120-летию писателя. На новое обращение к председателю Госкино Армену Медведеву один из его помощников заявил мне: «Георгий Григорьевич! Кому в наше время нужен ваш Булгаков?!» Какие кощунственные слова! До сего дня даже памятника великому писателю в Москве нет, хотя пьесы его в театре и кино ставятся.

Но вернемся к Алле.

Потеряв любимого мужа Колю Рыбникова, последние годы Алла в основном жила только на пенсию – чуть больше пятисот рублей в месяц. Однако никогда не жаловалась и ни у кого ничего не просила. Она была гордым человеком, но не страдала звездной болезнью. Всегда доброжелательна, всегда доступна друзьям, актерам, да и простым людям.

– То, что красота победит, – это все только разговоры, – печально заметила она незадолго до кончины...

Ее похоронили в Москве на Троекуровском кладбище рядом с мужем Николаем Рыбниковым. Надгробие Коли увенчано его портретом, взгляд с которого обращен в сторону могилы Аллы. Теперь они навечно вместе. Алла прожила с ним тридцать три года. По ее

словам, как в сказке, – в любви, уважении и взаимной творческой поддержке. У них две дочери. Трудно было сдерживать слезы, когда в последние минуты прощания младшая, рыдая, без конца произносила: «Мамочка! Мамочка!»

Прости, дорогая Аллочка, что я не смог выполнить свое обещание – снять тебя в своем новом фильме.

Я всегда буду хранить о тебе добрую память. Ты сумела открыть во мне чувство преклонения перед Женщиной.

Великое тебе за это спасибо!

А.Д. Ларионова в фильме «Садко»

Глава 5 «Смелые люди» с Сережей Гурзо, Тамарой Черновой и Алексеем Грибовым

Известно, что Сталин любил кино и замечательных актеров – Николая Черкасова, Любовь Орлову (говорил о ней режиссеру Александрову: «Берегите Орлову, она у нас одна!»), Игоря Ильинского, Сергея Бондарчука, Григория Александрова. Благодаря ему затюканные критикой «Веселые ребята» были широко разрекламированы и активно посещаемы публикой, а прекрасные песни Исаака Дунаевского пела вся страна.

Во время войны он смотрел хронику боев... и художественные фильмы – как советские, так и иностранные (особенно американские). Как-то раз, увидев ковбойский фильм, он спросил у сидящего за ним заместителя председателя Кинокомитета Ивана Большакова: «А почему, товарищ Большаков, мы не снимаем фильмы «люди-лошади»?» Так родилась идея создания первого советского ковбойского фильма. Сценарий поручили написать замечательному драматургу Николаю Эрдману и его другу поэту Михаилу Вольпину, которые только вернулись из ссылки и были приняты в бериевский ансамбль песни и пляски НКВД (с юмором они рассматривали себя перед зеркалом в такой же энкавэдэшной форме, какую носили во времена их пребывания в ссылке охранники из НКВД). В этом ансамбле уже работали режиссер Сергей Юткевич и актер Юрий Любимов.

Сценарий назвали «Смелые люди». Постановщиком фильма назначили режиссера-комедиографа Константина Юдина, прославившего в своем фильме «Сердца четырех» чудесных Валентину Серову и Людмилу Целиковскую – будущих звезд советского кино. В ассистенты Константин Константинович пригласил меня.

Начал я с любимого дела – подбора актеров. Героиню в Москве мне найти не удалось и, получив согласие Юдина, я выехал в Киев. Но и там в театральном институте подходящей кандидатуры не обнаружил. Я был очень огорчен. И вдруг однажды, случайно проходя по бульвару Ленина, в витрине фотоателье увидел портрет красивой девушки. В дирекции мне сообщили, что девушку зовут Тамара Чернова. Родители ее сказали, что она учится в Ленинграде, в театральном институте. Получив разрешение Юдина, я отправился в Ленинград. При встрече с Тамарой понял, что не ошибся.

Однако ехать со мной в Москву на пробы она отказалась, так как была обязана находиться в Ленинграде в связи с судебным обвинением за... аборт, который подпольно сделала... в бане. Тогда существовал закон, запрещающий аборты. Узнав, в каком суде должно было слушаться дело, я пришел на прием к судье и сказал, что из-за суда над героиней нашего фильма Тамарой Черновой у нас срываются съемки, которые должны начаться по указанию Сталина в ближайшие дни.

– Она обязана ответить за содеянное по закону и выдать участников этого преступления, чтобы они не смогли продолжать свои подпольные действия, угрожающие смертью пациентам, – ответила судья.

Уходя, я еще раз попросил ее простить Чернову и отпустить на съемки. Через два дня суд вынес ей... общественное порицание. Спасибо судье. Тамара меня расцеловала в заполненном зале суда, и мы поехали в Москву.

Юдину Тамара понравилась, пробы раскрыли ее темперамент и своеобразие. На главную мужскую роль утвердили Сережу Гурзо – сталинского лауреата, прославившегося в фильме «Молодая гвардия» в роли Сергея Тюленина. На вторую роль мне удалось получить согласие сниматься у великого Алексея Грибова на отрицательную роль, замечательного Солюса. Важную задачу в картине выполняли дрессировщики лошадей, прославленная семья осетин Кантемировых. Лошади играли замечательно. Особенно несколько лошадей, исполняющие роль главного героя – Буяна от жеребенка до совсем взрослого коня.

Мы выехали на съемки в Железноводск на конезавод. Почти закончив снимать там, начали готовиться к отъезду в Кисловодск, но тут неожиданно Юдину пришла телеграмма от Большакова – немедленно вылететь с отснятым материалом в Москву.

– Вот три эпизода из фильма. Жорочка, снимите их с Сережей Гурзо во время моего отсутствия. Я ему дам указание, и он будет вас слушаться.

И Сережа слушался. Работали с увлечением.

Я был неимоверно благодарен Константину Константиновичу за доверие и, сняв эти эпизоды, позвонил Юдину в Москву. Подошла его супруга Инна Ивановна.

– Большаков отстранил Константина Константиновича от картины после просмотра материала.

«Я не могу показывать Сталину материал такого качества», – сказал он Юдину, помаргивая правым глазом от природного тика. Как известно, у Константина Константиновича тоже был тик, но на левый глаз. И вначале он подумал, что Большаков шутит.

– ...Приезжайте с отснятым материалом в Москву! – закончила разговор Инна Ивановна.

Войдя к Юдину в его домашний кабинет, я увидел его лежащим на диване и плачущим. Сначала рыдающий Александр Петрович Довженко, теперь – Юдин, оскорбленный главным чиновником кино Большаковым... Вместо Юдина постановщиком фильма назначили крупного режиссера Сергея Юткевича. Но после вмешательства известных мастеров кино, защитников Юдина, Большаков оставил его постановщиком, а Юткевичу поручил художественное руководство картиной.

Мы все выехали в Кисловодск, где в городе, а затем в горах Бермамыта продолжили с Юдиным сложные съемки. Снимали табуны лошадей, которые умирал герой великого Грибова. Юткевич ни разу на съемочной площадке не появился. Отдыхал с женой в гостинице.

При принятии фильма «Смелые люди» Большаков в присутствии Юткевича сказал Юдину: «Замечательная картина. Вот видите, как вам помог товарищ Юткевич». В картину вошел и тот материал, который не понравился вначале Большакову, и три эпизода, снятые мною. Юткевич в ответ заявил, что весь фильм снят Юдиным, и попросил снять свое имя с титров. Тик на правом глазу Большакова необыкновенно усилился...

Сталину фильм понравился. Константин Юдин и Сергей Гурзо (после выхода картины – звезда и любимец молодежи), сам исполнявший все трюки, включая прыжок с коня на движущийся поезд, получили Сталинскую премию. И главное – первый советский ковбойский фильм полюбился зрителю и имел огромный успех. А я радовался, что три эпизода, снятые мною, вошли в большую картину и что за них Константин Константинович меня благодарил. Это были мои первые съемки в большом кинематографе. Тамара Чернова стала впоследствии артисткой театра имени Моссовета, заслуженной артисткой РСФСР.

Сергей Гурзо в фильме «Смелые люди»

Глава 6 «Небесное создание» Встреча с Григорием Александровым, Сергеем Образцовым, Любовью Орловой

Моей первой самостоятельной работой в кино был снятый в 1956 году кукольный фильм «Небесное создание». Его я придумал, увидев в театре Образцова спектакль «Необыкновенный концерт». Разумеется, в моей картине сюжет другой. Комедийная история приключения девушек перед великим тенором – имелись в виду Козловский и Лемешев.

Когда я обратился к директору «Мосфильма» И.А. Пырьеву с просьбой о постановке, он ответил, что это невозможно – меня не поймут мастера, сидящие без дела. То были годы придуманного Сталиным «малюкартиния». «Лучше снимать меньше, но все фильмы должны

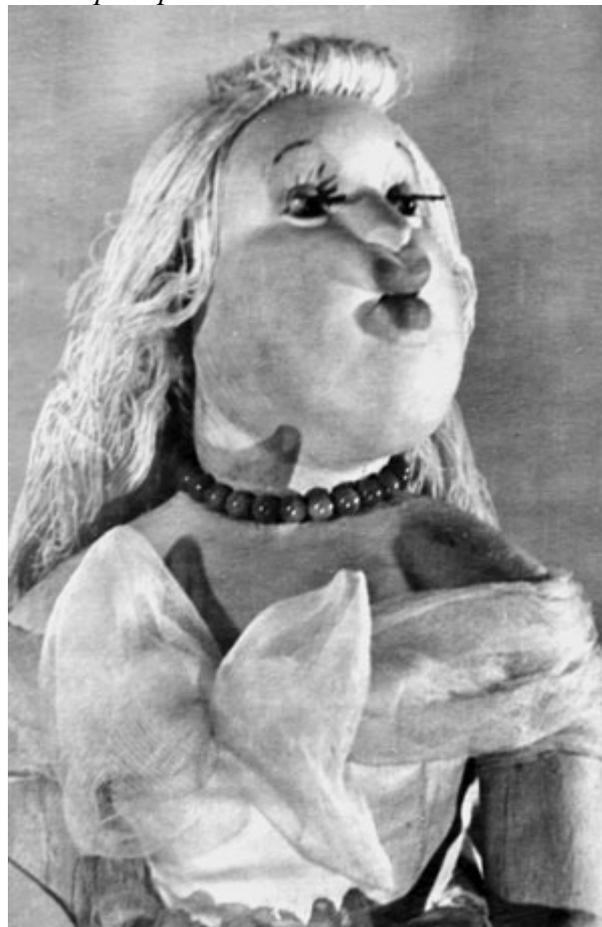
быть шедеврами», – сказал он Большакову. Однако недорогой фильм с куклами Пырьев разрешил. Мое предложение поддержал присутствующий в это время в его кабинете замечательный актер и режиссер Владимир Басов. Сергей Владимирович Образцов, великий кукольник, в съемках почти не участвовал. Он тогда ездил по миру со своим легендарным «Необыкновенным концертом». Его играли на языке той страны, где проходили гастролы. Но очень помогли его актеры Владимир Кусов и Семен Самодур, которые исполняли главные роли.

На съемках фильма «Небесное создание»

Герой фильма «Небесное создание»

Героиня фильма «Небесное создание»

До этого с куклами работали только мультипликаторы. Так что «Небесное создание» – первый советский кукольный фильм, где актеры держали кукол и управляли ими на руках типа кукольников русского Петрушки. Я раньше и подумать не мог, что буду снимать вместе с Сергеем Образцовым, а художественным руководителем Пырьев назначит нам Григория Васильевича Александрова. Картина, задуманная практически как экспериментальная, получила первую премию на Международном кинофестивале в Венеции в номинации короткометражных фильмов.

Григорий Александров, Сергей Образцов, Володя Кусов и я на съемках «Небесного создания»

Эта работа дала мне возможность бывать в доме Григория Александрова и Любви Орловой, я ближе с ними познакомился и совершенно очаровался ими. Они всегда относились друг к другу с большим уважением и называли друг друга на «вы». Помню, как-то раз пришел к ним осенью во время дождя, зонта у меня не было, и пальто намокло, так Григорий Васильевич стал снимать с меня намокшее пальто. Я сопротивлялся. «Каждый интеллигентный человек должен так встречать и провожать своего гостя», – заявил он. Сам Александров помогал мне – мальчишке! Еще помню, как на даче в Переделкине Любовь Петровна с гордостью показывала мне новые шторы и чехлы на мебель, которые собственноручно изготовила... Лучезарные люди!

Рабочий момент фильма «Небесное создание»

Глава 7 «Белая акация» Исаака Дунаевского Встреча с Василием Шукшиным и Михаилом Водяным

Затем на Одесской и Кишиневской киностудиях в 1957 году я поставил музыкальный фильм по оперетте Исаака Дунаевского «Белая акация». В нем снимались знаменитые артисты оперетты: первый и единственный народный артист СССР в жанре оперетты Михаил Водяной, прелестная Иванова – звезда одесской оперетты, замечательная актриса кино Муза Крепкогорская. Снимали в Одессе, в которую я был влюблен с момента съемок «Садко», тем более что в этом городе провела свою молодость моя мама. Это был веселый и задорный фильм, о котором я мечтал после просмотра картины «Свинарка и пастух», с успехом прошедшей по первому каналу Центрального телевидения много лет назад.

Долго я не мог найти героя. Как-то раз во дворе студии ко мне подошел молодой мужчина приятной внешности, одетый в белую рубашку, военные галифе и кирзовые сапоги.

– Я знаю, что вы ищете актера на главную роль. Вот он перед вами. Я студент ВГИКа.

Снимаюсь здесь у Хуциева в фильме «Два Федора». Могу петь под фонограмму.

Посмотрев внимательно на мужчину, я ему объяснил, что снимаю оперетту и герои должны быть очень красивыми.

– А я разве не красив? – спросил он с улыбкой.

– Красив, но нужен еще более красивый человек. В оперетте все должно быть преувеличено. Как бы на котурнах.

Так я разминулся в творчестве с великим актером, режиссером и писателем Василием Макаровичем Шукшиным. О чем позже жалел.

Глава 8 «Шумный день» Встреча с Виктором Розовым и Олегом Табаковым, Екатериной Фурцевой

1960 год. Сегодня трудно представить, что нашему фильму «Шумный день» – уже более пятидесяти лет! К счастью, он живет и ныне. Идея борьбы с накопительством по-прежнему актуальна, раз появились в стране люди, обладающие несметными богатствами, в то время как дети на уроках падают в обмороки от недоедания. На культуру они, в отличие от российских меценатов Третьякова, Морозова и Мамонтова, денег не дают, а миллиарды долларов тратят на особняки и грандиозные корабли.

На «Мосфильме» к моему предложению экранизировать пьесу выдающегося писателя Виктора Розова «В поисках радости» отнеслись кисло: «Пьеса театральна. Фильмы-спектакли, даже с лучшими актерами МХАТа и Малого театра, в прокате проваливаются. Законы кино совершенно другие, нежели законы театра, и вы, Георгий Григорьевич, должны хорошо это знать, как ученик Эйзенштейна и Кулешова, как ассистент Пырьева, Довженко и Птушко. Какое это кино, если почти все действие происходит в одной комнате?!»

Я же утверждал, что в прекрасной пьесе Розова есть драматургия мысли, привел в пример имевшие большой успех фильмы: американский «12 рассерженных мужчин» и французский «Мари-Октябрь». Обещал привлечь прекрасных актеров. Мое предложение опять поддержал Иван Пырьев: «Фильм недорогой, давайте дадим возможность молодому режиссеру проявить себя. Если провалится – расходы спишем на брак». В конце концов худсовет решил запустить картину в производство. Это был, пожалуй, первый малобюджетный фильм в те времена. Я уже начал подбор актеров, и тут мне неожиданно позвонил Виктор Сергеевич Розов.

Кадр из фильма «Шумный день»

– Георгий Григорьевич, у меня к вам большая просьба. Театральный режиссер Анатолий Эфрос мечтает снять кинофильм. И он очень хотел бы поработать с вами над экранизацией «В поисках радости». Я уверен, вы с ним найдете общий язык... Розову я отказать не мог.

С выдающимся театральным режиссером Анатолием Васильевичем Эфросом, умным, талантливым, добрым, веселым человеком, большим мастером работы с актером, сотрудничать было интересно. Он многому научил меня. Навсегда запомнил его любимую фразу: «Репетиция – любовь моя».

У нас был прекрасный актерский состав: совсем еще юный Олег Табаков, который сразу же восхитил меня, замечательные Валентина Сперантова, Лилия Толмачева, Геннадий Печников, Лев Круглый, Евгений Перов. В съемках участвовали прекрасный художник М. Курилко, отличный оператор В. Домбровский и известный композитор А. Спадавеккиа.

После принятия фильма художественным советом и дирекцией «Мосфильма» нам предстояло сдать «Шумный день» министру культуры, члену Политбюро Екатерине Алексеевне Фурцевой и получить право на прокат.

Виктор Сергеевич Розов, сославшись на нездоровье, поехать к Фурцевой отказался. Анатолий Эфрос сказал, что занят на репетиции, и пришлось мне держать экзамен одному.

В большой пустой зал Министерства культуры вошла Фурцева. Она мне сразу понравилась. Вежливо поздоровавшись, Екатерина Алексеевна, одетая в строгий темный элегантный костюм с белоснежным жабо, села в центральное кожаное кресло, подобрав под

себя ножки в черных туфельках-«лодочках». Фурцева смотрела на экран, а я – на нее. Вдруг ее лицо стало серьезным и даже хмурым. По окончании фильма, так же уютно сидя в кресле под окошечком проектора, она обратилась ко мне:

– Я не приму ваш фильм, Георгий Григорьевич. У вас с экрана идет ругань. «Все Фиры и Веры – дуры без меры!» Эти слова будут повторять школьники, оскорбляя девочек. Кино – это огромная сила, а дурной пример заразителен... – (что сказала бы Екатерина Алексеевна, услышав сегодня нецензурную брань и мат, повсеместно звучащие с экранов кино и телевидения?) – И потом, почему вы сняли фильм в захолустьях старой Москвы, когда есть красивые проспекты? Например, Калининский... (Мы снимали на Старом Арбате.) – Наши друзья за рубежом удивляются, отчего в советских картинах показываются трущобы?
Нет-нет, в таком виде я фильм не приму...

Виктор Розов и я после просмотра фильма «Шумный день»

Я уверял ее, что картина будет полезна, как и все пьесы Виктора Розова, что она зовет к борьбе с идеологией мещанства, разоблачает нечестность, бездуховность... Рядом со мной сидел начальник главка кино Сурин. Он наступил мне на ногу, чтобы я не спорил.

Но я не сдавался.

– Хорошо, вызовите, товарища Павлова... – (это был первый секретарь ЦК ВЛКСМ), – пусть он выскажет мнение комсомола.

Через сорок минут Павлов уже смотрел фильм. Лицо его было хмуро. По окончании мы прошли в кабинет Фурцевой.

– Это итальянская неореалистическая картина, только заменить имя «Олег» на итальянское. Старый двор, грязные улицы... Фильм надо исправлять.

Я не согласился с Павловым и вновь принялся защищать нашу с Эфросом и Розовым работу. Сурин, сидящий рядом, опять надавил ботинком на мою ногу и сурово посмотрел на меня. Я не сдавался. Фурцева меня не прерывала.

– Пригласите товарища Демичева... – (он был тогда первым секретарем МК партии). – Послушаем, что скажет партия.

И вновь просмотр. Демичев смотрел фильм очень доброжелательно. Смеялся над репликами, был серьезен в драматических местах. По дороге в кабинет Фурцевой заметил:

– Хорошая картина!

Потом отметил, что прекрасно играют актеры, фильм несет добрые идеи, и молодежи он нужен, да и не только молодежи. Фурцева, прощаясь со мной, сказала, что заключение по фильму будет «Мосфильму» сообщено. Я ушел. Демичев и Сурин остались.

Анатолий Эфрос и я на съемках фильма «Шумный день»

Вскоре мы получили письмо из Министерства культуры. Заключение состояло из двух пунктов: 1. Название фильма «В поисках радости» заменить на «Шумный день».

2. Слово «дуры» автору заменить на более мягкое.

Розов поменял слово, получилось: «Все Фиры и Веры глупы без меры».

Фильм «Шумный день» за два месяца посмотрели восемнадцать миллионов зрителей, и он многократно окупил вложенные в него средства. Талантливый Олег Табаков стал любимцем зрителей. Сегодня Олег Павлович народный артист СССР, художественный руководитель МХАТа им. Чехова, «Табакерки» и театральной школы, да и просто гениальный актер, выдающийся педагог и организатор. На спектаклях с его участием всегда аншлаги.

В свой семидесятилетний юбилей я получил доброе приветствие от Виктора Сергеевича Розова. Послание великого Розова меня безмерно обрадовало.

«Дорогой Георгий Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем!

Говорят, что все в жизни относительно, а уж в нашем мире, в мире искусства – тем более. Сегодня мне Ваша дата представляется возрастом новых свершений и радостной, увлеченной работы. Однако, конечно, и за то, что уже сделано Вами в нашем кинематографе, – огромное спасибо. Особенно мне приятно, что Вы доказали, как плодотворно может быть обращение к современной драматургии. Отдельное спасибо Вам – за меня и за моих коллег, замечательных советских драматургов С. Алешина, А. Володина, Э. Радзинского и др.

Олег Табаков в фильме «Шумный день»

Кадр из фильма «Шумный день». Олег Табаков и Лев Круглый

И еще, во всех Ваших фильмах люди – это самостоятельный мир, и каждый из них Вам дорог и интересен. Вы исследуете человеческие судьбы с болью и состраданием, с восторгом и с гневом, и это мне очень дорого в Вас и Ваших замечательных работах. Как приятно, что, следуя традициям нашего великого искусства, Вы верите, что человек – это человек, а не инфузория под микроскопом или даже некое человекоподобное существо «за стеклом». Удач Вам, здоровья и еще много-много «шумных дней» в поисках радости. Ваш Виктор Розов».

Глава 9 Счастливые и трагические дни Встречи с Николаем Черкасовым и Самуилом Алешиным

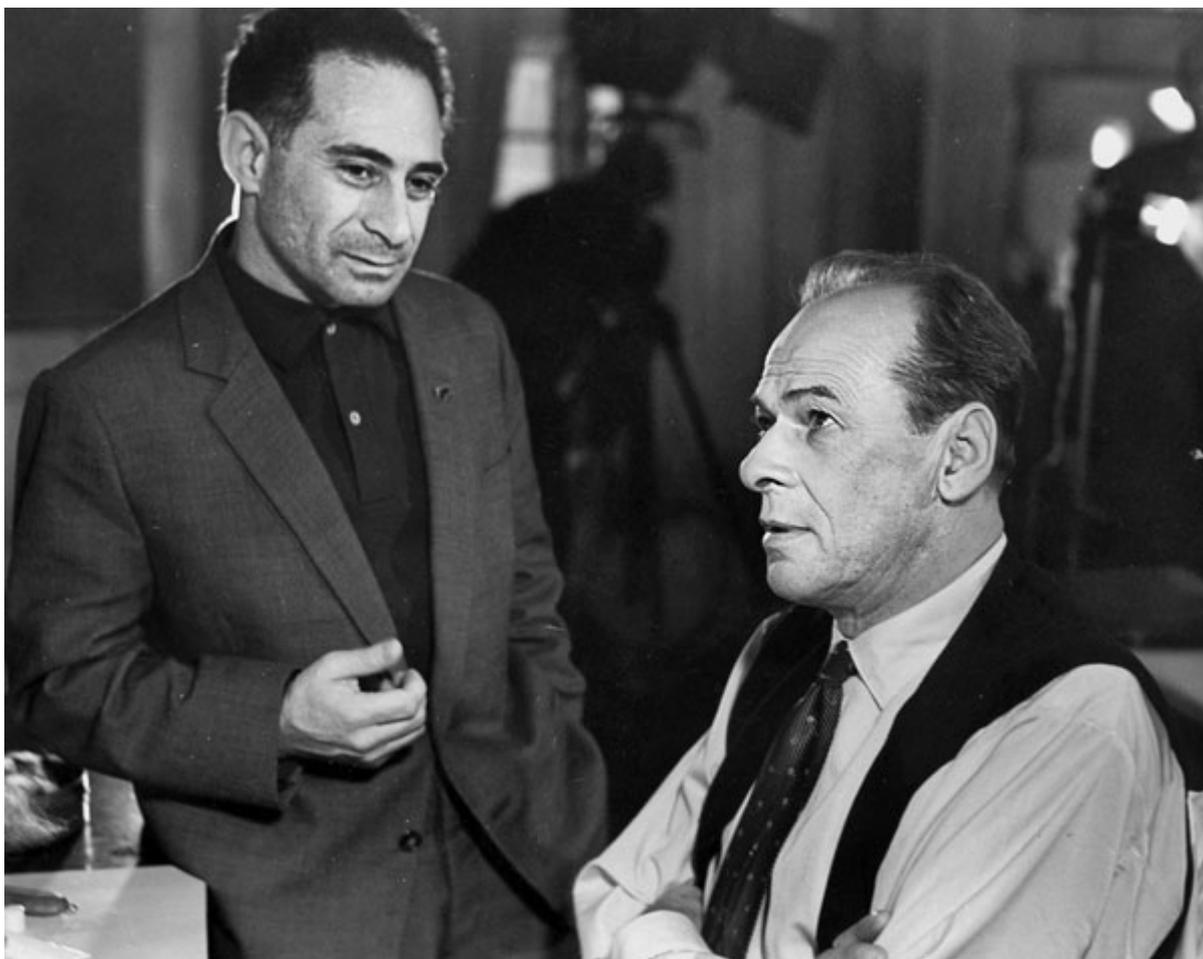
1963 год . В 2003 году столетний юбилей выдающегося русского трагика и комедийного артиста, любимца миллионов зрителей, государственного деятеля и патриота Николая Черкасова прошел почти не замеченным. Ни Министерство культуры РФ, ни Союз кинематографистов РФ, ни сочинский «Кинотавр», ни каналы Центрального телевидения не отметили столь дорогую дату. Даже Дом кино не устроил вечер его памяти. Да что говорить, когда в наше время забываются поэты Серебряного века, а школьники не знают, кто такой маршал Жуков. Их имена тонут в пучине сегодняшних героев кинофильмов и сериалов ТВ – бандитов, убийц, насильников, полицейских и миллионеров. Ахматову, Гумилеву, Цветаеву, Мандельштаму, Волошину, Блока дети не знают. Зато они любят Арнольда Шварценеггера. Побеждает культурная контрреволюция.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие», – так сказал А.С. Пушкин. Забыли мы заповедь великого поэта.

Еще в детстве, увидев фильм «Дети капитана Гранта», я, как и миллионы мальчишек и девчонок, влюбился в веселого и озорного Паганеля – Черкасова, в песню Дунаевского «Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка – это флаг корабля...», которую пела вся страна...

Николай Черкасов был замечательным театральным актером, танцевал в балете, работал артистом миманса, играл на одной сцене с Федором Шаляпиным. Он снимался в фильмах «Депутат Балтики», «Дети капитана Гранта», «Александр Невский», «Иван Грозный», «Дон Кихот»; работал с Сергеем Эйзенштейном, Григорием Александровым, Григорием Козинцевым... Последняя и, как признавался сам актер, любимая его роль в кино – академик Дронов в моем фильме «Все остается людям».

Дни работы над фильмом «Все остается людям» я назвал бы одновременно счастливыми и трагическими. Сотрудничать с великим Черкасовым было действительно счастьем. Но для самого актера это время стало тяжелым. В дни съемок его уволили из ленинградского театра имени Пушкина – «Александринки», в которой он прослужил более тридцати лет. К тому же он сильно болел тогда, настолько сильно, что роль академика Дронова оказалась последней в его жизни.

Николай Черкасов и я в гримерной перед съемками фильма «Все остается людям»

Сейчас трудно поверить в то, что выдающегося актера не хотели утверждать на эту роль. Да и вообще не желали, чтобы фильм был поставлен... А дело было так: я принес сценарий «Все остается людям» – на мой взгляд, философский, умный – Ивану Александровичу Пырьеву, который в то время был директором «Мосфильма». Тот обещал за ночь с ним ознакомиться. На следующий день я пришел к нему – лицо хмурое.

– Я с тобой, – говорит, – буду сценарий на худсовете обсуждать.

Не понравилось, значит. Надо сказать, что в сценарии было очень мало действия и объектов – квартира Дронова, кабинет и два кусочка природы.

«Все остается людям», рабочий момент. Николай Черкасов, Софья Пилявская и я

На худсовете первым выступил режиссер Е. Дзиган: –Средняя пьеса, по которой написан сценарий, к кино не имеет никакого отношения. Затем взорвался Пырьев (Иван Александрович начинал свою речь как обычно, почти шепотом, а потом доходил до крика):

– Жора! Жорочка! Георгий Григорьевич! Ты окончил режиссерский факультет ВГИКа, и диплом тебе вручал сам Эйзенштейн. Ты работал у меня ассистентом – и хорошо работал.

Ты поставил успешную картину «Шумный день». Жора, ты ничего не понял в кино, если приносишь сценарий, в котором одна болтовня!

Все! Дорога на «Мосфильм» картине была заказана. «В сценарии нет кинодраматургии». Уважаемый Иван Александрович не понял, что в сценарии была драматургия мысли.

Почти через полгода Самуил Алешин, сценарист картины, договорился с «Ленфильмом», директором которого в то время был Илья Николаевич Киселев – эрудированный человек, недавно вернувшийся из ссылки. Сценарий одобрили, и через два дня Киселев по инициативе Алешина пригласил меня на «Ленфильм». Надо сказать, что на главную роль я с самого начала хотел позвать Николая Константиновича. Черкасов не снимался более пяти лет и обрадовался моему предложению. Сделали пробы.

На худсовете известный в то время сценарист Чирстков заявил:

– Мне очень мил этот молодой режиссер из Москвы. Я в восторге от Андрея Попова в роли священника! Поистине великолепны Быстрицкая в роли Румянцевой и Пилявская в роли жены Дронова! Замечателен Озеров в роли молодого ученого! Но давайте признаемся

честно: Черкасов в этих пробах... творческий... труп?!

И это говорилось на «Ленфильме» – студии, где был снят «Депутат Балтики» режиссеров Зархи и Хейфица, открывший, по сути, талант актера. Моя речь в защиту Черкасова эффекта не возымела, я был в шоке. Представить кого-то на месте Черкасова я не мог. В отчаянии побежал к Товстоногову, который возглавлял актерскую организацию Ленинграда. Он немедленно меня принял.

– Что они там, с ума посходили – Колю не утвердить?! – и прямо при мне Товстоногов позвонил в обком, в отдел культуры. Оттуда приказали Киселеву предоставить возможность новых проб с Черкасовым.

Но мы с Киселевым решили снять первый объект фильма с Черкасовым. Тем более, что была уже построена декорация кабинета Дронова. Николай Константинович обо всем знал, разумеется. «Доброжелатели» позвонили ему уже через сорок минут после худсовета.

Переживал он страшно – хотя, казалось бы, легендарный актер, чего волноваться?

В общем, устроили нам экзамен. Я ведь был тогда совсем молодым режиссером, а тут – Черкасов, работавший с гениальным Сергеем Эйзенштейном, Григорием Козинцевым, и Леонидом Траубергом и Григорием Александровым, Быстрицкая, имя которой гремело после «Тихого Дона»... Тем не менее Черкасов относился ко мне с большим уважением, всегда считался с идеями постановки фильма. «Это же ваша картина», – говорил он. И вместе с тем он не был безмолвным – что-то предлагал, советовал. Он быстро помог мне преодолеть творческую робость. Глядя на него, и Элина Быстрицкая стала слушаться, а сначала с ней нелегко приходилось. Прославленная героиня «Тихого Дона», любимица зрителей, снимавшаяся у великого Сергея Герасимова, – и вдруг какой-то Натансон...

За время работы Элина Авраамовна стала моим другом на долгие годы и работу над фильмом сегодня «Все остается людям» вспоминает с любовью.

Находиться с Черкасовым на одной съемочной площадке было необыкновенно интересно. Да и не только мне! Несколько раз в наш павильон приходил смотреть на Черкасова Иннокентий Смоктуновский, который в соседнем павильоне снимался у Козинцева в роли Гамлета, как известно, не раз спорил с ним на съемках и удивлялся необыкновенно, дружеской, доброй и уважительной атмосфере, царящей на нашей съемочной площадке..

Николай Константинович, повторюсь, тогда сильно болел. У него были плохие легкие, врачи запрещали ему курить. Вот он и стрелял у всех сигареты. Ну кто откажет Черкасову? Хотя все знали: нельзя. Он, как мальчишка, прятался по углам – боялся, что кто-нибудь расскажет супруге, не хотел ее расстраивать. Сигарету зажимал в ладони.

Как-то раз Черкасов пришел в гримерную очень хмурый. Я думал, это из-за болезни, спросил: «Плохо себя чувствуете?» – «Нет, Георгий Григорьевич. Меня сегодня из театра уволили». В «Александринке» в то время проходило сокращение кадров, а у Черкасова там работала жена, тоже актриса. Она как раз попала под сокращение. Черкасов, как узнал, сразу побежал к директору. Тот ему сообщил: дескать, ничего не могу сделать, таково решение вышестоящих организаций. Зато сохраню наиболее известных. «Я протестую», – заявил Николай Константинович. «А я ничего изменить не в силах», – ответил директор. Тогда актер пошел ва-банк: «В таком случае увольняйте и меня тоже». – «Хорошо, пишите заявление». Черкасов написал. Директор на заявлении поставил резолюцию «согласен». И вывесил приказ об увольнении. Больше в театре Черкасов не работал...

«Все остается людям», рабочий момент. Николай Черкасов, Софья Пилявская, Самуил Алешин и я

К сожалению, Дронов оказался его последней ролью в кино. Это была его, так сказать, лебединая песня. В одном из интервью Черкасов признался: «Если бы меня спросили, какая из моих ролей доставила мне наибольшую творческую и человеческую радость, я бы не задумываясь ответил: академик Дронов из фильма «Все остается людям»... Дронов особенно дорог тем, что его поистине эпический характер позволил мне поразмышлять на языке актерского мастерства о философской сути нашего времени! И о его героях, о долге людей друг перед другом». Готовый фильм без поправок был принят худсоветом, но перепуганный директор «Ленфильма» попросил меня вырезать ключевой эпизод, где шел идейный спор академика Дронова со священником, в котором зачастую побеждал... священник. Разве такое могло быть в те годы?!

– При сдаче фильма первому секретарю Ленинградского обкома товарищу Толстикову я буду уволен, пожалуйста, позвоните Алешину, передайте мою просьбу.

– Я не разрешаю вырезать из спора даже запятую, – ответил мне Алешин.

– Вот и делай людям добро, Пырьев не зря отказал вам в постановке «Все остается людям» на Мосфильме, – грустно сказал директор «Ленфильма» Киселев. Он понял, что такой фильм принесет ему неприятности.

Однако после просмотра фильма в Смольном товарищ Толстиков (это он решал, отправлять ли картины «Ленфильма» для сдачи в Москву Госкино или класть на полку) в Ленинграде заявил:

– Я поздравляю вас, товарищ Киселев! Прекрасный фильм. Замечательный Черкасов! Узнаю старый «Ленфильм» времен «Чапаева» и «Депутата Балтики». Поздравляю молодого режиссера с победой. Переезжайте к нам в Ленинград, хорошую квартиру дадим в новом

доме, где будет жить Георгий Товстоногов и лучшие артисты БДТ.

Но мама моя из-за болезни сердца отказалась ехать в город на Неве...

Фильм «Все остается людям» я сдавал председателю кинокомитета Алексею Владимировичу Романову – пожалуй, одному из лучших председателей Госкино, интеллигентному и доброжелательному человеку. Сталин назначил его на эту должность и лично напутствовал в начале деятельности.

– Фильм мне понравился, но я должен показать его в ЦК, – сказал Романов.

На второй день в коридоре «Мосфильма» я увидел идущего мне на встречу Ивана Пырьева (с палкой в руках – так он ходил по студии). «Иваном Грозным» его прозвали на «Мосфильме». Он остановился.

– Жора, подойди!

Не без робости я подошел к Ивану Александровичу. Он обнял меня, прижал к груди:

– Вчера один в зале смотрел твою картину «Все остается людям». Я рыдал, когда великолепный Черкасов говорил от лица Дронова, что все остается людям после ухода человека из жизни! – Он выдержал короткую паузу. – Жора, какого же ты х... вставил мне и всему худсовету, сделав такой блистательный фильм! – (Иван Александрович любил острые выражения.) – Мы принимаем тебя в Союз кинематографистов...

Он в то время был его первым председателем и организатором вместе с Михаилом Роммом и Сергеем Юткевичем.

Через две недели меня вызвал Романов. Сказал, что картина понравилась Никите Сергеевичу Хрущеву и ей присуждена высшая категория оплаты.

Черкасов же за роль Федора Дронова получил Ленинскую премию. Вообще-то изначально на нее выдвигались трое: режиссер-постановщик, автор сценария и исполнитель главной роли. Но лауреатом стал один Черкасов. Алешина и Натансона чиновники вычеркнули из списка. Видимо, дух борьбы с космополитами витал еще над страной. За короткий срок «Все остается людям» посмотрели двадцать пять миллионов зрителей. Очень был обижен.

Алешин сказал мне, что Черкасов должен был отказаться от премии – в знак солидарности, как это сделал А.П. Чехов (он отказался быть академиком, когда не приняли в академики А.М. Горького). А Лев Николаевич Толстой вышел из академии, ушел в знак протеста. Алешин не поехал на юбилей Черкасова в Ленинград, а я съездил, сердечно поздравил актера, почувствовав, что мое поздравление было ему приятно.

Черкасова очень любили власти. Не секрет, что его обожал Сталин. Николай Константинович рассказывал мне о своих встречах с ним. Однажды Сталин пригласил его в кинозал в Кремле. Когда актер, пропустив вперед всех членов Политбюро, зашел внутрь, все места оказались заняты. Ничего не оставалось, как сесть на пол и смотреть в таком положении. Черкасов смирился с неудобствами, уже начался фильм, как вдруг к нему на четвереньках подполз какой-то человек: «Товарищ Черкасов, около стены поставили стул. Пожалуйста, садитесь туда, а то неудобно получается...» Николай Константинович резонно заметил: «Вы же знаете, что я высокий. Я не могу встать и загородить луч проектора товарищу Сталину. Так что лучше здесь посижу». Ковер в зале был мягкий, и на полу действительно было комфортно. Через некоторое время человек опять приполз (встать он тоже не мог – а вдруг помешает просмотру!): «Товарищ Черкасов, мой начальник просит, чтобы вы все-таки сели на стул. Можете не вставать, проползите на корточках...» «Передайте начальнику, – ответил артист, – что мне здесь хорошо. Я здесь никому не мешаю, и товарищ Сталин мне замечаний не делает. А ваш начальник делает мне замечание». Тот опять отполз. И через какое-то время приполз с тем же предложением.

Черкасов повернулся к Сталину: «Иосиф Виссарионович, ну что ко мне пристал этот человек? Заставляет встать с ковра, где я так хорошо устроился!» Тот нахмурился: «А почему вы мешаете товарищу Черкасову смотреть картину? Это неправильно! Пусть смотрит где хочет». В общем, разрешил актеру досидеть на полу.

Однажды Сталин вызвал Черкасова к себе и строго спросил: «Товарищ Черкасов, кто заставил вас после царя Ивана Грозного играть в кино дворника?!» Актер побледнел, начал говорить о том, что такова роль, таков сценарий... «Нет, я спрашиваю, кто персонально заставил вас играть после Ивана Грозного дворника в среднем фильме?!» Черкасову еле удалось доказать, что эта роль не являлась идеологическим выпадом и не выявляла отношение к Грозному. Такова суть актерской профессии: сегодня ты царь, завтра – дворник. Пришлось долго уговаривать Сталина, затем рассказывать всякие байки о боярах, чтобы отвлечь от режиссеров подозрения в идеологической диверсии.

Вторую серию «Ивана Грозного» Сталин яростно забраковал. Эйзенштейн не пережил разгрома фильма и тяжело заболел. Николай Черкасов и Григорий Александров попросили Сталина принять их и обратились с просьбой разрешить Эйзенштейну переделать эту часть «Ивана Грозного», исходя из его замечаний. Когда Эйзенштейн поправился, Сталин принял его вместе с Черкасовым. Более двух часов шла беседа. Сталин позволил переделать обруганный фильм, но потребовал не спешить и переделывать основательно. «Мудрость Ивана, – Сталин как-то назвал царя Ивана Грозного своим учителем, – в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в страну не пускал. – Известна фраза Сталина: «Иностранцы – засранцы». – У вас опричники показаны как «Ку-клукс-клан», а опричники – это прогрессивная армия». Прощаясь, Сталин сказал: «Работайте! Желаю удачи. С богом!»

Сергею Михайловичу не суждено было переделать вторую серию «Ивана Грозного». В 1948 году его не стало...

Трудно было смириться и с кончиной Николая Константиновича. Я вылетел в Ленинград. Его супруга Нина Черкасова сообщила мне, что горсовет Ленинграда отказался похоронить Черкасова на престижном кладбище – Литературных мостках, и что она направила телеграмму Косыгину, председателю Совета Министров СССР, с просьбой заступиться. Ответ пришел незамедлительно. Косыгин дал разрешение похоронить Черкасова в лавре. С ним прощался весь Ленинград. Николай Константинович много лет был депутатом Верховного Совета СССР и многим людям помогал, часто заступался и за деятелей искусства, подлежащих репрессиям. Конечно, нажил себе врагов среди бюрократов от культуры – вот они и решили отомстить.

Черкасов писал: *«Самой интересной и нужной сегодня темой в искусстве я считаю тему воспитания молодого поколения. Человек, который прожил свою жизнь не зря, интересно и достойно, не может, находясь рядом с младшим, не чувствовать себя ответственным за его будущее. Я же, рассматривая кино, так сказать, под своим актерским углом зрения, вижу, что наиболее впечатляют те фильмы, где есть интересная центральная фигура – крупный, своеобразный, талантливо сыгранный герой: там зрителю есть за кого болеть, кому сочувствовать, с кем пережить горе и радость!»*

Черкасов был добрым, веселым человеком. Он часто шутил, рассказывал смешные истории. Дружил с Эйзенштейном, Шостаковичем, Мравинским. Воспоминания о Черкасове оставили Чарли Чаплин, Жан Кокто, Алексей Толстой, Лев Кассиль, Всеволод Иванов, Питер Брук, Ингмар Бергман... Однажды он подсчитал, сколько человек принял как депутат Верховного Совета СССР – оказалось, 2565. Георгий Товстоногов писал: если можно было бы собрать в одно место всех, кому когда-нибудь в трудную минуту жизни помог Николай Константинович, пришлось бы арендовать стадион. Таким был незабываемый Черкасов, любимый народом, – гениальный Паганель, Александр Невский, Иван Грозный, Дон Кихот, академик Дронов.

Глава 10 «Старшая сестра» Встречи с Александром Володиным, Дорониной, Жаровым и Теняковой

Как-то я случайно прочел пьесу Александра Володина «Старшая сестра». Предложил ему написать сценарий. Он согласился. Но сценарий от пьесы почти не отличался. С большим трудом он прошел на худсовете: что за кино, где действие проходит в одной

комнате? Нет кинематографических событий. Опять старая песня.

Вновь поддержал меня Иван Александрович Пырьев. «Пусть себя попробует молодой режиссер». Авторитет Пырьева был непререкаем. И нас запустили в производство.

Я поехал в Ленинград, в легендарный БДТ – театр великого Георгия Товстоногова, и увидел в спектаклях самобытную, удивительную и талантливую Татьяну Доронино. По окончании одного из спектаклей направился к ней в гримерную. Когда, потерявшись в многочисленных гримерных, я бродил в поисках той, которую занимала Доронино, ко мне обратился очаровательный артист Стржельчик:

– Чем я могу вам помочь?

Я ему объяснил, что ищу Доронино, что я московский режиссер.

Татьяна Доронино и Наталья Тенякова. Кадр из фильма «Старшая сестра»

– У нас есть традиция. Гости расписываются под потолком. Пошли за мной, – сказал он. Действительно, множество подписей известных деятелей культуры Ленинграда, Москвы и зарубежья темнели на потолке.

– Вот вам кисточка и краски.

Я нашел свободное место под подписями... Дорониной и Басилашвили (на тот момент ее супруга) и подписался. В 2011 году, когда шли съемки фильма обо мне к моему юбилею, снимали и подписи под потолком, они уцелели и останутся там, надеюсь, навсегда.

Познакомившись с Татьяной Дорониной, я предложил ей сыграть главную роль – Надю Резаеву в фильме «Старшая сестра». Она согласилась. Во время разговора с Татьяной Васильевной вошел Олег Басилашвили.

– Прости, Олег, у меня серьезный разговор.

Олег вышел. В «Старшей сестре» он сыграл небольшую роль режиссера. Актер он блестящий, но в БДТ попал по просьбе Татьяны Васильевны, когда Товстоногов пригласил ее в труппу театра...

В театре Ленинского комсомола в спектакле Брехта «Трехгрошовая опера» меня необыкновенно покорила чрезвычайно талантливая Наташа Тенякова. Но на предложение сыграть младшую сестру она ответила отказом.

– Пойдите на «Ленфильм» и посмотрите мои пробы на пять картин. Меня нигде не утвердили. Зачем то же самое испытывать на «Мосфильме»?

– У нас на «Мосфильме» к режиссерам относятся доброжелательно, и вас утвердят.

Уговорил.

Провел пробы на главные роли талантливых, но не известных в кино артистов –

Татьяны Дорониной, Инны Чуриковой (еще не знакомой с замечательным режиссером Глебом Панфиловым), Виталия Соломина, Натальи Теняковой и великого Михаила Жарова. Пробы мне очень понравились. Представил их художественному совету. И мне... никого не утвердили.

С А. Кузнецовым на Московском кинофестивале

– Татьяна Доронина... Ей кино просто противопоказано: говорит с придыханием, почти шепотом... Против Дорониной был и автор сценария «Старшей сестры» Александр Володин, предложивший на роль Нади Резаевой актрису Малеванную.

– Если возьмете Доронину, я к вам на съемки ни разу не приеду, – сказал он. Свое слово Александр Моисеевич сдержал.

– Наталья Тенякова... Георгий Григорьевич! Вы же режиссерский факультет ВГИКа окончили! У вас предмет такой был – «техника речи». У актрисы же рот полон каши... И совершенно странное предложение – столь некрасивая Инна Чурикова – на роль белокурой красавицы, девушки по прозвищу «Колдунья»...

Кадр из фильма «Старшая сестра». Наталья Тенюкова и Виталий Соломин

Они не утвердили даже Михаила Жарова: – Жаров – артист знаменитый, вы с ним не справитесь. Да и слушать он вас не будет. Ищите других актеров!

Я был в отчаянии. Но уверенность в своей правоте позволила мне обратиться к председателю кинокомитета А.В. Романову. Через день он принял меня, молодого неизвестного режиссера, и посочувствовал:

– Но как же я могу повлиять на решение худсовета «Мосфильма», самого авторитетного в советском кинематографе?

(Сейчас, в демократическое время, к председателю Департамента кинематографии на прием не попадешь, так же как и к заместителям министра культуры. Все всегда заняты. А в советское время у чиновников Госкино каждую неделю был обязательный прием по личным вопросам. В демократическое время расцвела бюрократия ярким цветом и выросла коррупция – такие приемы были отменены).

Увидев, как я расстроился, посоветовал принести кинопробы на ближайшее заседание Коллегии комитета, где должны присутствовать все председатели кинокомитетов союзных республик...

В фойе возле кабинета Романова встретились все руководители кино национальных республик. Министр кино Армении врасос целовался с министром Азербайджана. Дружба народов была искренней. За министрами последним в кинозал проследовал Романов. Я за ним.

– Подождите решения в фойе. У нас могут высказаться более сурово, чем на худсовете «Мосфильма», и вы получите инфаркт.

Ждал я более часа. Первым вышел Романов:

– Поздравляю.

Пробы были встречены восторженно. А Сергей Герасимов отозвался так:

– Вы подобрали на женские роли прекрасных актрис и должны их снимать. Удачен и Жаров. Поздравляем!

Как же я был рад! Всех актеров утвердили. Я помчался на студию.

– Снимайте картину, – сказал мне директор «Мосфильма», – с Госкино, но без нас. Худсовет никакого отношения к ней иметь не будет.

Снимал я «Старшую сестру» со всеми актерами, которых подобрал.

Съемки «Старшей сестры» мы начали с натуры в Ленинграде в торговом порту.

Доронина и Чурикова играли учетчиц грузов. Отложив с оператором Владимировым проход героини у причала на следующий день, я приехал рано утром на съемку и увидел пришвартовавшиеся к причалу два парусных корабля! Я был в восторге. Божий подарок! На их фоне и прошла Доронина. Композитор картины Чистяков написал замечательную музыку к этой сцене, как и ко всей картине.

На репетиции фильма «Старшая сестра»

А в павильоне «Мосфильма» снимали экзамены приемной комиссии, которую возглавлял выдающийся артист МХАТа Павел Массальский, в жизни принимавший Татьяну Доронину в Школу-студию МХАТ. Рядом с ним в комиссии сидела великая Софья Пилявская. Татьяна Васильевна прекрасно читала монолог Белинского о театре. Сложности съемок состояли в том, что Георгий Александрович Товстоногов разрешил мне снимать Доронину только в свободное от спектаклей и репетиций время. И Татьяне Васильевне приходилось бесконечно ездить из Ленинграда в Москву, часто задерживая съемки. Ее гримировала лучшая гримерша «Мосфильма» Тамара Гайдукова, и часто на это уходила половина съемочного времени, так как после работы гримера Доронина сама поправляла грим и реснички. Практически мы снимали картину по полсмены в день.

После того как была снята почти половина картины, Татьяна Васильевна меня спросила:

– Георгий Григорьевич! А снятый материал вы смотрите?

– Каждый день.

– Ну и как?

– Мне кажется, что все нормально (мне материал очень понравился).

– А я могу посмотреть?

– Безусловно.

Рабочий момент съемок фильма «Старшая сестра»

В один из приездов Дорониной на три дня, перед съемками, в маленьком просмотровом монтажном зале, в присутствии одной монтажницы я показал ей все снятое и смонтированное. Когда зажгли свет, после паузы Татьяна Васильевна сказала: – Георгий Григорьевич! Это все ужасно, это все вне искусства!

Я обомлел. Актеры быстро сдружились и работали с увлечением. И даже великий Жаров ни разу со мной не поспорил, ни разу. Свое мнение она сейчас расскажет актерам, и никто больше не станет слушать меня. Но Татьяна Васильевна промолчала. Съемки продолжались. Через несколько дней Доронина обратилась ко мне с просьбой показать весь снятый материал женщине, вкусу которой она доверяет. Мне уже было все равно. Если завалю картину на «Мосфильме», мне больше не работать...

В тот же маленький зал вместе с Дорониной вошли небольшая худенькая женщина и плотный рыжеватый юноша.

По окончании просмотра женщина сказала Дорониной:

– Это все гениально!

Я понял ее высказывание по-своему – решил, что слово «гениально» обозначает другое, бранное, также начинающееся на «г».

– Я очень сожалею, что показал вам материал, так как половину работы кое-кому не показывают...

– Нет, я в восторге от просмотра. Продолжайте в том же духе, и у вас будет замечательная картина.

Татьяна Доронина, Леонид Куравлев и Михаил Жаров в фильме «Старшая сестра»
Рыжеватый юноша тоже одобрил материал. Это были Эдвард Радзинский и его мама.
Через некоторое время Татьяна Васильевна стала женой Радзинского...
Александр Володин после просмотра фильма сказал: «Мне за картину не стыдно». И
все!

Фильм я сдавал Алексею Владимировичу Романову. Он был под впечатлением от картины, от Дорониной, Теняковой, Чуриковой, Жарова и Соломина. И сказал, что посылает наш фильм на декаду советского кино в Рим и Милан еще с другими фильмами. И так, «Старшая сестра» сначала вышла на экранах в Италии и только потом в СССР. Успех картины в Италии был грандиозным! Белокурая русская красавица Татьяна Доронина стала любимицей итальянцев. «Доронина – это явление в кинематографе», – писали итальянские критики. За ней ходили фотографы, кинооператоры, ее забрасывали цветами, сравнивали с Джульеттой Мазиной и Мэрилин Монро, но Татьяну Доронину ни с кем сравнить нельзя. Она – личность особая, уникальная! «Старшую сестру» назвали лучшим неореалистическим фильмом советского кинематографа. На пресс-конференции я сказал, что неореализму научился у итальянцев, по фильмам Феллини, Антониони, Висконти, де Сика и других великих режиссеров. Критики мне возразили. «Неореализму нас научил ваш русский режиссер Марк Донской в фильме-трилогии о Максиме Горьком», – утверждали они.

После выхода в СССР «Старшая сестра» имела такой же грандиозный успех. За месяц – тридцать миллионов зрителей! Люди стояли в кассы кинотеатров в огромных очередях на улице...

Итак, родилась новая кинозвезда – Татьяна Доронина, любимица зрителей, вставшая рядом с Любовью Орловой, Тамарой Макаровой, Мариной Ладыниной. Эстрадные актеры ее пародировали под аплодисменты. Девушки носили прически «под Доронину». Читатели журнала «Советский экран» признали ее лучшей актрисой 1966 года.

Рабочий момент съемок фильма «Старшая сестра»

Блеснула в фильме и талантливая Наташа Тенякова, а в эпизоде – удивительная, неповторимая, талантливая, такая правдивая Инна Чурикова. Конечно, Александр Володин написал изумительную пьесу, по которой и создал сценарий «Старшей сестры». Он прекрасный драматург. Только через тридцать лет на кинофестивале «Литература и кино» в Гатчине Володин со сцены заявил: «Натансон снял замечательную картину...»

Мне было очень приятно, когда режиссер Глеб Панфилов отметил, что в «Старшей сестре» ему очень понравилась Инна Чурикова. С ней он познакомился позже, а потом и женился на ней. В дальнейшем он снимал Чурикову в своих фильмах, она прогремела в картине «Начало», а затем и в других панфиловских работах. Безусловно, Инна Чурикова – великая актриса.

Глава 11 «Еще раз про любовь» Эдвард Радзинский, Татьяна Дорониная, Владимир Высоцкий, Александр Лазарев

Однажды Эдвард Радзинский спросил меня, видел ли я в «Ленкоме» его пьесу «104 страницы про любовь»? – Нет, – ответил я.

Эдвард обиделся.

– Да как вы могли не посмотреть мою пьесу! Вся интеллигенция Москвы ее смотрит. Пойдите, посмотрите ее в Ленкоме, и если вам спектакль понравится, я даю вам право экранизации. – И добавил: – Многие режиссеры добиваются у меня этого права.

– Спектакль смотреть не буду. Не хочу давления чьей-то режиссуры. Дайте пьесу.

Эдик вручил мне ее текст с надписью: «Георгию Натансону с верой в успех совместной работы. Эдвард Радзинский. 6 июля 67 года».

Пьеса мне понравилась.

Принятый «Мосфильмом» сценарий по пьесе Э. Радзинского «104 страницы про любовь» («Еще раз про любовь») был отвергнут редакционной комиссией Госкино, как... пошлый, аморальный. Сейчас это звучит нелепо и даже смешно, но тогда дело обстояло именно так. «Разве может советская девушка в первый же вечер знакомства с мужчиной поехать к нему?!» – вопрошали чиновники. Такое было время.

На репетиции фильма «Еще раз про любовь»

«Да как вы могли, Георгий Григорьевич, после «Старшей сестры» братья за подобный сценарий какого-то Радзинского?! Вы хороший режиссер. Найдите другой сценарий, и мы вас немедленно запустим», – сказал Романов. Мои споры с ним ни к чему не привели, не помогло даже то, что главную роль я планировал дать Татьяне Дорониной, которая ему очень нравилась. Более полугода я обивал пороги Госкино. Поклялся В.Е. Баскакову, первому заместителю председателя Госкино, человеку суровому, в Отечественную войну бывшему военным прокурором, что не сниму пошлую картину, и он втайне от Романова разрешил нам начать работу...

А весной я в разлуки не верю
И капли не боюсь морозящей.

А весной линяют разные звери,

Не линяет только солнечный зайчик... –

пропела в конце шестидесятых трепетная и трогательная Татьяна Дорониная, стюардесса Наташа, «самая лучшая девушка Москвы и Московской области, да и вообще всего Советского Союза», в мой картину «Еще раз про любовь».

Репетиция фильма «Еще раз про любовь»

Кадр из фильма «Еще раз про любовь»

Следует рассказать читателю, что мы уже сняли весь фильм, декорацию разобрали, а песни у нас не было. Эдвард Радзинский обратился к замечательному поэту Роберту

Рождественскому. Он посмотрел фильм и написал эти чудесные стихи. А известный композитор Флярковский – музыку. Кстати, они земляки, с Урала... Мы построили небольшую стеночку, на фоне которой и сняли этот эпизод с песней.

В этом фильме есть то, что нужно для настоящего кино: простая, внятно рассказанная история о самом главном – о человеческих чувствах. И поэтому, наверное, картина «Еще раз про любовь» не устареет никогда.

Пьеса «104 страницы про любовь», по мотивам которой был написан сценарий «Еще раз про любовь», имела большой успех, она шла более чем в ста театрах СССР. А тогдашний министр культуры, легендарная Екатерина Фурцева, пришла в ужас, увидев афишу спектакля со столь «откровенным» названием. Радзинский отправился к Фурцевой и долго взволнованно объяснял министру, что «эта пьеса не про шлюшку – она про свободу, про любовь, про сентиментальную жажду чистоты». Екатерина Алексеевна его поняла, потому что была не только винтиком в государственном аппарате – она была женщиной. «Как нам с вами должно быть сейчас стыдно, что мы уже не умеем так любить!», – сказала Фурцева.

Татьяна Доронина в фильме сыграла женщину немного не от мира сего, которой был дан самый высочайший дар – умение любить. Она пылала и сгорела от этой любви, а искрами от пламени обожгла всех, кто соприкоснулся с ней. И прежде всего – того мужчину, которому выпало счастье (или же беда?) быть любимым ею. Кстати, на роль этого самого мужчины, физика-атомщика с вычурным именем Электрон, сначала пригласили Владимира Высоцкого. Он очень хотел сниматься в нашей картине, можно сказать, мечтал. Даже попросил сделать ему ботинки на высоких пятисантиметровых каблуках, чтобы казаться выше Тани. Но мы с Радзинским, посмотрев кинопробы, поняли, что надо искать другого артиста – высокого, статного... Даже на каблуках Володя не монтировался с Таней, не было

нужной гармонии. И мы пригласили молодого, тогда еще не особенно известного талантливого театрального актера Александра Лазарева. Его пробы оказались удачными. Лазарев, так же, как и Доронина, окончил Школу-студию МХАТ.

Так в фильме появился самоуверенный и ироничный Александр Лазарев. Красивый мужчина, который знает, что красив, и поэтому спокоен. До поры до времени, правда, – пока его не обожжет такое пламя, которого ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Но уже без нее...

Одну из ролей блистательно сыграл Александр Ширвиндт.

История, рассказанная Радзинским и воплощенная на экране, оказалась близка и современным режиссерам. Вера Сторожева начала путь в большое кино с фильма «Небо. Самолет. Девушка», где героиню сыграла своеобразная и талантливая Рината Литвинова, а летчика – сын Олега Ефремова Михаил. Наверное, не стоит называть это ремейком. Это скорее вариации на тему. На просмотр этого фильма в Дом кино меня пригласила сама

Рената. Перед началом показа, увидев меня в седьмом ряду, она подошла ко мне. Мы обнялись и расцеловались. Я пожелал ей успеха и случайно наступил на ее длинное белое платье...

Кадр из фильма «Еще раз про любовь»

Я считаю, что смотреть этот фильм, конечно, будут, потому что народ давно ошалел от засилья на экранах кино и телевидения бандитских картин, убийств и истязаний. Но картина никогда не поднимется до славы фильма «Еще раз про любовь», потому что наше кино – кино романтически-поэтическое, а здесь же налицо явный натурализм. Что поделаешь – какое время, такое и кино. В моей памяти навсегда останется финальная сцена из фильма «Еще раз про любовь» – удаляющаяся спина Александра Лазарева и голос Татьяны Дорониной за кадром: «Но не выросла еще та ромашка, на которой я себе погадаю...»

Кадр из фильма «Еще раз про любовь»

В своей книге «Дневник актрисы» Татьяна Дорониная написала обо мне: «Если бы не

Георгий Натансон, не видать мне «большого экрана» и такой нежной зрительской любви». Я горжусь этим. Я продолжаю снимать кино. Дебютировал в кинодокументалистике, сняв фильм «Я вернусь» – о пребывании Михаила Булгакова в Крыму и «Булгаков на Кавказе» – о военвраче Белой армии, впоследствии ставшем великим драматургом и писателем. В планах у меня большой художественный фильм о Булгакове. Я бываю на просмотрах Московского международного кинофестиваля, и мне интересно все, что происходит в мировом кино. Я считаю, что кино – огромная сила, которая воспитывает новые поколения.

...На роль Мышки пробовались много актрис. Особенно запомнилась одна история. Я шел по улице Горького и увидел красивую молодую девушку – плотненькую, веснушчатую. Подхожу к ней, говорю, что я, мол, режиссер, приглашаю ее на пробы. А она отвечает: – По улице Горького много всяких режиссеров ходит, к девушкам пристают!

– Я не такой, у меня документ есть.

– А что вы сняли?

– «Старшую сестру».

– Вы сняли «Старшую сестру»?! Да вы и на режиссера-то не похожи...

Я обиделся, говорю:

– Я же вас не домой к себе приглашаю. Приедете на студию – увидите.

Через много-много лет я об этой девушке хотел сделать художественный фильм, ведь это была Алла Пугачева, в то время студентка Гнесинского училища. Я по ее приглашению несколько раз встречался с ней в ее доме, и за завтраком мы обсуждали драматургию будущего фильма. Но, к сожалению, из-за ее гастрольной занятости сценарии закончить не удалось. А в фильме «Еще раз про любовь» Мышку прекрасно сыграла отличная актриса театра им. Ермоловой Елена Королева. Роль летчика исполнил непревзойденный Олег Ефремов – художественный руководитель МХАТа, замечательный артист и режиссер.

Кадр из фильма «Еще раз про любовь». Татьяна Доронина и Александр Лазарев
Я, конечно, Татьяну Васильевну любил. Как женщина она прекрасна, а как актриса – гениальна. Она никогда открыто не восхищалась мною как режиссером, а вот нашему замечательному оператору Владимиру Николаеву всегда говорила очень добрые слова. И не спорила с ним. Произошел даже такой случай. В одном эпизоде в летящем самолете она

должна была сказать пассажирам салона: «Наш самолет ведет заслуженный летчик Лев Карцев», – а сказала: «...летчик первого класса Владимир Николаев». Прямо на съемках, не предупреждая! В таком виде эпизод вошел в картину. Николаев действительно был выдающимся оператором, кстати, войну прошел отважным артиллеристом, его грудь была увешана многими орденами Красного Знамени и другими боевыми наградами. Работали мы с ним всегда дружно.

Кадр из фильма «Еще раз про любовь». Знаменитая постельная сцена

Навсегда запомнилась мне и съемка постельной сцены. Это была первая постельная сцена в советской кинематографии. Татьяна Васильевна попросила меня убрать из павильона всех, без кого я могу обойтись. Я немедленно выполнил ее просьбу. Остались только оператор Владимир Николаев и его помощники, костюмерша и гример Гайдукова, которая после Дорониной была гримершей Юлии Борисовой и Людмилы Гурченко. Остальные члены съемочной группы дожидались окончания съемок в коридоре за закрытыми воротами.

Мы приступили к волшебству.

В сцене «после любви» (любовь происходила за кадром) героиня спрашивает Евдокимова: «Ты меня любишь?» и получает холодный ответ: «Люблю». Я попросил Таню, чтобы после этих слов из глаз у нее выкатилась слезинка.

Татьяна Васильевна переделалась за ширмой в одну рубашонку и легла в постель. Около постели стоял Александр Лазарев. В рубашке, брюках и ботинках.

– Саша, ложись, – сказал я тихо.

– Татьяна Васильевна, подвиньтесь пожалуйста, – попросил он.

Доронина подвинулась.

Саша поднял край одеяла и хотел было лечь.

– Саша, ты забыл снять брюки, – прошептал я.

– Я брюки снимать не буду, – резко ответил он.

– Но ты в них ходишь по улице, едешь в метро, а здесь – чистейшая постель и Татьяна Васильевна в одной рубашке.

– Я снимать брюки не буду. Можете отстранить меня от картины.

– Но с тобой снято больше половины фильма!

Я понял, что дальнейший спор с Лазаревым выбьет Татьяну Васильевну из готовности прослезиться. И согласился с желанием Саши лечь в брюках (правда, он отказался даже снять башмаки).

Сыграли актеры прекрасно. Это одна из моих любимых сцен в фильме.

Вернемся в наш 2012 год . В марте по Первому каналу телевидения демонстрировался новый сериал «Краткий курс счастливой жизни» режиссера Гай-Германики. Это ее псевдоним, а вообще у нее простая русская фамилия. Так вот, этот фильм – об открытом сексе. Я был возмущен: как такой сериал мог попасть на первый государственный канал, который смотрят миллионы телезрителей?! Наконец, мы обогнали Америку... по сексу – ведь там подобные картины не могут быть показаны ни в кино, ни на одном из каналов ТВ. В некоторых европейских странах их можно увидеть в подвалах, кинотеатрах «нон-стоп», где разрешен показ порнофильмов. А у нас – на государственном канале, сразу миллионам зрителей России! Правы Никита Михалков и Николай Бурляев, выдвинувшие предложение об общественном контроле за российскими телеканалами. Он необходим!

Только что в Англии появилась картина о жизни Михаила Булгакова, в Америке – о Л.Н. Толстом, о его уходе из Ясной Поляны. Наши же теледеятели, за исключением канала «Культура», культурой не интересуются. Зато активно насаждают нам фильмы пошлые, с элементами открытого секса, снятые бездарными операторами. Великие операторы Эдуард Тиссэ, Андрей Москвин, Вадим Юсов, Вадим Алисов, знаменитые на весь мир, которыми гордится наше кино, – забыты.

Кто же на Первом канале отвечает за этот показ?! Чьему «выдающемуся» вкусу мы обязаны?! И еще. В одной из главных ролей в сериале снялась молодая, способная актриса – Светлана Ходченкова, ставшая известной благодаря замечательному фильму «Благословите женщину» режиссера Станислава Говорухина. Как она, умная женщина, могла согласиться на эту роль?! Неужели из-за бедности? Обидно.

На «Мосфильме» «Еще раз про любовь» приняли прекрасно. Я сдал картину Владимиру Баскакову. – Спасибо, – сказал он по окончании просмотра. И все.

Стоял ноябрь. В фабкоме студии продавались путевки в правительственный санаторий «Сочи» на побережье Черного моря. Я купил такую путевку. В Сочи – плюс двадцать пять, цветы, теплое море...

На следующий день после приезда ко мне в палату вошел директор санатория.

– Мы получили ваш фильм «Еще раз про любовь», который пока не вышел на экраны, и сегодня покажем его отдыхающим. Очень прошу вас его представить.

Я согласился.

Фильм прошел под бурные аплодисменты. Взволнованные зрители, восхищавшиеся игрой Татьяны Дорониной и Александра Лазарева, вручили мне большие букеты роз. Среди многочисленных вопросов был и такой:

– Что вы будете снимать дальше?

– Фильм «Посол Советского Союза» о соратнице В.И. Ленина Александре Михайловне Коллонтай, замечательном дипломате.

– А кто ее будет играть?

– Татьяна Васильевна Доронина, – ответил я.

На следующий день я отправился до завтрака купаться и вдруг на противоположной стороне дороги увидел идущего навстречу соратника Сталина, маршала Советского Союза, бывшего министра обороны и заместителя председателя Совета министров, а затем и председателя Николая Александровича Булганина, отдыхающего в санатории, а не на госдаче. Он был отправлен в опалу Никитой Хрущевым за попытку неудачного заговора против него, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова.

Все мы болели в то время портретной болезнью и вождей видели только на демонстрациях, издали, стоящими на трибуне Мавзолея В.И. Ленина. Разумеется, Булганин был в штатском костюме. Поравнявшись со мной, он вначале остановился, а затем перешел на мою сторону и, подойдя, протянул руку. Мы поздоровались. Я обомлел. Не мог поверить, что передо мной сам Булганин!

– Иду с процедуры. Вчера смотрел со всеми отдыхающими ваш фильм «Еще раз про любовь». Замечательная картина. Я вообще люблю фильмы о любви. Доронина прекрасна! Но талантливая Доронина не может играть Александру Михайловну Коллонтай. Она другой

формации, что ли... Много лет назад, еще будучи председателем Моссовета, я возглавлял правительственную делегацию в Стокгольм, в Швецию, на встречу с королем, где она была послом Советского Союза, и трижды с ней встречался. Она рассказывала мне о революции, о Ленине, и я, конечно, наблюдал за ней, ее манерой говорить, ее темпераментом и умом. Достаточно вспомнить историю, когда в годы репрессий Сталин вызвал в Москву, а затем расстрелял большинство советских послов. В том числе была вызвана и Александра Михайловна, но она в Москву не поехала, сославшись на болезнь, поэтому и осталась жива. Приходите ко мне сегодня после ужина в люкс, и я поделюсь с вами воспоминаниями о ней...

После ужина я к Булганину не пошел. Постеснялся.

На следующее утро, как говорится – на том же месте в тот же час, снова встретился с Николаем Александровичем. Увидев меня, он остановился и, разведя руки в стороны, вопросительно взглянул на меня. Я подошел к нему.

– Что случилось? Я вас ждал более часа! Что, роман? – доверительно спросил он. (Подумать только! Маршал Булганин ждал меня более часа!)

Юлия Борисова и Гунар Целинский в фильме «Посол Советского Союза»

– Да нет, просто я постеснялся вас потревожить. – Ну, вы как Сталин. Он тоже часто проявлял заботу, спрашивал меня, не устал ли я и когда собираюсь в отпуск? Отдыхать надо два раза в году – весной и осенью, напоминал он мне. Не пропустите, следите за здоровьем.

Вот каким Сталин был заботливым...

Да уж, известно много случаев «сталинской заботы» и «сталинского юмора».

Например, когда в первые дни войны из заключения был освобожден генерал Константин Рокоссовский, при встрече Сталин спросил его: «Где вы пропадаете, генерал?» – «Сижу в тюрьме», – ответил Константин Константинович. «Нашел время сидеть!» Мерзкие шуточки. Возможно, не расстреляй он маршалов, сказал бы им потом то же самое... Или еще история. Трижды встречаясь с министром судостроения Носенко, Сталин каждый раз его спрашивал: «Тебя не расстреляли?» Бедный Носенко ждал арестов, но они так и не последовали...

– Сегодня я вас жду вновь. Я же это делаю для вашей новой картины «Посол Советского Союза». Может быть, мои воспоминания помогут вам создать образ Коллонтай.

На этот раз после ужина мы встретились и пошли гулять по огромному цветущему саду санатория. Нас сопровождал его адъютант – генерал, он шел позади. На следующих встречах его уже не было, и мы беседовали наедине.

Наши разговоры с Николаем Александровичем начались не с воспоминаний о Коллонтай, а с его исповеди о разводе с молодой женой, певицей Большого театра, известной виртуозным исполнением «Соловья» композитора Алябьева. Их знакомство произошло в Индии. Булганин был там с правительственным визитом в составе делегации, возглавляемой Хрущевым. Министерство культуры СССР на эту встречу направило группу артистов Большого театра, в том числе и эту певицу. Николай Александрович, увидев ее на концерте в Дели, влюбился, по прилете в Москву развелся с женой и тут же женился на ней. Прожили они более двух лет. И вот незадолго до отъезда в Сочи она от него ушла. Мне показалось, что Николай Александрович переживал это сильнее, чем отправку в опалу вместе с соратниками Сталина и исключение из партии.

Мы встречались с ним почти каждый день в течение двух недель. Я с большим интересом слушал его воспоминания о Коллонтай, которые помогли мне и выдающейся актрисе Юлии Константиновне Борисовой создать образ героини в фильме «Посол Советского Союза».

Однажды после ряда встреч я осмелел и спросил Николая Александровича, как он относится к сталинским репрессиям, к гибели Мейерхольда, Мандельштама, Бабея, Михоэlsa, Кольцова, к аресту и ссылке в Казахстан жены Молотова, второго человека в государстве – Полины Жемчужиной? Борьбе с безродными космополитами и расстрелом Еврейского антифашистского комитета. После паузы Николай Александрович ответил:

– Я вместе с дочерью Иосифа Виссарионовича Светланой был возле Сталина в его последние минуты жизни. Дежурил как член Политбюро. При мне остановилось его дыхание...

И после молчания снова стал вспоминать об Александре Михайловне Коллонтай. Больше к этой теме во время наших встреч я не возвращался.

Николай Александрович присутствовал на праздновании годовщины Великой Октябрьской революции 7 ноября 1968 года в большом зале санатория. Со звездой Героя Социалистического Труда на лацкане пиджака он просто сидел и наблюдал за происходящим и не танцевал, несмотря на приглашения дам.

Для меня стало неожиданностью, когда однажды он появился под навесом на пляже с пиджаком в руках и, сев на скамеечку, чего-то ожидал, не замечая меня. Скамейка была расположена у выложенных камней, покрытых белой краской, изображающих барельеф лица В.И. Ленина в профиль. Через несколько минут к нему, застегивая на ходу ситцевый халатик, прибежала молодая милая женщина, села с ним рядом. Видимо, новая знакомая из числа отдыхающих.

Срок его путевки подходил к концу. Через две недели мы расстались. Он должен был улететь в Москву и на прощание оставил мне номер телефона своей квартиры на Фрунзенской набережной. Однако на утро я вновь увидел его в санатории.

– Плохая погода. Москва не принимает. Звоните. Буду рад с вами встретиться. Мне с

вами было интересно. Вы хороший слушатель. Желаю успеха в съемках «Посла».

Так он возвращался из аэропорта дважды, и мы продолжали встречаться.

Я его поблагодарил за беседы и рассказы не только о Коллонтай, но и о Сталине во время войны, о маршале Жукове при обороне Москвы и разгроме немцев под Москвой. Было необычайно познавательно узнать об этой великой победе из уст соратника Жукова. Больше с Николаем Александровичем я не увиделся, но встречи с ним и его исповедь запомнил навсегда.

Картина «Еще раз про любовь» имела в нашей стране ошеломляющий успех. Зрители ломались в кинотеатры. Спекулянты перепродавали билеты. Татьяна Дорониная утвердилась в «звании» звезды советского кино, кумира зрителей, особенно молодежи. Многие смотрели наш фильм по несколько раз, надеясь, что стюардесса Наташа выживет после аварии самолета... А я вспоминал, как опытные кинематографисты на принятии кинопроб Дорониной на «Старшую сестру» говорили: «Этой девушке кино противопоказано». Режиссер должен верить только себе, не обращать внимания на критиков и киноведов, да и на своих коллег режиссеров. В этом я убедился и на фильме Андрея Тарковского «Иваново детство» с талантливым Николаем Бурляевым, ставшим впоследствии замечательным актером, организатором и президентом фестиваля «Золотой витязь» и выдающимся деятелем русской культуры.

Фильм «Еще раз про любовь» был удостоен высокой премии на международном кинофестивале в Колумбии, в городе Картахена.

Более чем через месяц после этого фестиваля меня вызвал к себе Романов:

– Георгий Григорьевич, я ведь запретил вам снимать эту картину! Как же вы осмелились? Виноват Баскаков. Он получил выговор. – Но после паузы улыбнулся и показал на серебряную вазу почти в метр высотой, стоявшую у него на столе. На ней была золотая пластина с выгравированной по-испански надписью: «Георгию Натансону – за мастерство режиссуры и высокие моральные качества, а также яркие актерские достижения героев фильма» (актеров Дорониной и Лазарева). Это был приз с Колумбийского кинофестиваля.

Кадр из фильма «Еще раз про любовь»

– Я представляю, какие там были картины, – усмехнулся он, – если ваша оказалась

самой высокоморальной, – и передал на карточке напечатанный по-русски текст перевода с золотой пластинки. Вазу оставили для музея в Госкино. Разумеется, встреча с Романовым была для меня неожиданной. А произошло вот что.

В Колумбию на международный фестиваль, в котором Советский Союз принимал участие впервые, Госкино направило на конкурс картину (не помню ее названия), разумеется, утвержденную Романовым, и десять фильмов для продажи в прокат. Сопровождали фильмы два работника отдела внешних сношений Госкино. Жюри фестиваля конкурсный фильм не понравился, и они обратились к двум представителям Госкино с просьбой показать привезенные фильмы. Увидев «Еще раз про любовь», предложили этой картиной заменить представленную. Представители Госкино необыкновенно взволновались, зная отношение Романова к моей работе, пытались дозвониться Алексею Владимировичу в Москву через Америку и Мексику, но не удалось. В то время мобильных телефонов еще не было. Тогда один из представителей Госкино решил показать наш фильм послу Советского Союза в Колумбии. Посол пришел от него в восторг:

– Выставляйте «Еще раз про любовь» на конкурс под мою ответственность.

Жюри и гости фестиваля приняли картину «на ура», и мы получили Гран-при.

Счастливая случайность.

Какая радость, что фильм ежегодно показывают по каналам Центрального телевидения, особенно по «Культуре».

В феврале **2003 года** в Доме Хонжонкова прошел третий ежегодный фестиваль – смотр российских фильмов о любви «Любить по-русски». Мне за фильм «Еще раз про любовь» был вручен приз «Большая золотая подкова» – в номинации «За выдающиеся произведения о любви и вклад в киноискусство». Такую же «Золотую подкову» получили Татьяна Доронина и Александр Лазарев. Наша работа прославилась как лучшая картина о любви.

Мне в жизни посчастливилось общаться с большим количеством интересных, одаренных и замечательных людей. Обо всех рассказать невозможно. Поделюсь с некоторыми воспоминаниями.

Глава 12 Встреча с Сарой Монтель – королевой Шантеклера

Как-то мне позвонили из Отдела внешних сношений Госкино и обратились с просьбой встретить на «Мосфильме» испанскую кинозвезду Сару Монтель, прилетевшую в Москву на несколько часов.

– Покажите ей студию и отрывок из «Старшей сестры», где Доронина поет «Калитку» и танцует.

– Я ее прославленного фильма «Королева Шантеклера» не видел, – ответил я.

– Ничего. Ей важно посмотреть «Мосфильм».

Уговорили.

За время, оставшееся до приезда Сары, я подготовил эпизоды в просмотровом зале. Вскоре к дверям «Мосфильма» подъехала машина. Из нее вышли Сара и переводчица. Я протянул актрисе руку, а она обняла меня и поцеловала в щеку. Я обалдел. Передо мной была потрясающая красавица, прославленная мировая звезда. Наше путешествие по «Мосфильму» началось с павильонов. Везде шли съемки. Сара с любопытством наблюдала за работой актеров, скромно, шепотом что-то спрашивала на ухо у переводчицы, та ей тоже на ухо отвечала. Затем мы прошли в просмотровый зал. На экране возникли эпизоды с Татьяной Дорониной, где она перед Жаровым и Куравлевым пела «Калитку», а потом танцевала со стулом. Зажгли свет.

Сара Монтель в фильме «Королева Шантеклера»

– Bravo! Bravo! – захлопала в ладоши Сара. Она была в восторге. – Эта молодая актриса очень талантлива! Кто она? Она так очаровательна! Ваша студия колоссальна! Это московский Голливуд. В Мадриде студия маленькая. К сожалению, русские картины в Испании не идут, – сокрушалась Сара. С «Мосфильма» мы поехали на Ленинские горы (сейчас им возвратили прежнее название – Воробьевы), и с обзорной площадки она осмотрела панораму Москвы и восхищалась городом, Москвой-рекой. Затем отправились на Красную площадь. В это время били куранты. Сара с восхищением прошлась по брусчатке.

На площади гуляло много народа. От Красной площади пешком дошли до гостиницы «Москва», где актриса остановилась, прилетев в Москву. После короткого отдыха Сары мы все направились в ресторан, находившийся чуть не на последнем этаже гостиницы. Потрясающий вид, открывшийся на Красную и Манежную площади, вызвал у нее восторг.

– Колоссально! Грандиозно! – восклицала она.

После обеда мы провожали ее в аэропорт Шереметьево. Опять объятия, поцелуи... уже дружеские.

– Приезжайте, Георгий, в Мадрид. У меня там свой театр. Он всегда заполнен. Меня в Испании очень любят...

Я поблагодарил Сару за приглашение. Но сказал, что мне вряд ли удастся посетить Испанию в ближайшее время.

– Я вас жду. – Это были ее последние слова перед посадкой в самолет. Мы на прощание вновь расцеловались.

Через три года я участвовал в круизе кинематографистов по Европе. Прибыли в Испанию, в Барселону, которая произвела на меня необычайное впечатление. Посетили в горах храм с единственной в мире черной Мадонной, необыкновенный бульвар с ларьками, где продавались птицы и всякая еда, Толедо с выставкой Эль Греко, добрались до Мадрида с памятником Дон Кихоту и Санчо Панса. На следующий день я на такси отправился в театр Сары.

Зайдя в актерский подъезд, я протянул дежурной мою фотографию с Сарой, сделанную мосфильмовским фотографом, и по-русски попросил ее позвать. Дама все поняла, взяла фотографию и побежала по лестнице вверх. Через некоторое время появилась Сара с воплем: «Синьор Георгий! Синьор Георгий!» Подлетев ко мне, она обняла меня и целовала, целовала, целовала. Она была в одном халате – стоял жаркий вечер, и я чувствовал ее тело, грудь. Никогда у меня не возникало таких поцелуев ни с Татьяной Дорониной, ни с Юлией Борисовой, ни с Элиной Быстрицкой, ни с Натальей Теняковой, ни с Ниной Руслановой, ни с

Зинаидой Кириенко... Я не влюблялся в своих актрис как в женщин, а любил их как исполнительниц главных ролей, своих героинь.

Сара дала какое-то указание сотруднице, и та отвела меня в зрительный зал, посадила в ложу. В ней я был один. Через некоторое время, когда свободных мест не осталось, прожекторы осветили сцену. Из-за занавеса вышла Сара. Ее встретили жаркими аплодисментами. После нескольких ее слов весь зал неожиданно встал и, повернувшись к ложе, где я сидел, горячо зааплодировал.

Ее выступление состояло в основном из песен и танцев. На сцене она была с небольшим ансамблем, с которым в финале исполнила песни из кинофильма «Королева Шантеклера». Каждый ее выход сопровождался рукоплесканиями публики, по окончании концерта переросшими в бурные овации. Разумеется, я также аплодировал Саре. И вдруг она вновь принялась хлопать мне, ее примеру последовали все актеры и зрители.

Неожиданно ко мне подошла знакомая служащая из актерского подъезда и показала бумажку, на которой была написана цифра «4» и по-латински слово «отель». Я назвал свою гостиницу. На следующий день в четыре часа Сара заехала за мной и повезла в дорогой ресторан на обед. На этот раз я взял с собой переводчицу и, конечно, поинтересовался, что такое она сказала зрителям, что мне так аплодировали.

– Сказала, что вы выдающийся русский режиссер и что поставленный вами фильм «Старшая сестра» – мировой шедевр.

Глава 13 Мечта о бриллиантах Марины Ладыниной и другие истории

Дом кинематографистов на Икше

У меня никогда не было дачи – не заработал, хотя мечтал о ней много лет. И вдруг узнал, что артисты Всеволод Санаев, Иннокентий Смоктуновский и режиссер Татьяна Лиознова получили разрешение правительства СССР построить на берегу Икшинского водохранилища Дом творчества кинематографистов – трехэтажный, состоящий из малогабаритных однокомнатных, двухкомнатных и трехкомнатных квартир. Меня записали на двухкомнатную. Строили двенадцать лет. За это время можно было выплатить стоимость квартиры. Я только что закончил фильм «Повторная свадьба», героиня которого работала санитарным врачом. Фильм показали главному санитарному врачу Москвы и Московской области. Им фильм понравился и удалось выхлопотать разрешение на постройку четвертого этажа дома. Ранее это было запрещено, так как дом стоял на берегу водохранилища, дающего питьевую воду для Москвы.

В доме поселились Николай Крючков, Иннокентий Смоктуновский, Эльдар Рязанов, актрисы Вера Марецкая, Алла Демидова, поэт Дербенев, писатель Валентин Черных – всех не перечислишь...

Я очень радовался встречам с Кешей Смоктуновским. Редко приезжая на отдых, он переодевался в рванье и проводил время на огороде, где сажал и поливал не овощи, а цветы. Мне казалось, что он счастлив в этой одежде, облепленной землей. Цветы росли и в ящике балкона его трехкомнатной квартиры на четвертом этаже.

Меня он всегда встречал с очаровательной, доброй улыбкой. Расспрашивал о житье-бытье, о творчестве и планах на будущее. Никогда не строил из себя великого артиста. Мне казалось, что наши встречи тоже доставляли ему удовольствие, и он радовался им.

Как же обидно, что мы не пересеклись с ним в работе.

Мечта о бриллиантах Марины Ладыниной

На картине «В шесть часов вечера после войны» во время перерыва Марина Алексеевна Ладынина мне рассказывала: «Вчера с Иваном Пырьевым были на приеме в Кремле, где я увидела посла Соединенных Штатов Америки Авриела Гаримана и его дочку в скромном ситцевом платице, но с шестью пуговицами из... бриллиантов. Так и хотелось их откусить...»

Татьяна Окуневская

С Татьяной Окуневской я познакомился в 2000 году. Это была первая и единственная наша встреча. Меня как ветерана пригласили с супругой встретить Новый год на бывшую дачу Сталина в Сочи – «Зеленую рощу» (теперь это санаторий для богатых людей).

Татьяна Окуневская – легендарная женщина. В нее влюблялись все мужчины, с которыми она встречалась. Писатели Борис Горбатов и Константин Симонов. И даже маршал Иосиф Броз Тито. В свое время ходили слухи о том, что ее изнасиловал Лаврентий Берия. Она снималась у Ромма в «Пышке», в «Горячих денечках» Зархи и Хейфица и в других картинах. Ее последняя работа в кино – роль бабушки в сериале Митты «Граница. Таежный роман».

Татьяна жила в номере напротив нашего, но увиделся я с ней только на самом праздновании Нового года. За столом мы сидели опять же друг против друга. Когда стали провожать старый год, Татьяна вдруг спросила:

– Который час?

– Без пяти двенадцать, – ответили ей.

– Ой, я опаздываю! Налейте водки! – Взяла рюмку и быстро ушла.

Все за столом опешили. Никто ничего не понял... Минут через десять она вернулась и сказала:

– Я неудачно встретила Новый год. Все ноги исколола.

Мы удивились:

– А где вы были?

– Я была на улице. Я всегда Новый год встречаю на улице. А здесь попала в аллею роз и исколола ноги.

Я понял: Татьяна Окуневская – очень неординарная личность с интересным мышлением.

Иван Козловский

Дом кино (нынешний театр «Ромэн», бывший ресторан «Яр»). На одном из просмотров нового фильма зал был переполнен. Единственное свободное кресло – около меня. Пришел Козловский, сел на это место. И вдруг начал как-то странно ерзать. Потом спросил меня тихо (ни имени, ни отчества моего он, естественно, не знал):

– Нет ли у вас бумажки?

Я, так же тихо:

– Много?

– Да нет, небольшой кусочек.

У меня был блокнот, я вырвал оттуда лист:

– Наверное, такого не хватит?

– Хватит, спасибо.

Взял листок, оторвал кусочек, плюнул на него, повернулся и заклеил номер своего кресла – там стояла цифра «13».

Я – Луи де Фюнес

Берлин. Кинофестиваль, в котором участвует и советская делегация. По каким-то причинам я опаздываю на два дня. Самолет прилетает поздно вечером. Меня встречают немцы, сажают в машину, радостно улыбаются, что-то говорят... Я, естественно, ничего не понимаю, только «данке-данке», «битте-битте». Привозят в гостиницу. Сразу вручают ключ и провожают в номер. Вхожу и вижу апартаменты из трех комнат! Цветы, корзины с фруктами! Я так обрадовался:

– Ой, данке, данке!

Я и де Фюнес – шуточная композиция

Где-то в семь часов утра – стук в дверь. Открываю. Стоит женщина из нашей делегации: – Георгий Григорьевич, произошла ошибка. Вас приняли за Луи де Фюнеса. Вам надо срочно собрать вещи и перейти в другой номер.

И меня перевели в простой однокомнатный номер, без цветов и фруктов.

Валентина Серова С Валентиной Серовой мы встретились случайно. Ехали вдвоем в одном купе на кинофестиваль, который проходил в Воронеже. Вообще-то наша встреча должна была состояться раньше. Когда я работал на Алма-Атинской киностудии, заместитель директора Игорь Черняк как-то раз попросил меня сопроводить Валентину из Алма-Аты в Ташкент. Она в тот момент была замужем за Симоновым, и он не хотел отпускать ее одну, поэтому попросил, чтобы кто-нибудь из надежных людей поехал с ней.

Но моя жена (мы только что поженились), узнав об этом, устроила мне скандал:

– Что? С Серовой?! Ни в коем случае!

Тогда ведь Серова была еще *той* Серовой. Красавицей, разбившей много мужских сердец.

Когда же мы все-таки встретились, я уже был известным режиссером. Мы как попутчики разговорились, и неожиданно она стала мне «исповедоваться». Валентина пребывала тогда, что называется, в печали. Остались в прошлом знаменитые романы, которые обсуждала вся страна.

– Я любила Рокоссовского, и он меня безумно любил, – говорила она. – Я любила Симонова... А он меня предал.

Валя в ту пору работала в Театре киноактера, играла мало и страшно пила. Ничего радостного в нашем разговоре не было. Она жаловалась на то, что любовь ушла, мужчин нет...

– Как вы преданно снимали одну актрису – Доронину. Я вам желаю, чтобы вы продолжили с ней работать. Она мне нравится, она очень способная. Не бросайте ее, как меня бросили мужчины, как меня бросили режиссеры...

Осадок горечи от этой встречи остался у меня на всю жизнь.

Жди меня, и я вернусь
Только очень жди,
Жди, когда наведет грусть,
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.

Цитировать эти стихи без волнения невозможно, к сожалению, сегодняшнее поколение этих пронзительных стихов не знает. Нет ни подобных стихов, ни мелодичных песен, которые бы распевала вся страна, только сплошные бум, бум, бам, бам... «Повторная свадьба» с Андреем Мироновым и Людмилой Макаровой По сценарию первого сценариста Советского Союза, Героя Социалистического Труда Евгения Габриловича я поставил фильм «Повторная свадьба» о коммунисте-карьеристе. В фильме снялись замечательные актеры – Андрей Миронов, Людмила Макарова – народная артистка СССР из Ленинградского БДТ, Леонид Куравлев, дипломница студии МХАТ Наталья Егорова (это был ее дебют в кино).

– Ты снял хороший, но слишком смелый фильм, – сказал директор «Мосфильма»

Николай Трофимович Сизов.

Картину резко осудил первый секретарь МК партии Гришин. Председатель Госкино Филипп Ермаш приказал Сизову уничтожить приемный акт фильма и допуск в прокат.

По сюжету некий ловелас (Андрей Миронов) приезжает из Одессы в Москву, соблазняет девушку (Наталья Егорова). Через некоторое время уезжает, пообещав вернуться и жениться. Но не возвращается, и тогда она сама едет к нему...

Андрей сразу согласился играть, так как после «Бриллиантовой руки» его завалили предложениями сниматься в комедиях, а он хотел чего-то другого, и роль драматическая ему понравилась.

Первые съемки в Одессе. Сцена, когда герой Миронова справляет повторную свадьбу со своей супругой (они были ранее женаты, потом развелись, а теперь снова женятся). Героиня Наташи приезжает в Одессу и едет к нему домой, где узнает, что он в портовом ресторане, где гуляют «молодожены». Заходит, просит вызвать его. Он спускается по лестнице и, увидев ее, столбенеет: «Зачем ты здесь?» Она отвечает: «Я не могу без тебя жить, я люблю тебя...»

Андрей Миронов в фильме «Повторная свадьба»

С Андреем Мироновым в Одессе на съемках картины «Повторная свадьба»

Я начал репетировать, но только с Наташей, так как Андрея еще нет – должен вот-вот прилететь (он был плотно занят в спектаклях, поэтому прилетал на съемки в определенные дни). Приехал Андрей, я их познакомил, спросил: – Тебе надо с Наташей порепетировать?

– Не надо, – ответил Андрей.

– Мне тоже! – отозвалась Наташа.

– Хорошо, давайте снимать.

Однако как только я скормандовал: «Внимание!», появилась огромная толпа. Это были туристы из пришвартованного парохода. Они приехали посмотреть красавицу Одессу, но узнав, что здесь снимается Миронов (!), ринулись смотреть на него. А у меня один милиционер. Я понял, что нам с такой толпой не справиться – затопчут. Прокричал в микрофон:

– Уважаемые товарищи! Здесь идет очень важная съемка. Драматичная сцена. Прошу вас, как только я скажу «Мотор», соблюдать полную тишину.

Все закивали: «Да, да, да».

Я сказал:

– Внимание! Приготовились! Мотор!

Вышел Андрюша, произнес свой текст, Наташа – свой. И вдруг она начала смеяться.

Репетиция фильма «Повторная свадьба»

– Стоп! Ты что? – Ой, Георгий Григорьевич, извините. Я увидела Миронова, вспомнила «Бриллиантовую руку», и мне стало смешно.

Я возмутился:

– Наташа, ну ты же актриса. Как можно? Давайте еще раз...

Повторяем. Опять Наташа смеется.

– Наташа, мы только начали работать. Я тебя сниму с роли, если ты снова не сыграешь сцену.

– Георгий Григорьевич, давайте так, – предложила Егорова. – Я отвернусь и пока рукой не махну, команду не давайте.

Минут двенадцать она стояла спиной ко всем. Потом махнула, я скомандовал: «Мотор!» Она обернулась – из ее глаз текли слезы. Андрей подошел к ней, и они чудно сыграли эпизод...

Постельная сцена с актрисой и красавицей Ириной Калиновской и Андреем Мироновым. Я предложил актерам порепетировать.

– Георгий Григорьевич, я немного в панике. Ну не умеем мы снимать постельные сцены! – заметил не без волнения Андрей Александрович.

– Умеем. Я уже снимал в «Еще раз про любовь»...

В общем, убедил его. Но Андрюша поразил меня своей скромностью. С виду бравый парень, покоритель женских сердец... вдруг проявил себя таким чистым человеком.

Стеснялся ложиться с актрисой в постель. Вспоминаю, как в современных фильмах бесстыдно молодые актрисы играют сцены совокуплений. Насколько изменилась нравственность!

...Как-то Андрей прилетел рано утром. И по его желанию (надоели рестораны) мы пошли с ним на знаменитый одесский базар Привоз, где можно было купить все. Сразу направились в молочный ряд за сметаной и творогом. Увидев аккуратненькую старушку, подошли. Стали пробовать творог – вкусный! Берем.

– Бабушка, нам полкило, – просит Андрей.

Бабуся стоит – не реагирует. Андрей говорит:

– Глухая. – И кричит: – Полкило творогу, бабушка!

Кадр из фильма «Повторная свадьба»

Никакой реакции. Что делать? Творог очень вкусный. Не хочется идти к другой продавщице. И вдруг бабуля: – Ты случайно не бриллиантовая рука?

– Не случайно, – смеется Андрюша.

– Какой же ты хороший! Какую ты мне честь делаешь, что у меня берешь творог! Я всем в деревне расскажу, что у меня покупала бриллиантовая рука! – запрочитала она. Деньги взять отказалась. И конечно, творогу положила больше, чем полкило, и мы его с удовольствием уплели в ресторане гостиницы.

Встреча с Михаилом Роммом Однажды я вышел со студии и направился к остановке, которая находится около «Мосфильма». Через проходную в этот момент выезжал Ромм – на малю-ю-юсенькой машине, «Опеле». А Ромм ведь был очень высокий, ноги длинные, как он туда помещался – непонятно. Увидев меня, он затормозил (лично мы не были знакомы, хотя встречались на различных собраниях).

– Вы куда едете? – спросил он меня.

– Домой.

– Я вас подвезу.

Я опешил. Сам Ромм меня подвезет! Я сел в этот крошечный автомобильчик («Ока» по

сравнению с ним – «Мерседес»), Ромм дал газ, повернулся ко мне и произнес восторженно:

– Не машина – птица!

«Аэлита, не приставай к мужчинам». Наталия Гундарева – героиня фильма. Встреча с Гафтом С Натальей Гундаревой мне довелось поработать на картине «Аэлита, не приставай к мужчинам». Расскажу, как это произошло.

Наталия Гундарева в фильме «Аэлита, не приставай к мужчинам»

В перерывах между съемками фильма «Валентин и Валентина» мы с Татьяной Васильевной Дорониной гуляли по зеленому садику «Мосфильма». И она мне сказала: – Георгий Григорьевич, вы видели спектакль, который идет в Театре эстрады, – «Аэлита, не приставай к мужчинам»?

– Нет, не видел.

– Это пьеса Радзинского, сходите, посмотрите, я там главную роль играю. Если вы захотите экранизировать ее, то я с радостью сыграю и в вашем фильме.

Спектакль мне понравился. От Дорониной был в восторге. Эдвард Радзинский с огромным удовольствием написал сценарий. Надо было начинать делать пробы, и я позвонил Татьяне Васильевне.

– Георгий Григорьевич, я не могу прийти на пробы в ближайший месяц.

– Почему?

– У нас во МХАТе сложности. – (Это был период «разделения» театра на МХАТ Олега

Ефремова и МХАТ Татьяны Дорониной. Ее труппа выбрала единогласно художественным руководителем.) – Я принимаю театр и пока не обоснуюсь – прийти не смогу. Прошу ваше начальство отложить запуск.

Проходит месяц, звоню Дорониной.

– Георгий Григорьевич, я не могу. Это очень сложно – начать формировать театр. Давайте подождем еще месяц...

С Валентином Гафтом на репетиции

Так прошло два месяца. Меня вызвали в дирекцию: – Или вы запускаетесь, или мы сворачиваем проект. Что вы на одной Дорониной зациклились?

Она моя любимая актриса! Выдающийся мастер! Под угрозой закрытия проекта я стал думать, кого можно позвать на эту роль. Вспомнил, что в Театре имени Маяковского видел хорошую, можно сказать, великолепную актрису – Наталью Гундареву. Позвонил ей, и она сразу согласилась. Мы начали съемки. Работать с Наташей оказалось труднее, чем с Дорониной. Гундарева невероятно талантлива и естественна, как кошка. Все достоверно играла. Но с большими капризами. Слишком вольная в своих суждениях, никого не боялась. Водила машину, опаздывала постоянно, хотя пробок тогда не было.

На репетиции фильма «Аэлита не приставай к мужчинам»

На этом фильме я встретился также со знаменитым ироничным и талантливым Валентином Гафтом и способным молодым Сашей Кузнецовым. Вера Марецкая Несколько слов о Вере Марецкой.

Алма-Ата. Замечательный режиссер Фридрих Эрмлер приступил к съемкам картины «Она защищает Родину». Шли пробы на главную роль. Я заглянул посмотреть. Выступала красивая актриса – читала монолог. Эрмлер ей сказал:

– Танечка, вот здесь должны появиться слезы.

Одна репетиция, вторая – слез нет. Он:

– Ничего. Грумер, подойдите с нашатырем...

В общем, дали ей понюхать нашатыря, и слезы из ее глаз, естественно, полились. А из-за кулис за этой сценой наблюдала Марецкая. Когда настала ее очередь пробоваться, она вошла в кадр, Эрмлер тоже сказал ей про слезы.

– Это очень сложно, – ответила Марецкая.

– Ничего, ничего, сейчас тебе поможет грумер.

Подошел грумер и поднес бутылочку ей к носу.

– А мне не сюда, – все замерли, – мне в подмышку.

Все засмеялись, поняли, что это шутка. Марецкая, конечно, сыграла замечательно безо всякого нашатыря и была утверждена на главную роль. И слезы появились вовремя.

* * *

Вспомнилось, как однажды в Париж прилетела советская делегация, чтобы оттуда по железной дороге ехать на знаменитый фестиваль в Канны (тяжелые самолеты Канны не принимали). К нам подошел седой импозантный человек и представился французским журналистом. Был он, разумеется, с переводчиком. Он интересовался нашей делегацией, но никто из актеров и режиссеров не был ему известен. Разговорились, а потом кто-то из делегации спросил:

– А у кого из звезд вы брали интервью?

– У всех, кто приезжал во Францию.

– А у Чаплина?

– И у Чаплина.

Мы все притихли, затем кто-то сказал:

– А о чем вы спросили Чаплина?

– Я попросил рассказать о самом интересном событии в его жизни.

– И что же он ответил?

– Ответил, что самым интересным событием в его жизни была случайность.

Я запомнил это на всю жизнь. Если бы не случайность – смелость Владимира Баскакова и посла Советского Союза в Колумбии – кто знает, какая судьба была бы у моего фильма. Спасибо им!

Глава 13 Встреча с Андреем Тарковским и Колей Бурляевым, Андроном и Никитой Михалковым. Фильм «Иваново детство»

Но вернемся к основным воспоминаниям.

Фильм «Иван» по сценарию писателя-фронтовика В. Богомолова и журналиста, критика М. Папавы снимал на «Мосфильме» молодой режиссер Э. Абалов, но худсовет, по просьбе Богомолова посмотрев отснятый материал, снял его с картины и предложил продолжить работу ряду режиссеров, в том числе и мне. Однако познакомившись с материалом, все отказались. В это время студент режиссерского факультета ВГИКа Андрей Тарковский закончил съемки дипломной короткометражки «Каток и скрипка». Директор студии Сурин по инициативе Михаила Ромма обратился к нему, и Тарковский согласился взяться за «Ивана».

Вдруг неожиданно меня снова вызвал Сурин:

– У меня к вам просьба. Вы опытный режиссер, работали с Пырьевым и Довженко, помогите Тарковскому создать хотя бы посредственную картину, чтобы Госкино принял ее и списал бы с «Мосфильма» стоимость производства.

Я отказался. Сурин, видимо, был к этому готов:

– Георгий Григорьевич, у меня семь лет лежит ваше заявление на квартиру. Вы живете в коммуналке, все в одной комнате. При принятии фильма я выделю вам нормальное жилье.

Так я познакомился с Андреем, который сразу прозвал меня «стариком». Я был старше его на десять лет. Оператором картины был Вадим Юсов, художником Евгений Черняев, композитором Слава Овчинников – замечательные мастера.

Колю Бурляева Андрею рекомендовал Андрей Кончаловский. Он у него успешно снялся в фильме «Мальчик и Голубь». Героиней стала Валентина Малявина, в то время студентка Школы-студии МХАТ, в которую сразу влюбились Тарковский и Кончаловский. В картине снимались Валентин Зублов, Иван Савкин, Евгений Жариков, Ирма Рауш – жена Тарковского и др.

Я помогал ему в подборе актеров. Обратился к замечательному украинскому актеру Гринько, но тот сразу же мое предложение отверг:

– Что я буду сниматься у какого-то студента после работы у Алова и Наумова в фильме «Мир Входящему»!

Пришлось ехать в Киев и уговаривать. Уговорил. Он сыграл одну из главных ролей в «Ивановом детстве» и подружился с Андреем Тарковским и стал его актером.

Снимали мы в Каневе, недалеко от памятника Тарасу Шевченко, на берегу Днепра, и на «Мосфильме». Как-то во время съемки на Днепре к берегу приплыла на лодке девушка в одном бикини. Все впились в нее взглядами, а Тарковский сказал мне:

– Старик, вы с Юсовым продолжайте съемки, а я пойду на переговоры.

И ушел.

Девушка приезжала потом почти каждый день... Любовь!

Андрей на съемках никакого гения из себя не строил, часто даже его охватывали сомнения.

При монтаже фильма, которому Тарковский дал название «Иваново детство», ему понадобились кадры хроники, где стреляет немецкая батарея. Я поехал в Красногорск в киноархив, принадлежавший тогда НКВД. Начальник архива, полковник, сообщил, что есть уникальные кадры, на них – Гитлер, валяющийся на улице около разгромленной Рейхсканцелярии (там трижды проклятый фюрер строил планы по завоеванию Европы и оттачивал план «Барбаросса» – поход на Россию), полусожженный труп Геббельса и умерщвленные им 1 мая 1945 года пятеро его дочерей, лежащие в белых платяницах, и жена, а также виды побежденного Берлина со множеством белых простыней, вывешенных в окнах домов. И везде: «Гитлер капут! Гитлер капут!» – на фоне надписей «Мы не капитулируем».

Они произвели на меня грандиозное впечатление. Привез Андрею кадры стреляющей на фронте немецкой батареи, рассказал об увиденном и предложил ему вставить это в фильм.

– Не наша тема, – сказал Андрей, – да и в сценарии об этом нет речи.

Я вновь поехал в Красногорск и снял копии с этого материала. Андрей, посмотрев, решения не изменил, но я продолжал убеждать. Говорил, что это месть за смерть матери Ивана, за смерть миллионов детей России и миллионов детей еврейской национальности Европы, вместе с родителями погибших в газовых камерах, концлагерях Освенцима, Майданека, в Бабьем Яре в Киеве и во всех городах, оккупированных немцами Европы, России и Украины.

Наконец Андрей сдался и вставил эти эпизоды в монтаж. Через несколько дней, посмотрев фильм, Андрон Кончаловский спросил Тарковского:

– А это что за кадры?

– Это я вставил по предложению Натансона.

– Они чужеродны фильму, убери их немедленно.

Этих слов Андрона было достаточно, чтобы Андрей оставил их навсегда. Потом критики и киноведы писали, какой гениальный Тарковский, что включил в фильм эту хронику – кадры мщения за злодеяния фашистских главарей и их подручных.

Кстати, через некоторое время после победы я был в Берлине вместе с Романом Карменом, который снимал послевоенный Берлин. И был страшно удивлен виду немцев. Ни одного белокудрого не встретил, маленькие ростом, некрасивые. Ни одной красивой женщины на улице. Таких красавиц, которые ходят в Москве на Тверской, в Берлине просто увидеть невозможно. Где же гитлеровские арийцы?

Увидел разрушенный Рейхстаг с фамилиями на колоннах воинов-победителей. Очень сожалел, что союзники разрешили впоследствии немцам отремонтировать здание рейхстага. Конечно, надо было его оставить навсегда разрушенным, как памятник войны, развязанной Германией. Ведь при взятии Рейхстага и водружении на нем красного знамени победы погибли тысячи наших солдат и офицеров.

В наше время в Германии вновь издаются книги Гитлера «Майн Камф». Существуют и нацистские организации. Публикуется предсмертный призыв Гитлера уничтожить евреев. Я не пророк, но не исключено, что проигравшие войну немцы снова сплотятся под руководством нового фюрера, потребуют от России вернуть Восточную Пруссию с городом Кенигсберг – сегодняшней Калининград и Калининградскую область, и найдутся русские мюнхевцы, которые во избежании войны пойдут на такой шаг. Ведь среди жителей

Калининграда и чиновников города сегодня раздаются предложения переименовать Калининград в Кенигсберг и вернуть Восточную Пруссию немцам. А затем немцы ринутся на Россию, в которой существуют русские фашисты и националисты – 5-я колония (такого не было в России в 1941–1945 годы), они помогут.

«Люди, будьте бдительные», – завещал Фучек. Его призыв забыть – смерти подобно.

В работе над «Ивановым детством» я познакомился с чрезвычайно талантливым Николаем Бурляевым, исполнителем роли Ивана. Он стал моим другом навсегда (Коля Бурляев даже вне съемок всегда был серьезен, словно жил образом Ивана). Общались мы и с Андроном Михалковым-Кончаловским, который вместе с Тарковским участвовал в переделке сценария. На съемки приходил и юный Никита Михалков (ставший со временем замечательным актером, режиссером и авторитетным государственным деятелем). Он с трепетным интересом наблюдал за работой Андрея и безропотно выполнял поручения: бегал за сигаретами, минеральной водой. «В «Ивановом детстве», – писал Андрей Тарковский, – я пытался анализировать состояние человека, на которого воздействует война. Если человек разрушается, то происходит нарушение логического развития, особенно когда касается психики ребенка... Он (герой фильма) сразу представляется мне как характер разрушенный, сдвинутый войной со своей нормальной оси. Бесконечно много, более того – все, что свойственно возрасту Ивана, безвозвратно ушло из его жизни. А за счет всего потерянного приобретенное, как злой дар войны, сконцентрировалось в нем и напряглось».

Фильм был запущен 1 августа 1961 года и снят за пять месяцев с экономией. В июне 1962 г. выпущен на экраны с присвоением первой категории.

«Иваново детство» на первом просмотре в Доме Советской армии было разгромлено. На этой встрече с деятелями армии присутствовали только Андрей и я.

– Неужели мы сделали такую плохую картину? – озабоченно спросил у меня Андрей.

– Картину ты создал замечательную, – с полной уверенностью ответил я.

Поехали ко мне домой на обед. Мария Михайловна угостила нас только что приготовленными вкуснейшими фрикадельками. Андрей с аппетитом их уплетал и, кажется, немного отошел от неблагоприятного просмотра.

Руководство Госкино послало фильм на Венецианский фестиваль, где он получил Гран-при – «Золотого льва», став сенсацией фестиваля. И началось триумфальное шествие картины по миру. В Венеции были Андрей Тарковский и Андрей Кончаловский. После решения жюри Тарковский кричал: «Победа! Победа!!!»

«Открытие первых фильмов Тарковского было для меня чудом. Я вдруг очутился перед дверью в комнату, от которой до сих пор я не имел ключа, комнату, в которую я лишь мечтал проникнуть, а он двигался там совершенно легко. Я почувствовал поддержку, поощрение: кто-то уже смог выразить то, о чем я всегда мечтал говорить, но не знал как. Тарковский для меня самый великий, ибо он принес в кино новый, особый язык, который позволяет ему схватывать жизнь как видимость, как сновидение», – так об Андрее написал выдающийся режиссер Ингмар Бергман.

Глава 14 «Посол Советского Союза» с Юлей Борисовой и Анатолием Кторовым Встреча с женой маршала Жукова Галиной Александровной

В 1970 году, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, мне поручили снять фильм «Посол Советского Союза» (я уже упоминал о нем) о соратнице Ильича Александре Михайловне Коллонтай. На главную роль я пригласил прекрасную актрису театра им. Вахтангова Юлию Константиновну Борисову. Она сразу отказалась:

– Я театральная актриса.

Пришлось ее долго уговаривать. Дал ей все собранные мной книги о Коллонтай. Она согласилась на пробы. В этом мне помог ее муж – директор театра Вахтангова Исаак Исаевич Спектор.

Ю. Борисова в фильме «Посол Советского Союза»

– Только никому не показывайте пробы. Сами решим, с вами. Посмотрев пробы, Борисова дала добро.

Работа над картиной шла с увлечением и радостно.

Актеры Кторов, Борисова и латыш Целинский украсили фильм.

Натуру я снимал в Стокгольме, в Швеции. На второй день пошел в центр и оказался возле большого универмага. Вижу – огромный портрет Ленина в рост и надпись под портретом. Переводчик прочел: «Вождь русских большевиков Владимир Ленин купил у нас костюм, пальто и шляпу и уехал в Петроград делать революцию. Покупайте в нашем магазине!»

Я был свидетелем, как в гостиницу, в которой жила наша съемочная группа, прибыл на совещание премьер-министр Швеции на... велосипеде без охраны. Полицейские отдали ему честь. Поставив велосипед у входа, он вошел в отель...

Наш отважный и замечательный оператор Владимир Николаев, забравшись без разрешения в помещение охраны дворца короля, снимал из окна второго этажа ежедневный парад войск на площади, за которым наблюдала толпа туристов...

Рабочий момент фильма «Посол Советского Союза»

На большой доске в центре города можно было писать любые лозунги против короля, против правительства и премьер-министра, а также требования к ним. Несколько кусков мела лежали к услугам всех желающих. Полиция за подписантами не следила... За номер в гостинице, где я проживал, брали большую плату, чем за другие такие же номера, так как мой номер находился на солнечной стороне... Не поняв счета гостиницы, меня подозревали при отчете в Госкино, что я пользовался какими-то особыми услугами, и требовали возместить «убытки», но потом разобрались и счет приняли.

После сдачи фильма «Посол Советского Союза» Романову Алексей Владимирович поздравил меня с хорошей картиной. А редакторы Госкино, заполнившие кинозал, по окончании фильма аплодировали мне.

– Мы вам за фильм выплатим гонорар по высшей категории. Но у меня к вам просьба: поезжайте срочно на «Мосфильм» и вырежьте финал – документальные кадры Парада Победы на Красной площади в 1945 году, который принимал маршал Жуков. Жуков – бонапартист! Он готовил военное свержение советского правительства, и его не должно быть в картине. – (Жуков в то время все еще был в опале.)

– Жуков – великий полководец, победитель фашизма, любимец народа, – ответил я. – Я этого не сделаю.

– Это все слова, Георгий Григорьевич. А я ваш фильм не принимаю, – сказал Романов, покраснев.

Мы расстались не попрощавшись.

Неожиданно, больше чем через месяц, – звонок из Госкино. Секретарь Романова вызвал меня к председателю. Алексей Владимирович необыкновенно тепло встретил меня в дверях своего кабинета.

– Поздравляю! Парад Победы в ЦК разрешили оставить в вашем фильме! А вас с картиной «Посол Советского Союза» я направляю на международный кинофестиваль в Италию, на Капри.

Я попросил у Романова разрешения взять с собой мою жену Машеньку – она никогда не была в Италии.

– Пожалуйста, но только ей вы должны оплатить и перелет, и пребывание. Но вы теперь человек богатый – получите, как и обещал, гонорар по высшей категории (на эти деньги можно было купить «Волгу», за которой в Союзе кинематографистов требовалось простоять в очереди более... десяти лет).

Андрей Тарковский, Люся Гурченко, Василий Шукшин с женой Лидой, Марлен Хуциев, я с Мирушкой и другие кинематографисты полетели в Италию. Из аэропорта Рима на автобусе по трассе «Солнечный луч» – на Капри. Как только двинулись, водитель сразу же запел итальянские песни. В ответ Люся Гурченко – наши русские. Мы подпевали. Так с песнями и добрались до Капри.

Кадр из фильма «Посол Советского Союза»

Капри – это как Крым. Высокие скалы, кипарисы, море. Нас всех поместили в уютной гостинице. На одной из улиц – стела с изображением головы В.И. Ленина. Общеизвестно, что Ленин и Луначарский жили на Капри, встречались с А.М. Горьким, который там обосновался на несколько лет. Многим знакома фотография – Ленин играет в шахматы с Богдановым, за игрой наблюдает Максим Горький. На следующий день ко мне подошла кинооператор «Мосфильма» Маргарита Пилихина, родственница маршала Жукова, дочь его двоюродного брата.

– Георгий Григорьевич, с вами хочет познакомиться одна очень интересная женщина.

– Я здесь с Машей, мне будет перед ней неловко, но ты издали покажи мне ее.

Маргоша от души рассмеялась.

– Здесь совсем другое. С вами хочет познакомиться жена маршала Жукова – она присутствует на фестивале.

– Для меня это неожиданная, большая радость и удивление, – ответил я. Через некоторое время Маргоша подвела ко мне очаровательную женщину. Она протянула мне руку и представилась:
– Галина Александровна. У меня есть поручение от Георгия Константиновича: если я встречу вас на фестивале, передать от него благодарность.

Юлия Борисова, я и Гуннар Целинский на съемках «Посол Советского Союза»
– За что? Я не служил в армии маршала. – За фильм «Посол Советского Союза». Мы перед моим отъездом смотрели его с Георгием Константиновичем на даче. Георгий Константинович по окончании фильма сказал: «Не забыла меня еще Россия! Передай этому режиссеру, если он будет на фестивале, мою благодарность за включение в фильм Парада Победы, за смелость и принципиальность! Ведь парад столько лет не показывали в кино, что народ о Параде Победы на Красной площади да и обо мне забыл».

Я был ошеломлен и, конечно, в свою очередь просил Галину Александровну поблагодарить Георгия Константиновича за его высокие слова, которые сохранию в памяти на всю жизнь.

– Где вы сидите в ресторане гостиницы? У нас с Маргошей два свободных места за столиком на четверых, переходите к нам, – пригласила Галина Александровна. Так мы соседствовали весь фестиваль.

В один из фестивальных дней наша делегация поехала на экскурсию в Помпею. Проходя по улицам этого города, разрушенного лавой вулкана, и налюбовавшись уцелевшими в домах картинами, мы присели на обед на камни разрушенного дома, в гостинице нам дали сухой паек. И оказались с женой Мирушкой рядом с Василием Шукшиным и его женой Лидой. Неожиданно Василий Макарович обратился ко мне:

– Вашу картину «Белая акация» смотрел. Картина неплохая. Но я героя сыграл бы лучше!

Мне пришлось признаться, что красота не всегда спасает и я в своем герое ошибся.

Актер был красив, но мастерства посредственного.

– Жаль, что не сыграл в вашем фильме, – сказал он. – Оперетта – жанр веселый.

– Ну что ж, давайте подумаем, какую оперетту еще экранизировать, – ответил я. – И вы сыграете главную роль! Вот будет сенсация!

Как-то раз на Капри, идя с Мирушкой в гостиницу, я увидел лежащие на асфальтированной дорожке часы. Я их поднял. Это были часы марки «Мозер»... все в бриллиантах.

– Отнеси портье, – сказала Мирушка. – Это, наверное, кто-то из проживающих потерял.

Я решил рассказать портье о находке, но часы не отдавать, просто указал свой номер в гостинице. Шли дни, а за часами так никто ко мне и не обратился. Как-то за обедом я поделился этой историей с Галиной Александровной.

– Покажите их, это очень интересно!

Я побежал в номер и принес часы.

– Да, они дорогие. Видимо, их потеряли какие-то буржуи. Не отдавайте.

Пришло время отъезда, часы никто не востребовал, но они мнегодились в «простойные годы», когда я ничего не снимал и, разумеется, никакой зарплаты не получал, как и все режиссеры, находящиеся в подобной ситуации.

В такие трудные времена я прибегал к ломбардам, они меня выручали. Часы понес в знакомый мне известный ломбард в переулке Старого Арбата. Заняв очередь, идущую медленно, встал за группой цыган, сдававших в залог ковры и золото. Подойдя к окошку приема, передал часы девушке, которая, посмотрев на них, решила, видимо, посоветоваться и, закрыв окошко, ушла. Почти полчаса ее не было, я уже стал волноваться. Наконец, открыв

окошко, она спросила:

– Сколько вы хотите получить в залог?

– Пятьсот рублей. – Это была самая большая сумма залога, которую платил ломбард за самые ценные вещи.

– Мы их тщательно исследовали. Это не бриллианты, а очень хорошая подделка. Но все-таки это «Мозер», и мы решили дать вам триста рублей.

Мне ничего не оставалось, как согласиться на эту сумму. В доме денег не было. Позже я сделал документальную картину «Поет Елена Образцова» – о выдающейся певице нашего времени, получил деньги и выкупил эти часы. По сей день они хранятся у меня как память о фестивале и о встречах с очаровательной Галиной Александровной Жуковой...

Но вернемся на Капри.

За несколько дней до окончания фестиваля Галина Александровна предложила мне, Машеньке и Маргоше пойти в город и купить подарок Георгию Константиновичу. Мы вошли в шикарный магазин мужской одежды. Галину Александровну привлек стенд с костюмами. Она даже один из них огладила – красивый, темно-синий. Дорогой. Затем мы отправились в писчебумажный магазин. На прилавке лежали альбомы в кожаных тисненых переплетах. Галина Александровна осмотрела их.

– Вам нравится, Георгий Григорьевич?

– Очень симпатичные, – ответил я.

– Я их куплю. Георгий Константинович сейчас работает над воспоминаниями, и ему будет сподручно записывать их в эти альбомы.

Совершив покупку, мы отправились в гостиницу.

За день до отъезда я спросил Галину Александровну, когда же мы пойдем покупать подарок маршалу.

– Мы его уже купили. Это альбомы. Я, как и вы, получила на карманные расходы пятнадцать долларов, а других долларов ни у меня, ни в нашей семье нет.

Я был поражен. Победитель фашизма, великий полководец века не имел иностранной валюты! Он даже не получил от Сталина шубу на собольем меху – такой вождь награждал американского генерала Эйзенхауэра и английского генерала Монтгомери, побывавших в

Москве по его приглашению. Став президентом Америки, Эйзенхауэр пригласил Жукова в Америку, но на обращение Георгия Константиновича за разрешением на поездку Сталин ответил: «Не надо тебе туда ехать. Тебя там убьют». Так что маршал Жуков был «невъездным»... Кстати, фамилию «Жуков» Сталин произносил как «Зюков».

Георгий Константинович жил на государственной даче, не имея собственной. Перед смертью он обратился к правительству с просьбой не выгонять с дачи его дочь...

Галина Александровна ушла из жизни раньше Георгия Константиновича.

Известно, что после смерти Жукова его кабинет в Министерстве обороны был разгромлен, часть вещей похищена. Никому из правительства не пришло в голову остановить грабеж и создать музей маршала Жукова, спасителя России от фашизма, героя Великой Отечественной войны. Более того, Берия готовил «дело Жукова», но за маршала заступились полководцы и Сталин.

Как же обидно, что замечательные фильмы Юры Озерова об Отечественной войне и о маршале Жукове, гениально сыгранном Михаилом Ульяновым, не показывают. Миллионы телезрителей вынуждены подчиняться вкусам руководителей каналов и к ним привыкать или просто выключать телевизор, что и делают телезрители, т. к. на всех кнопках стрельба и насилие (кроме ТВ «Культура»). Недавно, в 2012 году, по Первому каналу прошел сериал «Жуков». Главное в нем – не героизм и талант полководца, а его увлечение женщинами. Современная молодежь восприняла маршала просто как бабника. Грустно несправедливо и унижительно для великого полководца.

Но у нашего телевидения теперь другие задачи – делать деньги любым путем, часто не очень благородным. Я уже не говорю об уникальной русской культуре, с которой молодое поколение просто не знакомо. «Цивилизованное общество без духовности – не более чем собрание животных. Это уже конец. Закат», – писал Андрей Тарковский. Как этого не могут понять руководители Центрального телевидения? Им, видимо, мало детей-убийц, детей-самоубийц. После ликвидации пионерского движения, а вместе с ним и домов пионеров с авиационными, театральными, художественными и другими кружками на улицы страны выброшены миллионы детей, которым нечем заняться. Вот почему люди требуют создания нового телевидения и этот призыв дошел до руководства страны.

Когда мне приходится терпеть несправедливость и обиды от киночиновников, я вспоминаю великого маршала. Он терпел, так и ты терпи!

Новое поколение не может поверить, что Жуков, четырежды Герой Советского Союза, мог быть в опале. У Исторического музея стоит памятник ему. Ежегодно проходят парады Победы. В этом заслуга Путина и Медведева. Учрежден орден Жукова. Такие действия властей, безусловно, укрепляют в народе патриотизм, который столь необходим России, где открыто поднимают голову нацизм и фашизм.

В. Шукшин с Лидой и я с Мирушкой в Помпеях

Глава 15 «Они были актерами» с Зинаидой Кириенко

В 1977 году редакция «Мосфильма» принесла мне непринятый сценарий В. Орлова «Они были актерами».

– Георгий Григорьевич, почитайте и постарайтесь помочь Орлову переделать сценарий, чтобы его можно было запустить в производство. Героиня фильма – женщина, а вы хорошо знаете женскую душу.

Я согласился. Вначале мы этот сценарий превратили в пьесу. Она повествует о подвиге актеров Симферопольского русского театра им. М. Горького, которые в дни немецкой оккупации Крыма создали подпольную группу «Сокол» под руководством главного художника театра, заслуженного деятеля искусств РСФСР Николая Барушева и популярной актрисы, любимицы зрителей, заслуженной артистки РСФСР Александры Перегонец. Они, связавшись с наступающей на Крым Красной армией, передавали войскам добытые важные сведения о немцах. Театр работал в городе, многие жители считали Перегонец предательницей.

В совершенстве владевшая немецким языком Александра Федоровна вошла в доверие к офицерам, которых приглашала в свой салон. Из общения с ними добывала ценную

информацию: карты военных объектов Симферополя и заминированных зданий. Предательство помогло гестаповцам разоблачить подпольщиков, и вся группа была расстреляна за три дня до освобождения города – прямо после окончания спектакля, в театральных костюмах. Не пожалели даже пятнадцатилетнего помощника главного художника Олега Саввачеева. Чувства жалости и милосердия у немцев не существовало.

Рабочий момент фильма «Они были актерами»

Авторам пьесы Георгию Натансону и Виктору Орлову и спектаклю, который создал главный режиссер театра Анатолий Новиков, была присуждена Государственная премия СССР. Сегодня играет его уже третье поколение актеров, и всегда с аншлагом.

«Они были актерами», рабочий момент. Зинаида Кириенко и я

Я этот спектакль поставил в Москве в Театре киноактера, роль Александры Перегонец сыграла народная артистка России Зинаида Кириенко. Она замечательно исполнила ее и в театре, и в фильме. Картину снимал в Симферополе, в здании того самого театра, где произошла эта трагедия. В ней были заняты известные актеры – Игорь Ледогоров, Аристарх Ливанов, Муза Крепкогорская... Фильм имел успех в прокате в СССР и за рубежом. Правда, при встрече с зарубежными киноведами меня хвалили за хорошо придуманную драматургию, не веря, что сюжет – чистая правда и что актриса могла быть руководителем подпольной антифашистской организации. В России эту картину ни разу не показали по центральным каналам телевидения, даже по «Культуре». Зачем показывать патриотические фильмы? Сейчас, видимо, важнее бандитские разборки или глупые комедии, где смеются в кадре, а зрители безмолвствуют, слыша idiotские шутки героев фильмов.

Глава 16 «Взбесившийся автобус». Мой первый боевик Знакомство с премьером Израиля Беньямином Нетаньяху

1 декабря 1988 года случилось страшное событие. В городе Орджоникидзе четверо бандитов (среди них были армянин, грузин и двое русских) во главе с рецидивистом Павлом Якшиянцем захватили автобус и взяли в заложники тридцать детей – целый класс вместе с учительницей. Террористы (им вручили 3 миллиона долларов) смогли добиться, чтобы их на самолете вывезли за границу в «недружественный» Стране Советов Израиль; при прилете в Тель-Авив они потребовали поместить их в лучшей гостинице – «За все могу заплатить!», – хвастался Якшиянец. Но их заключили в тюрьму и выдали Москве. Однако спустя несколько дней членов банды все-таки по договоренности с правительством Израиля удалось вернуть назад и надолго отправить за решетку. А буквально через год на экраны вышла моя новая кинолента, воспроизводящая те трагические события, – «Взбесившийся автобус».

За свою долгую жизнь в кинематографе я чаще всего экранизировал произведения наших замечательных драматургов – Розова, Рощина, Володина, Радзинского, Алешина – и никогда не снимал боевики. Но история, произошедшая в Орджоникидзе, так пробрала меня, что я решил: надо людям рассказать, как преступники-террористы перешли все мыслимые грани, не пожалели даже маленьких детей. Через редакцию газеты «Правда» я связался с автором статьи, из которой впервые мир узнал об этом ЧП, – Николаем Кривомазовым и предложил вместе написать сценарий.

Кадр из фильма «Взбесившийся автобус». Ивар Калныньш

Откуда создателям фильма удалось выяснить все закулисные подробности той «автобусной» трагедии? Николай работал обозревателем в «Правде». Детали первого этапа того небывалого происшествия ему изложил замминистра МВД Северной Осетии. Позднее кое-какие сведения помог добыть мой знакомый, майор-чекист, курировавший МИД. О некоторых моментах я услышал от самого генерала Бобкова – заместителя председателя КГБ. Именно Бобков рассказал, что сначала террористы решили лететь в Пакистан, а потом передумали и «заказали» другую страну – Израиль... Между прочим, сотрудники спецслужб упомянули и о другом любопытном штрихе, нигде в официальных сообщениях не фигурировавшем: узнав, что захватившие их «дяденьки» хотят погрузить автобус в самолет и лететь в Израиль, кое-кто из ребят-заложников сперва даже обрадовался: «Ура! Нас повезут за границу!» Несмышлениши еще не понимали, какая смертельная опасность им грозила...

Анна Самохина

У меня была возможность присутствовать на суде по делу банды Павла Якшиянца. Я там находился с самого начала и вплоть до дня объявления приговора. Якшиянца приговорили к пятнадцатилетнему заключению, остальным дали меньшие сроки. Кстати, во время заключения, уже отбывая тюремный срок, он пытался совершить побег, но был арестован и получил добавочные три года тюрьмы. Многие важные моменты прояснились из ответов самих обвиняемых на вопросы судьи, прокурора, адвоката. После заседаний я встречался с женой главаря Тamarой Якшиянц. Мы шли в ближайшее от здания суда кафе, садились за столик, и она рассказывала. В том числе о том, откуда возникла сама эта чудовищная идея – взять в заложники детей. Оказывается, Павел обожал их маленькую дочку, всячески оберегал, не доверяя жене даже купать ее. Вот эта запредельная любовь, странным образом преломившись, и породила в голове рецидивиста мысль сделать заложниками именно детей...

Сценарий написали очень быстро – буквально через несколько дней после вынесения бандитам приговора он уже был готов. Все сцены в Израиле написал известный израильский писатель Давид Маркиш, сын замечательного поэта Переца Маркиша, расстрелянного Сталиным по делу Еврейского антифашистского комитета (чудом тогда остались в живых Илья Эренбург и академик Лиля Штерн – члены комитета). Теперь предстояло получить добро на фильм в официальных инстанциях. Я отправился к председателю Госкино Армену Медведеву. Ему сценарий понравился, однако на мое предложение снимать финальные события там, где они реально происходили, – в Израиле, он возмутился:

– Какой Израиль?! У СССР нет с этим государством дипломатических отношений, кто вас туда пустит?! Да и где взять валюту, которую вы просите для этого?.. Снимайте Израиль в Сухуми.

Тогда пришла в голову идея обратиться за помощью к директору «Совэкспортфильма». Я показал ему фрагменты картины, которые мы уже успели снять, и попросил помочь с деньгами на съемки в Израиле.

– Материал прекрасный, – сказал он. – Деньги дам, но, конечно, не полмиллиона, как вы хотите, а двадцать тысяч долларов.

Когда финансовый вопрос удалось решить хотя бы частично, я стал добиваться разрешения на поездку в запретную для советских граждан страну. Сумел попасть на прием к заместителю министра иностранных дел России Чаплину (он тепло принял меня как режиссера-постановщика фильма «Посол Советского Союза»), который в мире МИДа приняли восторженно. Объяснил ему суть дела. Тот нажал кнопку, и в кабинет вошел молодой мужчина. Замминистра поручил ему связаться с Израилем и все уладить. Нашего мидовского куратора звали Игорь Иванов. Через несколько лет он возглавил министерство, а тогда мы не раз встречались, пока по дипломатическим каналам утрясались все организационные проблемы. Наконец появилось специальное решение правительства Израиля...

В разведывательную командировку из снежной, морозной Москвы в жаркий Тель-Авив, где все цвело, поехали втроем: я, директор картины и главный оператор. Летели на перекладных. Сначала – до Будапешта, а там, переночевав в аэропорту на стульях, пересели на самолет до Тель-Авива, так как никакого транспортного сообщения с Израилем из Москвы тогда не было. Мы оказались первыми кинематографистами из СССР, которые побывали в этой стране... По прилете в аэропорт Бен-Гурион сразу попали в зону жесткого контроля, где нас «допрашивали» молодые симпатичные девушки в штатском – сотрудники безопасности Израиля. Их интересовали цели приезда, наличие знакомых в стране, что мы везем в своем багаже...

На съемках

В этот же день искупались в море. Температура – более двадцати градусов. Гревшиеся на пляже израильтяне говорили: «Это русские. Они моржи. В такой холодной воде только русские могут купаться». Но конечно, когда из России летел самолет с террористами, израильтяне готовили им куда более серьезный прием. Одних «скорых» в аэропорт пригнали шестьдесят пять штук, а главное – танки, бронетранспортеры, многочисленные армейские подразделения. (Местное руководство полагало, что история с захватом заложников и бегством из Страны Советов может оказаться лишь легендой прикрытия для обеспечения высадки русских десантников.) И все это нам предстояло воспроизвести в нашем фильме, а денег-то мало!

Надеясь на помощь израильских силовых структур, я пытался записаться на прием к министру обороны Ицхаку Рабину. Однако в секретариате сообщили, что его сейчас нет в стране и меня примет замминистра иностранных дел. Встреча состоялась в маленьком особняке в центре Тель-Авива. Моим собеседником был Беньямин Нетаньяху... будущий

израильский премьер-министр – брат героически погибшего руководителя спецслужб, освободивших в Уганде пассажирский самолет с израильтянами, захваченными в плен палестинцами (он единственный погиб в этой операции).

Я попросил восстановить для съемок ту обстановку, которая была в аэропорту во время прибытия беглых террористов из СССР, чтобы стояли танки, спецназ... В ответ Нетаньяху отрицательно покачал головой:

– Это невозможно. Израиль – страна бедная, поговорите с нашими богачами. Они оплатят – мы все восстановим.

Когда вернулись в Москву, я решил обратиться в КГБ. Подумал: ведь наш фильм рассказывает о работе сотрудников госбезопасности (в жизни блестяще проявил себя в освобождении детей полковник Шереметьев из Ставрополя, награжден орденом Красного Знамени) – почему бы им не заинтересоваться этим проектом и не оказать содействие? Меня пригласили к одному из заместителей председателя КГБ. Разговор получился весьма лаконичным и результативным.

– Что вам требуется для съемок?

– Нужны израильские автоматы «Узи».

– Сколько?

– Хотя бы сотня.

– Можем дать и тысячу!

Кадр из фильма «Взбесившийся автобус»

– Хотя бы три танка и пара бронетранспортеров. – Пожалуйста! Можем больше.

– ...И еще войска.

– Рота? Батальон? Или лучше полк? Обеспечим!

В итоге все аэропортовские сцены мы снимали в Подмоскowie, в «Шереметьево» – на запасной полосе, которую для нас освободили.

Нетаньяху нам выхлопотал возможность снять несколько общих планов аэропорта Бен-Гурион и кадры со взлетно-посадочной полосой (наш оператор работал в паузах между прибытием самолетов). Кроме того, позволили снимать в режимной зоне около тюрьмы. Израильтяне все-таки раскошелились и выделили нам для съемок настоящий полицейский автомобиль, тюремную машину и человек пять своих полицейских. Правда, из них лишь двое говорили по-русски, зато какой типаж попался в числе этих двоих! Еврей-грузин! В фильме он загоняет террористов в «автозак» и полемизирует с главарем банды Пашей, пожелавшим вдруг, ради спасения собственной шкуры, принять иудейскую веру...

В кадрах фильма благодаря помощи «Аэрофлота» можно увидеть и подлинных «действующих лиц» «автobусной» истории. Нам предоставили для съемок тот самый транспортный Ил-76, на котором везли в Израиль автобус, захваченный Якшиянцем и его подельниками, и даже нашли управлявших им тогда летчиков, не побоявшихся стать фактическими заложниками вооруженных бандитов. Члены того героического экипажа (а он уже был расформирован) вновь собрались вместе на съемочной площадке. Я доверил им сыграть в некоторых кадрах фильма самих себя (лишь роль одного из пилотов, более насыщенный действиями, исполнил «подставной» – актер Александр Кузнецов).

Во «Взбесившемся автобусе» снялись многие наши известные актеры, причем некоторые – даже в крохотных эпизодах: Аристарх Ливанов мелькнул единожды в роли советского посла в Пакистане, Борис Щербаков «отметился» в нескольких кадрах сотрудником нашего МИДа...

Состав подобрался действительно звездный: в главных ролях – Ивар Калныньш (полковник Орлов) и Игорь Бочкин (Паша Мелкоянц); жену бандита Тамару сыграла великолепная красавица и хорошая актриса Анна Самохина; Эммануил Виторган перевоплотился в сотрудника израильского МИДа господина Анука; Амаяк Акопян бесподобно изобразил уголовника по кличке Жила...

Именно во «Взбесившемся автобусе» состоялся кинодебют Игоря Верника – популярного мхатовского артиста (он сыграл в эпизоде сотрудника израильских спецслужб). А на роль учительницы Натальи Владимировны я пригласил недавнюю выпускницу ВГИКа Анну Тихонову – дочку знаменитого актера. (Помню, когда картина была готова, я позвал Славу Тихонова на просмотр, он сказал: «Я всегда с интересом смотрел фильмы, в которых сам играл, но так сейчас волнуюсь, сидя перед экраном, впервые в жизни...») Славе фильм понравился, и игру Анны он одобрил.)

По инициативе Игоря Иванова, который уже стал министром иностранных дел, в МИДе организовали просмотр нашего фильма для всех зарубежных послов, аккредитованных в Москве. Он завершился дружными аплодисментами. Посол Италии заявил:

- Ваш фильм с Иваром Калныньшем сильнее нашего «Спрута» с Микеле Плачидо...
- Это первый советский фильм, показанный МИДом, на котором я не спал, – заметил испанский посол.

А один из сотрудников израильского посольства спросил меня, когда я перееду в Израиль – мол, им такие режиссеры нужны.

- Никогда. Моя родина – Россия. Ее культура, ее березы. За Россию при обороне Москвы отдал жизнь мой отец.

Специальный сеанс состоялся и для «главного зрителя» – нового премьер-министра страны Нетаньяху в Израиле. В конце, похвалив фильм, он поинтересовался:

- Кто же из наших богачей дал вам деньги на съемки в аэропорту Бен-Гурион?

Ивар Калныньш, я и Аристарх Ливанов

Нетаньяху был совершенно уверен, что все «бенгурионовские» кадры сняты в Израиле. Пришлось его разочаровать: – Нет, господин премьер-министр, это не ваши миллионеры, это советский КГБ все организовал! И съемки происходили на территории СССР, в аэропорту «Шереметьево».

– О-о! Какой же у вас в России богатый КГБ! «Взбесившийся автобус» я показывал во многих городах Израиля. К сожалению, показ фильма совпал с убийством министра обороны Ицхака Рабина. Убийцей был молодой израильтянин, который не простил Рабину стремления к миру с палестинцами. Его приговорили к пожизненному заключению. Трагическую смерть Рабина израильтяне тяжело переживали. В центре Тель-Авива возник холм цветов в его память.

Потом «Совэкспортфильм» очень успешно реализовывал эту киноленту за рубежом. «Взбесившийся автобус» купили многие страны. Наша картина оказалась единственным в ту пору советским фильмом, который приобрели даже США для показа в кинотеатрах и для распространения на видеокассетах.

Как-то для себя я отметил, что, видимо, приношу счастье руководителям, с которыми встречаюсь. Игорь Иванов стал министром иностранных дел СССР, а Беньямин Нетаньяху – премьер-министром Израиля.

По каналам Центрального телевидения «Взбесившийся автобус» почти не показывают, несмотря на разгул терроризма как в России, так и во всем мире.

Глава 17 Отлучение от кино Андрея Тарковского и Георгия Натансона

За фильм «Повторная свадьба» председатель Госкино Филипп Ермаш отлучил меня от работы в кино на целых пять лет. Такое же «вето» наложили и на Андрея Тарковского за его выдающиеся фильмы «Андрей Рублев», «Зеркало», «Солярис». Как-то, встретив меня в проходной «Мосфильма» и тепло поздоровавшись, он сказал:

– С тем, что я элитарный режиссер и потому мне не дают снимать кино, могу

согласиться, но ведь твои картины смотрят миллионы, они приносят государству доходы – почему ты сидишь без работы?

– Видимо, политика дороже денег, – ответил я.

– Давай напишем на приближающийся съезд партии. Пусть разберутся, – предложил Андрей.

Но никто из нас на съезд так и не написал.

С огромными трудностями Андрей уехал в Италию, где поставил фильм «Ностальгия» по сценарию великого Тонино Гуэрры – автора сценариев фильмов Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Витторио де Сика, братьев Тавиани. Свои работы Гуэрра начал писать в фашистском концлагере, чтобы выжить.

Я был знаком с Тонино, но работать с ним не посчастливилось. Познакомила нас его русская жена Элеонора Яблочкина. Мы встречались на кинофестивалях в Москве и в Сочи...

Андрей на Родину больше не вернулся. После ностальгии поставил «Жертвоприношение». А я целых пять лет провел в вынужденном простом. Ломбарды, ломбарды. Одни вещи выкупал, другие закладывал...

– Пойди к Ермашу, попроси прощения, – уговаривал меня Николай Трофимович Сизов – директор «Мосфильма».

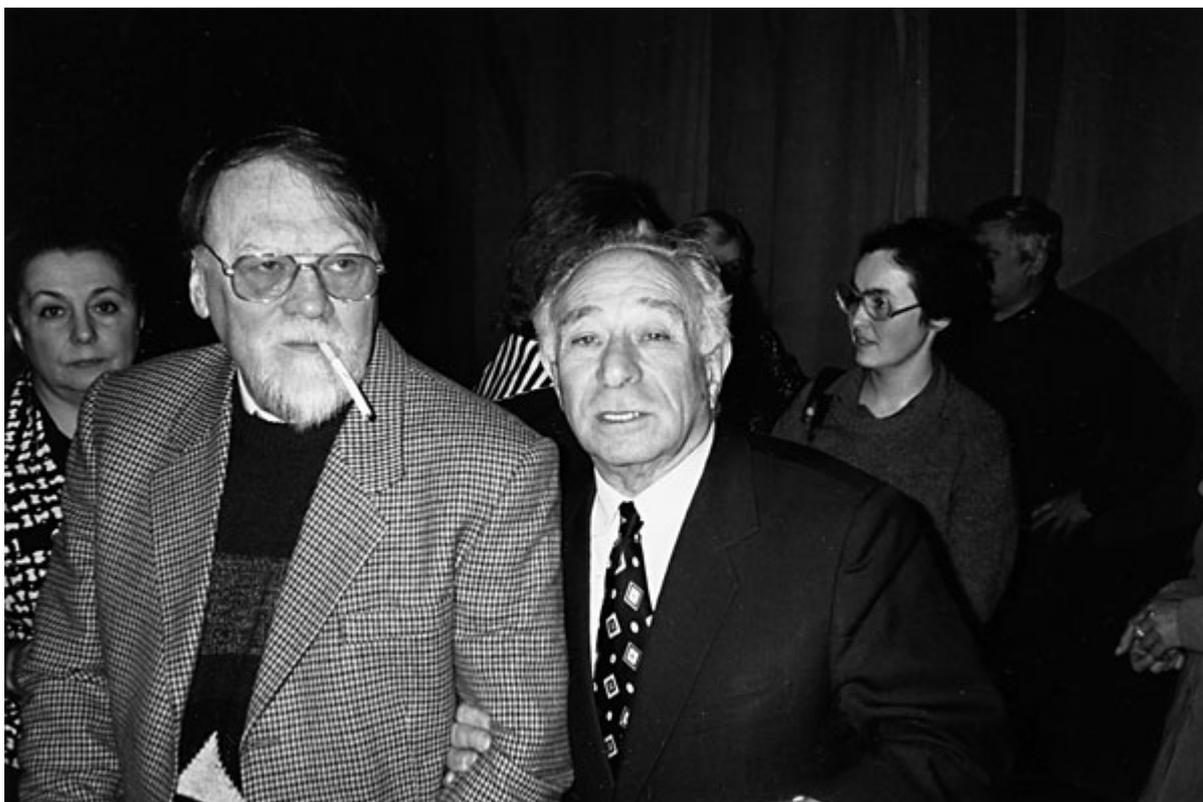
Я отказался унижаться.

Опять помог Демичев, к которому обратилась выдающаяся певица Елена Образцова с просьбой дать мне возможность поставить музыкальный, документальный фильм о ее творчестве. Звонок Демичева Ермашу разрешил все в минуту.

Фильм «Поэт Елена Образцова» увековечил эту замечательную певицу. По распоряжению Ермаша снимали на пленку «Кодак», что было в то время особым исключением.

Можно рассказать истории создания других фильмов и о моей борьбе с равнодушными перестраховщиками-редакторами и чиновниками за свои действия, ни за что не отвечающие. Я всегда стремился создавать картины о добре, чистоте человеческих отношений, уважении к женщине.

Вот пример уже из демократических времен, когда для меня и, пожалуй, для всего старшего поколения кинематографистов наступили непреодолимые трудности, более сложные, чем в советские времена. Я собирался снимать фильм «Спешите делать добро» по мотивам одноименной пьесы Михаила Рощина. Мы уже начали подготовительный период и подбор актеров, утвердив на роли И. Чурикову, Б. Плотникова, Л. Удовиченко, В. Ильина. Но экспертная комиссия Госкино отказала нам в финансовой поддержке без всякой мотивировки.

Михаил Роцин и я в ЦДРи

Георгий Данелия, художественный руководитель киностудии «Ритм», где картина была запущена в производство, обратился в Госкино с просьбой объяснить причину отказа в финансировании и предоставить возможность продолжить съемки. Ответа нет уже много лет. Фильм так и не снят. На этом окончились мои экранизации драматургических произведений известных русских писателей. А ведь мои скромные работы приносили немалый доход государству, не говоря уже об их культурно-просветительском значении.

Известно, что за все годы перестройки Госкино – ныне Департамент кинематографии Министерства культуры РФ – не создал ни одного фильма о писателях, военачальниках, ученых, выдающихся деятелях культуры и науки России. С кого же брать пример молодому поколению?! Экраны кинотеатров и телевизоров заполнены фильмами о насилии, убийствах, бандитских разборках, унижении человека. Небывало разрослась преступность, в том числе и детская. Государство вынуждено строить новые тюрьмы. Забыты нравственные и духовные идеалы. Немалая вина за это лежит и на нашем кино. Чиновники ни за что не отвечают, но их вкусам должны подчиняться не только молодые кинематографисты, но и заслужившие авторитет мастера. Зрители же эти картины бойкотируют, – даже те редкие фильмы, получившие премии на международных фестивалях.

Чтобы наш кинематограф стал представлять политику государства, политику правительства, необходимо ввести социальный заказ правительства РФ на фильмы, которые в это сложное для России время служили бы этой политике.

В 2011 году исполнилось 120 со дня рождения легендарного Михаила Булгакова, любимого писателя России. Но этот юбилей, как и 110-летняя годовщина, отмечены не были и наш сценарий с Алешиным не востребован по сей день.

Глава 18 «Валентин и Валентина» с Татьяной Дорониной и Мариной Зудиной

В 1985 году я поставил фильм «Валентин и Валентина» по одноименной пьесе прекрасного писателя Михаила Роцина – современную историю Ромео и Джульетты. На

роль матери Валентины я пригласил Татьяну Васильевну Доронику. Для меня было счастьем встретиться с ней на съемках. Татьяна Васильевна в работе была по-прежнему ответственна, требовательна к себе, к своим партнерам и режиссеру.

До этого Доронина уже много лет не снималась. Выдающаяся актриса была отрезана от зрителей, как и Николай Черкасов, Михаил Жаров и другие звезды советского кино. Как же мы расточительны по отношению к талантливым актерам, которых любит народ! Роль матери Валентина замечательно сыграла Нина Русланова, хотя меня предупреждали, что Русланова – актриса трудная, капризная. Мне же работать с ней было замечательно.

Каждый год по центральным каналам телевидения демонстрируются мои фильмы «Старшая сестра», «Еще раз про любовь», «Валентин и Валентина», в которых блистает и царит Татьяна Васильевна Доронина...

На съемках фильма «Валентин и Валентина»

Я счастлив, что в моей картине впервые раскрылась очаровательная, тогда еще студентка ГИТИСа, Марина Зудина, ныне народная артистка России, соратница и верная жена Олега Табакова, актриса его театра-студии, подарившая ему двух детей, старший сын играет уже на сцене МХТ. На фильме «Аэлита, не приставай к мужчинам!» я встретился с Натальей Гундаревой – актрисой необыкновенно талантливой, достоверной и яркой, – и удивительным, блестящим Валентином Гафтом. А на картине «Повторная свадьба» – с потрясающим, незабываемым Андреем Мироновым, замечательной Людмилой Макаровой,

актрисой Ленинградского БДТ, и молодыми в те годы Костолевским и Натальей Егоровой, в то время студенткой Школы-студии МХАТ – теперь народной артисткой России, актрисой

МХТ им. Чехова.

Перед съемками фильма «Аэлита не приставай к мужчинам»

Как-то на съемках картины «Валентин и Валентина», гуляя во время перерыва с Татьяной Васильевной Дорониной по двору «Мосфильма» и обсуждая актеров, мы решили, что самые лучшие актеры в мире – это русские актеры, а прекрасных американских актеров выучил гениальный Михаил Чехов и его школа. Одной из учениц Михаила Чехова была легендарная звезда Америки Мэрилин Монро, мечтавшая сыграть Грушеньку в «Братьях Карамазовых» и, по легенде, прилетавшая на два дня в Москву, чтобы посетить Дом-музей Достоевского. Замечательную документальную картину об этой истории создала автор сценария и режиссер Людмила Темнова, моя ассистентка по фильмам о Булгакове и Татьяне Дорониной.

В 2001 году мне исполнилось восемьдесят лет. Пришла старость, но так хочется работать. Получил множество телеграмм с добрыми пожеланиями: от президента РФ Владимира Владимировича Путина, от МХАТа им. Горького в лице Татьяны Дорониной, от МХТ им. Чехова в лице Олега Табакова, от Юлии Борисовой, Элины Быстрицкой, Михаила Рощина, заместителя мэра Москвы Людмилы Ивановны Швецовой... Вот некоторые из них.

Я

...

«Георгию Натансону.

От себя, от братьев-драматургов – Александра Володина, Виктора Розова и других – горячо поздравляю Вас, Георгий Григорьевич, со столь солидным юбилеем: 80-летием и 60-летием работы в кино. Смею думать, что две страсти – кинематограф и театр – помогли Вам жить и работать, умело выбрать для основы своих знаменитых, любимых зрителями фильмов неплохие пьесы, приглашать очень хороших актеров, открывать новые имена в кинематографе. Недаром киноведы нарекли Вас открывателем звезд!

Приятно, что и теперь Вы полны энергии, планов, собираетесь, как я знаю, делать фильм о драматурге, писателе, всеми любимом Михаиле Булгакове.

Дай Бог Вам здоровья, сил и удачи!

Сделать в Вашем возрасте такую картину – это будет прекрасный фокус и пример унылым лентяям или шустрым спекулянтам на «горячем» и пошлом. Дерзайте! Вперед!

Михаил РОЩИН»

...

«У Георгия Натансона есть замечательная душа, есть подлинная доброта и есть любовь и уважение к зрителю. Приписать себе эти качества нельзя, их нужно иметь. Это дар.

Я поздравляю его со славным юбилеем, с тем, что его фильмы с интересом и любовью смотрят даже через тридцать пять лет после их выхода. Я желаю ему здоровья, творческих побед и благодарю за счастье совместной работы.

Татьяна ДОРОНИНА»

...

«Георгий Григорьевич Натансон занимает свою нишу в кинематографе.

Его фильмы отмечают доброта, свет. У него снимаются замечательные актеры, некоторых из них он открыл для кино. Его уважение, восторженное отношение и любовь к актеру, очевидно, и делают его работы столь удачными. Успех сопровождает его фильмы. Жизнь не очень благосклонна к Георгию Григорьевичу, но я желаю ему тепла от окружающих его людей, радости, здоровья, и чтобы сбылось то, о чем он мечтает!

Юлия БОРИСОВА»

Глава 19 Фильмы «Я – вернусь» и «Михаил Булгаков на Кавказе» с Василием Лановым в главной роли

Повторюсь, что моей давней мечтой было создание художественного фильма о жизни, любви и творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова. 2002 год был объявлен правительством Москвы годом Булгакова, и правительство выделило мне средства на художественно-публицистический фильм «Булгаков в Крыму».

Спасибо правительству Москвы, что на их средства мне удалось снять два художественно-публицистических фильма о писателе: «Я вернусь» – о Булгакове в Крыму (премия Москвы) и «Булгаков на Кавказе» – история о том, как военврач Белой армии стал великим писателем (премия «Золотой орел» Национальной академии киноискусств и наук).

Михаил Булгаков

Я взялся за эту работу, устав ждать «добро» от Минкультуры на сценарий художественного фильма о Михаиле Афанасьевиче. Эта лента была посвящена его путешествиям в Крым в 1925, 1926 и 1930 годах. Как известно, Булгаков, подобно Пушкину, никогда не был за рубежом (считался невыездным у царя, а Булгаков невыездным у Сталина), хотя мечтал посетить Францию, где творил Мольер и куда уехал в эмиграцию его брат Николай, а также Италию, где бывал его любимый писатель Николай Васильевич Гоголь. Дважды он обращался к Сталину с просьбой о разрешении выехать за границу, но безрезультатно.

Как-то мать Сталина в письме спросила Сосо, кем он работает в Москве.

– Ну, вроде царя, – ответил Сталин.

Сюжеты путешествий Булгакова невероятно интересны. В первый раз он отправился в Крым по приглашению Максимилиана Волошина, поэта, философа, художника. Тот был потрясен прозаическими опытами писателя, найдя их сопоставимыми с ранней прозой Достоевского и Толстого. Булгаков приехал в Коктебель со второй женой Любовью Белозерской, с которой познакомился случайно – она только что вернулась из парижской эмиграции.

А первой женой писателя была Татьяна Лаппа. Он женился на ней в Киеве по страстной любви, едва она окончила гимназию, будучи студентом университета. Из-за любви на год бросил университет. С Таней они прожили одиннадцать лет, и он называл ее «ангелом». В годы Гражданской войны, когда на Кавказе Булгаков угодил в сети наркомании, именно Таня спасла его от этой напасти. Но вдруг он влюбился в Белозерскую – и оставил Таню. Считаю, что это не самый верный шаг Михаила Афанасьевича, потому что любовь с Таней была у них взаимной и очень глубокой.

Михаил Булгаков с супругой Еленой Сергеевой

О подробностях биографии Булгакова мы рассказываем на фоне коктебельского сюжета – дружба с Волошиным, знакомство с Грином, специально приехавшим в дом Волошина, галерея Айвазовского, великого мариниста... В нашем фильме озвучена необыкновенная история, случившаяся с юным Иваном Айвазовским, с золотой медалью окончившим Академию художеств. Выставку студенческих работ посетили Александр Сергеевич Пушкин с Натали, поэт был в восторге от марин Айвазовского, обнял юношу и сказал: «Молодой человек, вы можете быть прекрасным художником...» Позднее Айвазовский уехал в Италию, и – вот судьба! – вскоре его так же сердечно обнимал и поздравлял в Риме Николай Васильевич Гоголь. Быть в объятиях двух гениев дорого стоит. Такими таинственными взаимосвязями всегда был пронизан воздух, окружавший Булгакова. Потом Михаил Афанасьевич совершил путешествие в Ялту и в первый же день отправился с Белозерской в домик Чехова. Марии Павловны, сестры писателя, в городе не было, и гости осматривали Белую дачу с кем-то из служащих. Булгакова потрясло посещение дома-музея.

Он оставил прекрасные воспоминания. На них и построена в основном эта моя картина.

Конечно же я перечел все, готовясь к такому фильму, но когда звучит слово самого писателя, это впечатляет. Булгаков с интересом узнал, что в доме Чехова бывали такие люди, как Л. Толстой, И. Бунин, К. Станиславский. Но главным и первым посетителем Белой дачи являлся Исаак Левитан, с которым Антон Павлович дружил. Для меня этот сюжет важен тем, что подчеркивает взаимную любовь писателей друг к другу: Булгакова – к Чехову, Чехова – к Толстому и Толстого – к Чехову.

Ну а в следующий приезд, в 1926 году, Булгаковых принимала уже Марья Павловна Чехова, она сама водила писателя по комнатам, где он еще не был, и рассказывала, что вот, например, в столовой за этим роялем под аккомпанемент Рахманинова пел Шаляпин... Я смонтировал фотографии поющего Шаляпина и слушающих его Чехова, Марьи Павловны, Ольги Леонардовны, Станиславского, Горького, Вересаева, и они идут в фильме под звучание голоса Шаляпина, исполняющего романс Глинки «Сомнение».

Булгаков посетил и Ливадию, где жил прежде с семьей Николай II. Этот рассказ я также построил на фотографиях, но слова самого Булгакова не звучат – об этом посещении

он не оставил записей. Дело в том, что когда Михаил Афанасьевич приезжал в Ливадию, во дворце располагался санаторий для туберкулезных крестьян, и в его комнатах размещались человек триста. Надо сказать, что в этом же году в Крыму был и Маяковский – вот он восторгался пролетарской Ливадией.

И наконец, Булгаков в Севастополе – городе русской славы. Там он наблюдал, как моряки шагали под бодрый марш. О чем мог думать писатель, находясь в Севастополе? Вспоминал, как был контужен в Чечне, когда служил военврачом в Белой гвардии? О том, что его братья отсюда уехали в эмиграцию, а ему не удалось? Перелистывал мысленно страницы книги генерала Слащева «Крым в 1920 году», в которой тот описал, как вместе с Врангелем стоял во главе обороны полуострова, когда красные под руководством Фрунзе сломили их сопротивление и сто пятьдесят тысяч русских солдат по морю бросились в Турцию, чтобы уже никогда не вернуться на родину? Генерал Слащев назвал это «бегством», его судьба известна – в результате распри с генералом Врангелем в Турции он был разжалован в солдаты. Именно Слащев стал прообразом генерала Хлудова из булгаковской пьесы «Бег» – по ней Алов и Наумов сняли прекрасную картину. В Севастополе Булгаков конечно же приходил на Графскую пристань, откуда бежала по морю Русская армия.

В моем фильме Василий Семенович Лановой не просто читает текст, он показывает зрителю те места, которые посетил Булгаков, и делает это творчески, почти все время находясь в кадре. Я работал с артистом первый раз в жизни, мы подружились, и после завершения съемок Лановой спросил, когда начнем новую картину. Дело в том, что у меня уже был готов сценарий второго фильма – «Булгаков на Кавказе». А третий будет называться «Булгаков в Москве», и в нем я сделаю акцент на последних годах жизни писателя, когда были запрещены все его пьесы, включая «Дни Турбиных» во МХАТе, «Зойкину квартиру» в Вахтанговском и те, что шли в Камерном театре. Его не печатали, он находился на краю нищеты и самоубийства. Михаил Афанасьевич был в отчаянии. На что жить?! Втайне от жены Любови Белозерской он купил пистолет и спрятал его в ящике письменного стола. Ящик закрыл на ключ и сел за письмо в правительство СССР. В тот же день отнес его в комендатуру Кремля:

«Я обращаюсь с просьбой принять во внимание, что невозможность писать для меня равнозначна погребению заживо. Я прошу правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего пять пьес, известного в СССР и за границей, налицо в данный момент нищета и гибель.

Наталья Гундарева и Валентин Гафт. Кадр из фильма «Аэлита не приставай к мужчинам»

Двадцать восьмого марта тридцатого года. Михаил Булгаков.
И вскоре состоялся знаменитый разговор по телефону, когда Сталин сам позвонил Булгакову.

Сталин спросил писателя:

- А может быть, правда вас пустить за границу. Что мы вам очень надоели?
- Я очень много думал в последнее время – может ли русский писатель жить вне России. И мне кажется, что не может.

Здание МХАТ

– Вы правы. Я тоже так думаю. – А где хотите работать?

– Во МХАТе, – ответил Булгаков. – Но меня туда не принимают – даже рабочим сцены. Желал же он быть ассистентом режиссера, и не забудьте, что пьеса «Дни Турбиных» шла в театре с ошеломляющим успехом. Известно, что при постановке Михаил Афанасьевич дал много советов режиссерам, которые были воплощены в спектакле.

– А вы еще раз обратитесь во МХАТ, – посоветовал Сталин, – я думаю, они согласятся вас принять.

Через некоторое время раздался звонок из Художественного театра, он был зачислен в штат МХАТа ассистентом режиссера.

Завершается фильм «Я вернусь» третьим путешествием Булгакова в Крым, который он очень полюбил. Если не ошибаюсь, в «Мастере и Маргарите» около шестидесяти раз упоминается Ялта. И что еще важно, в 1930-м году писатель приехал в Крым без Белозерской, у него завязался бурный роман с Еленой Сергеевной Шиловой. Из Крыма он дал ей телеграмму с просьбой приехать на свидание, но она ответила отказом, подписавшись «Ваша Трусикова».

Однако Булгаков все-таки одержал победу – Елена Сергеевна бросила благополучную жизнь с генералом и стала женой неблагополучного писателя. Один из ее сыновей остался с бывшим мужем, а второй жил в семье Булгакова.

«Я вернусь» – это слова Булгакова, которые он написал в альбом Марье Павловне в 1926 году, когда она пообещала ему подарить листочек рукописи Чехова. «Не думайте, – написал он в альбоме, – что я не приеду за листочком. Я вернусь». Мы сняли крупным

планом эту фразу, дату и подпись писателя. Сняли и страничку чеховской рукописи, в которой почти невозможно ничего разобрать. Другую, конечно, не ту, которую Марья Павловна подарила Булгакову. Где находится та, мы не знаем.

Оператор Михаил Коробцов великолепно показал Крым, ряд кадров снят прекрасным оператором Вадимом Алисовым – он в картине и цветущий, и солнечный, и дождливый, и с огромными волнами, которые накатывают чуть ли не на половину набережной в Ялте. В конце даю панораму цветущей Ялты, о которой Булгаков говорил, что такого воздуха, как здесь, наполненного цветением и свежестью морских прибоев, он никогда в своей жизни не чувствовал.

В финале есть рассуждение о том, что Крым, и особенно Ялта, всегда был местом вдохновения писателей – Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина, Маяковского, Мандельштама, Маршака и, конечно, Михаила Афанасьевича Булгакова. А теперь, после распада великого государства, он находится за пределами границ России, и братья-славяне разделены нелепым барьером, за которым остались также и грузины, и армяне, и представители других национальностей, жившие с нами в дружбе. И романс Глинки «Сомнение» звучит в фильме с надеждой, что еще все переменится, «минует печальное время, мы снова обнимем друг друга», и братья-славяне вновь соединятся.

Трудно жилось писателям и поэтам в царской России. Вспомним трагические судьбы Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чернышевского... Расстрелянных во времена сталинских репрессий Гумилева, Мандельштама, Пильняка, Бабеля, журналиста Кольцова, режиссера Мейерхольтда. Вспомним угнетенных – поэтессу Ахматову, писателей Булгакова, Зощенко, кинематографистов Сергея Эйзенштейна, Александра Довженко, Андрея Тарковского...

В 1922 году Булгаков писал: *«Уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю. И даже более того, по мере того, как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что “все образуется”».*

Мы верим в его предсказание.

Фильм я закончил в преддверии ежегодного фестиваля документальных фильмов в Екатеринбурге и отдал его на отборочную комиссию Союза кинематографистов, возглавляемую киноведами Шемякиным и Черненко.

Фильм «Я вернусь» они на конкурс не приняли. Тогда картину я показал президенту фестиваля Климу Лаврентьеву. Ему фильм понравился. Он как президент по уставу фестиваля имел право вопреки решению отборочной комиссии взять фильм на конкурс.

Решением жюри фестиваля мы получили престижную премию и аплодисменты зрительского зала. Затем картине «Я вернусь» жюри правительства Москвы, состоявшее из ведущих деятелей культуры Москвы, присуждают премию Москвы и фильм демонстрируют на канале «Культура».

Кажется, честные руководители отборочной комиссии должностные лица Шемякин и Черненко при таком своем провале должны бы подать в отставку. Ничего подобного, они продолжают свою «деятельность» в различных отборочных комиссиях по документальным фильмам и по своему вкусу решают судьбу фильмов, допуская или не допуская их на конкурсы. Слава богу, что они не были включены в жюри конкурса «Золотой орел», иначе я бы не получил «Золотого орла» за фильм «Булгаков на Кавказе».

Я всегда был активным пионером в школе, а затем пионервожатым летом в пионерских лагерях и мечтал попасть в легендарный «Артек» в Крыму.

В 2002 году эта мечта сбылась. Восьмидесятилетнему, мне посчастливилось быть гостем на кинофестивале в Артеке. Казалось, что я вновь в многонациональном Советском Союзе, где дети разных народов живут в дружбе и в играх, и в быту, и когда купаются в море. Азербайджанцы не ссорятся с армянами. Украинцы, белорусы и русские дружат, как и в советское время, и всех спланивает русский язык. Меня на открытии фестиваля приветствовали на стадионе аплодисментами более десяти тысяч ребят. От всех отрядов Артека вручили большие букеты цветов и кораблик с парусами. Вот какая радость! О таком я

в жизни не мечтал.

В нескольких отрядах я показал свой фильм «Булгаков в Крыму». Многие кадры сняты недалеко от Артека. Дети бурно аплодировали. В беседе по окончании фильма я попросил поднять руки тех, кто знаком с творчеством Ахматовой, Цветаевой, Волошина, Мандельштама, Блока (замечу, что это были школьники 8-10 классов). Не поднялась... ни одна рука... Только когда дошел в своем перечислении до Маяковского, отозвались несколько детей. Тогда, грустно улыбаясь, но с некоторой долей озорства в голосе я спросил: «А кто знает актера Шварценеггера?» И вот тут всколыхнулось море рук. Это КА-ТА-СТРО-ФА!

В 2003–2004 годах я вновь был приглашен на кинофестиваль в Артек – видимо, понравились мои встречи с ребятами. Приехал с художественно-публицистическим фильмом «Булгаков на Кавказе», созданным на средства правительства Москвы и удостоенным премии «Золотой орел» Академии кинематографических искусств и наук. И опять успех. Два диплома. Один за премьерный показ в программе XIII Международного детского кинофестиваля, второй – «За личный вклад в развитие Международного детского кинофестиваля “Артек”».

С большим интересом ребята смотрели совершенно не известную им историю о том, как Булгаков, будучи врачом в Белой армии, в Чечне получил контузию, а когда армия покидала Владикавказ, заболел тифом. Его первая жена – Таня Лаппа – выходила его.

Именно во Владикавказе он начал писать пьесу «Братья Турбины», которая потом превратилась в «Дни Турбиных» – легендарный спектакль МХАТа.

Далее шел рассказ о пребывании Булгакова в Грузии, где никакого успеха он не имел. Жили в нужде, вынуждены были даже продать обручальные кольца, чтобы не умереть с голода. Затем – жизнь в Батуми, опять безденежная, и желание навсегда покинуть Россию.

Договорился с боцманом одного из пароходов, что его спрячут в трюме и нелегально вывезут за границу. Чудом он не уехал. А уехал бы – и Россия потеряла бы великого писателя. Вряд ли в Париже Михаил Афанасьевич смог бы создать свой роман «Мастер и Маргарита».

Глава 20 «Да здравствует королева, виват!»

В 2010 году Госкино приняло мой сценарий художественно-публицистического фильма о жизни и творчестве моей любимой актрисы Татьяны Васильевны Дорониной «Да здравствует королева, виват!». Сценарий написал вместе с Машей Мономеновой, литературным сотрудником МХАТа имени Горького, очень творческим и красивым человеком.

Татьяна Васильевна отдала мне весь архив, к сожалению, состоящий из коротких съемок с ее участием в спектаклях великих мастеров – Георгия Александровича Товстоногова в БДТ, замечательного режиссера Андрея Гончарова в Театре имени Маяковского, выдающегося актера и режиссера Бориса Ливанова во МХАТе. Как же обидно, что в те времена не снимали спектаклей БДТ, МХАТа, Малого театра, театра Вахтангова. Безвозвратно утрачен «золотой фонд» театральной культуры нашей Родины. Как много потеряли новые поколения актеров! Какая это была бы для них школа!..

Хочется отметить, что поддержал меня в моем замысле талантливый и доброжелательный в то время директор Департамента кинематографии Министерства культуры РФ, а затем и замминистра – профессор ВГИКа, киновед и писатель Сергей Владимирович Лазарук. Спасибо ему. Как много потеряло Министерство культуры с уходом такого умного, доступного и очень ответственного интеллигентного человека.

Мне думается, что читателю будет интересно познакомиться со сценарием этого фильма.

Татьяна Доронина родилась в городе русского взлета, русского подвига, русской судьбы, трагической и великой. Тогда он назывался Ленинград. Там, как она вспоминает,

прошло ее счастливое детство.

Переулочек, где жили Анна Ивановна, Василий Иванович Доронины и их дочери Галина и Татьяна, назывался переулочком Ильича. Мостовая из крупных булыжников, родной дом, тяжелая входная дверь. В доме напротив – булочная, куда мама посылала Таню покупать «за рубль сорок пять батон и полкило хлеба»... Страна довоенного детства, в которой не было мороза, голода, болезней, потерь и взрослых открытий, не было карточек, очередей за хлебом, а только елка со шпилем, милые лица родных – сестра с толстыми косами, веселая мама и отец. Отец, который ходил легкой походкой и говорил: «Какая благодать!»

А в это время...

Хроника. Германия.

Маршируют немецкие войска перед Гитлером.

ВЕДУЩИЙ:

Оккупированы Германией Австрия, Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, немцы в Париже.

Гитлер на трибуне.

Немцы в Нюрнберге приветствуют Гитлера. Огромная свастика из факелов на стадионе. Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер и другие вожди немецкого народа призывают истреблять славян: русских, украинцев, белорусов и остальные народы Советского Союза. С особой ненавистью вожди Германии приказывают уничтожить нацию (от младенцев до стариков), родившую миру Деву Марию – мать Иисуса Христа, самого Иисуса Христа, его учеников-апостолов, на которых молятся и будут молиться люди, пока существует планета Земля.

Хроника.

Немцы приветствуют своих фашистских вождей.

ВЕДУЩИЙ:

Для уничтожения миллионов людей немцами были изобретены концлагеря с газовыми камерами и крематориями, в которых сжигали подчас еще живых людей, автомобили-душегубки, в которые загоняли тысячами обычных прохожих и душили их газами.

Хроника.

Немцы приветствуют Гитлера.

22 июня 1941 года Германия вероломно напала на Советский Союз. Немецкие бомбардировщики бомбят города России, Белоруссии, Украины, Прибалтики. Дети смотрят на летящие бомбы.

Хроника.

ГИТЛЕР (на трибуне среди огромной толпы немцев): «Я повергну в прах Россию!» Немцы приветствуют Гитлера.

ГЕББЕЛЬС: «Русские должны умереть, чтобы мы жили». Немцы приветствуют Геббельса.

ВЕДУЩИЙ:

*Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой,
Нам выдал общую беду,
На всех, на все четыре года.*

(К. Симонов)

В этот день закончилось Татьянино детство. Вскоре начались бомбежки и обстрелы Ленинграда, который, как и Москву, Гитлер приказал стереть с лица земли. Отца призывают в армию. До ухода на фронт он успевает эвакуировать семью в Данилов. В Данилове, маленьком городе Ярославской области, на перроне «вакуированных» никто не встречал, и никто не знал, что это надолго. Наступала зима. **Хроника.**

Из осажденного Ленинграда детей пришлось вывозить на грузовиках по единственной Дороге жизни – льду Ладоги, на Урал и в Сибирь. Немецкие самолеты безжалостно бомбят и

обстреливают машины с детьми. Тысячи мальчишек и девчонок погибают как от пуль, так и проваливаясь вместе с автомобилями под лед.

Хроника.

Германия. Немецкие дети приветствуют Гитлера.

ВЕДУЩИЙ:

Виселицы и «бабьи яры» были уделом оккупации советских городов немецкой армией, убийц, вешателей, мародеров и насильников. В первую очередь сгоняли на расстрел все еврейское население, а также коммунистов и военнопленных политработников. Мирных людей живыми сжигали в хатах, церквях, синагогах и домах.

После войны нашлись обиженные немцы, которые обвинили англичан и американцев в бомбежках немецких городов. Где они были, когда немцы бомбили города Англии, России, Украины, Польши, уничтожали в концлагерях миллионы евреев, русских, украинцев, белорусов, устроили страшную блокаду Ленинграда? Я был в Англии в разрушенном немецкими ракетами городе Ковентра. Разрушенный собор остался как памятник навсегда.

Хроника.

Немцы восторженно приветствуют Гитлера.

ВЕДУЩИЙ:

«Я воевал, был в плену, выжил и еще там, на фронте, совсем молодым человеком (мне было семнадцать лет) задумался над тем, как могла немецкая нация, давшая человечеству гениев-писателей, композиторов, философов, дойти до такой мысли, как уничтожение целого народа. Я жил с этой болью, с этим недоумением очень долго», – писал великий актер XX века Иннокентий Смоктуновский.

Хроника.

Красная армия мужественно, на всех фронтах боролась с гитлеровцами – жестоким и сильным врагом.

Зима сорок первого года –

Тебе ли нам цену не знать.

И зря у нас вышло из моды

Об этой цене вспоминать.

(К. Симонов)

Блокадный Ленинград. В городе голод и холод. 125 граммов хлеба на человека. Умирают более пятисот тысяч человек.

Немцы приветствуют Гитлера, Геббельса, Геринга и других правителей Германии.

В крохотном ярославском городке Данилове, откуда пошел род Дорониных, эта фамилия – одна из самых распространенных, и хотя Татьяна Васильевна родилась в Ленинграде, она часто приезжает в Данилов – здесь корни ее предков, здесь прошло ее военное детство после эвакуации из блокадного Ленинграда.

Во втором классе учительница Валентина Васильевна Харченко прочла поэму «Сын артиллериста» Константина Симонова, и Тане так понравилось, что она ее быстро выучила и стала читать по просьбе учителей в разных классах и даже в педагогическом техникуме.

Несмотря на холод, зал техникума был переполнен студентами и преподавателями, одетыми в зимнюю одежду. Таня в шубе и больших бабушкиных валенках, стоя на сцене, читала:

... И на командном пункте,

Приняв последний сигнал,

Майор в оглохшее радио,

Не выдержав, закричал:

– Ты слышишь меня, я верю,

Смертью таких не взять!

Держись, мой мальчик,

На свете два раза не умирать.

Никто нас в жизни не может

Вышибить из седла! –

Такая поговорка

У майора была...

(Роль Танечки Дорониной замечательно сыграла в фильме восьмилетняя Даша Бурляева – дочь Николая Петровича Бурляева, моего друга.) **Хроника**

Под руководством полководцев Георгия Жукова, Константина Рокоссовского и других военачальников Красной армией были разгромлены немцы под Москвой, прорвана блокада Ленинграда, выиграна Сталинградская битва, битва на Курской дуге. Немцы бегут. Главнокомандующий фельдмаршал Паулюс вместе со штабом сдается в плен в Сталинграде. Немецкие солдаты почти в лохмотьях сдаются тысячами, чтобы сохранить свою жизнь. Оно бы напоминало новым поколениям немцев о победе Красной армии над развязавших их предками войну против России.

Красная армия одолевает гитлеровцев. Это была нелегкая, но великая Победа.

Красная армия на улицах поверженного Берлина. В окнах белые простыни. Знамя Победы над Рейхстагом – жаль, что его не сохранили навсегда разрушенным, разгромлена канцелярия Гитлера. Валяется огромный глобус мира Гитлера – мечты фюрера завоевать мир.

Хроника

Закончили жизнь самоубийством Гитлер и его любовница Ева Браун, ставшая в день самоубийства его женой. По приказу Гитлера эсэсовцы сожгли их тела на костре. Геббельс умертвил своих пятерых дочерей, затем застрелился вместе с женой, и эсэсовцы также сожгли их. Трупы пятерых девочек, одетых в белые платья, остались лежать на асфальте. Кейтель подписал безоговорочную капитуляцию Германии.

Парад Победы на Красной площади. Его принимает маршал Жуков, командует парадом маршал Рокоссовский, советские воины бросают знамя Гитлера и другие немецкие знамена к подножию Мавзолея Ленина. Суд в Нюрнберге (где проходили парады гитлеровцев) приговаривает фашистских руководителей Германии к смертной казни. Их казнят через повешение в тюрьме, а прах развеют неизвестно где.

Закончилась война. Отец вернулся живым. Доронины опять в любимом Ленинграде. Снова переулочек Ильича, где все так близко: пять минут ходьбы до Большого драматического театра. Оттуда двенадцать минут пешком до Александринки, театра им. Пушкина, Дворца пионеров, который появился в жизни Тани сразу по возвращении из эвакуации – это двадцать минут по Фонтанке. В Большой драматический театр, в Александринку Таня Доронина всегда ходила по воскресеньям – на галерку, за три рубля, которые всегда можно было выпросить у родителей. «Какое счастье, что мне удалось видеть в самом расцвете гениев – и Николая Константиновича Черкасова, и Николая Константиновича Симонова», – вспоминает Татьяна. Она самозабвенно мечтала быть актрисой. Ее творческая биография началась в 1948 году. Она приехала в Москву в Школу-студию МХАТ, которую открыли во время войны в 1943 году. Приемную комиссию возглавлял тогда Павел Владимирович Масальский. И Доронина поступила. Без знакомств, без блата. Да, она сумела доказать прекраснейшую из истин – талант побеждает! Талант у нее был необычный. Но вот обычного аттестата зрелости у нее не оказалось, ибо... Татьяна Доронина училась тогда в восьмом классе. И самым медленным, самым дешевым поездом она вернулась в Ленинград.

Через два года ринулась туда же, в ту же реку. Но параллельно еще в ГИТИС, и в Щукинское, и в Щепкинское для страховки. Везде успела. Везде сдала по специальности и везде была принята. А выбрала МХАТ. На одном курсе с Дорониной учились будущие звезды – Евстигнеев, Басиладзе, Сергачев, Казаков. Так зародилась легенда. Легенда-быль о победительнице.

Доронина была самой любимой ученицей Бориса Ильича Вершилова за все годы его преподавания. Это именно он сумел раскрыть актерскую индивидуальность в молодой актрисе.

По окончании школы-студии МХАТ Татьяна Доронина мечтала работать в Великом театре, созданном Станиславским и Немировичем-Данченко, – Московском Художественном театре, театре Антона Павловича Чехова и Алексея Максимовича Горького, а затем – Михаила Булгакова.

Кадр из фильма «Старшая сестра». Татьяна Доронина и Михаил Жаров

После Чехова и Горького драматургия Булгакова стала знаменем, новой «Чайкой» МХАТа, Булгаков во многом определил будущее второго МХАТовского поколения. Он по праву таланта продолжил и развил лучшее в отечественной драматургии. *«Первый спектакль, который я увидел на сцене художественного театра, был «Дни Турбиных». Впечатление было ошеломляющим. Ощущение от полученного тогда эмоционального художественного удара вот уже тридцать лет живет во мне, его невозможно ничем заглушить, хотя с тех пор я видел так много спектаклей»,* – вспоминал Георгий Александрович Товстоногов.

«Михаил Афанасьевич Булгаков вольно или невольно для меня – мерило «всего и вся», – написала Доронина в своей книге «Дневник актрисы».

Но ее мечты не сбылись. Она была направлена в Волгоградский драматический театр, несмотря на заявки и предложения работать в московском театре Маяковского у Охлопкова, в Александринке в Ленинграде...

У Дорониной хватило сил «потом», да и «тогда» сделать вид, что она ничего не знает, ничего не понимает. Но остался «счет» в сердце и боль от несправедливости, и остался рассказ Вершилова, и слезы его, которые он так старался скрыть: «Не надо огорчаться. Все будет как должно. МХАТ – не единственный театр в стране. Я рассказываю вам, чтобы вы хоть немного стали взрослой. Сделано все, чтобы вас не было в театре. И сделано это не сегодня, на худсовете, а еще год назад».

1956 год вернул Татьяне Дорониной любимый Ленинград. Театр на Петроградской. Театр прекрасен. Он стоит чуть в глубине, закрыт от машин и трамваев деревьями. Актёрские гримерные – все одинаковые, квадратные, с широкими окнами. Татьяна Доронина с мужем Олегом Басилашвили живут в гримерной на третьем этаже. В общежитии все комнаты заняты, и их поселили пока здесь.

Доронина была приглашена в Театр имени Ленинского комсомола на роль Женьки Шульженко в пьесе Александра Володина «Фабричная девчонка».

«Центральную роль театр доверил Татьяне Дорониной, – писал «Вечерний Ленинград» в 1957 году, – в прошлом году окончившей Школу-студию МХАТ. Образ Шульженко – не только свидетельство интересных творческих данных молодой актрисы, но и результат большого упорного труда. Своим успехом спектакль всецело обязан исполнительнице главной роли – Татьяне Дорониной, впервые выступившей на сцене Ленинграда».

Эта роль принесла ей звание лауреата Всесоюзного театрального конкурса за лучшее исполнение женской роли.

«Эту маленькую медаль я храню как символ моего «начала», как память о том зрительном зале, который дал мне веру в свои силы, дал жизнь на будущее».

Ее любимый педагог по Школе-студии МХАТ, ученик К.С. Станиславского Борис Ильич Вершилов прислал ей письмо, которое заканчивалось словами: «Только не успокаивайтесь, не думайте, что завоевали площадку за свой первый сезон. Вы только чуть набрали воздуха в легкие, полет – впереди».

Три года работы в Театре имени Ленинского комсомола, в котором актриса наконец получила главное – возможность играть. Она играла по три-четыре премьеры в год. Ольга в «Обломове» И. Гончарова (режиссер А. Винер), Оксана в «Городе на заре» А. Арбузова (режиссер Р. Сусливич), Вавка в «Маленькой студентке» Н. Погодина (режиссер И. Владимиров), Санька в «Интервенции» Л. Славина (режиссер А. Пергамент), Липочка во «В поисках радости» В. Розова (режиссер А. Белинский).

В 1959 году в театр Ленинского комсомола пришел великий режиссер БДТ Георгий Александрович Товстоногов – принимать дипломную работу своего ученика Игоря Владимировича, спектакль «Маленькая студентка» Николая Погодина, в котором Татьяна Доронина играла, что называется, характерную роль – генеральскую дочь Вавку. Георгий Александрович сразу заметил молодую талантливую актрису и заговорил о ее сценическом диапазоне, о большой «палитре».

Короткий путь от театра до общежития, куда переехала с мужем Татьяна Доронина, она проделала в танце, кружась в вальсе. Она пела на счет «раз-два-три» только одно слово «ди-а-пазон» на мотив вальса Штрауса. В жизни Дорониной этот день стал определяющим...

На следующее утро позвонила Дина Морисовна Щварц, завлит Большого драматического театра, и пригласила Доронину на переговоры по поводу ее перехода в БДТ к Товстоногову.

Гулкая пустота зрительного зала Большого драматического театра, которая была связана с пребыванием на галерке, там, наверху, теперь сменится аншлагами и выражением «ходить на Доронину». Началась потрясающая работа с замечательным режиссером. Ее партнерами тогда были талантливейшие Павел Луспекаев, Евгений Лебедев, Владислав Стржельчик, Кирилл Лавров, Олег Борисов, Ефим Копелян, Иннокентий Смоктуновский, Сергей Юрский...

«Ах, как мне хочется играть, как мне хочется жить», – написала в своем дневнике восемнадцатилетняя актриса Мария Ермолова. «Играть – значит жить» – таково ее художественное кредо. И эта ермоловская формула – основа творческой судьбы Татьяны Дорониной.

Товстоногов – один из немногих режиссеров, «истинно любящих» актеров, этих взрослых детей, иногда жестоких, как дети, иногда доверчивых, как дети. Чтобы «полюбить» этот необыкновенный сплав качеств, надо иметь сердце, способное вместить большую боль и большую радость.

Товстоногов дал актрисе возможность работать в огромном диапазоне, и Доронина была одинаково убедительна, играя Достоевского, Чехова, Грибоедова, Горького, Корнейчука, Арбузова, Зорина. Этот период творчества Татьяны Дорониной определен критиками и зрителями как взлет, как открытие большим режиссером уникальной индивидуальности. Ее назвали «великой», когда ей не было еще и тридцати лет. Маша в «Трех сестрах», Софья в «Горе от ума», Лушка в «Поднятой целине», Надя в «Старшей

сестре», Лоллия в «Римской комедии» – явления необычайные по своему новаторскому, художественному значению. «Так еще никто не играл!» – словно сговорившись, утверждали ведущие критики Советского Союза.

Единодушно с восхищением была принята зрителями и критикой ее Надежда Монахова в пьесе «Варвары» М. Горького. «Было много исполнительниц роли Надежды, – писали театральные издания, – но не припоминается такой подлинной и страстной веры в предлагаемые обстоятельства». «Монахова Дорониной для всех – вожденная и никому не доступная, она сводила мужчин с ума. Женщины стыдились ее, завидовали ей и боялись ее».

В «Дневнике актрисы» Татьяна Доронина вспоминает первую репетицию в БДТ: «Вошел Товстоногов. Он поздравил всех с началом работы над хорошей пьесой и сказал: «Прошу». Это означало, что сразу начнем читать “по ролям”».

Товстоноговское решение спектакля складывалось «до того», как он приходил на первую репетицию. Решение созревало и ясно проступало уже тогда, когда вывешивали распределение ролей. В этих его распределениях оно и выявлялось. То была высокая профессиональность, замечательное видение и безошибочное угадывание.

«После, работая в других театрах с другими режиссерами, я часто вспоминала «метод» Товстоногова, – вспоминает Доронина. – Он не любил болтовни «около» ролей, пьесы. Он был лаконичен и понятен в своих требованиях и пожеланиях».

«Я бегу по Летнему саду, бегу сквозь переливы света и тени. Так, на бегу, хорошо говорить текст роли. Приходят неожиданные оценки, повороты, не свойственные мне.

Надежда почти всегда статична внешне и очень интенсивна внутренне.

Когда восторг, когда любишь, когда все, о чем мечтал, сбывается и он говорит: «Ты любишь меня, да? Ну? Говори – любишь?..» – сказать в ответ «Да, да, да!» надо так, как говоришь после длинного бега по аллеям этого сада, в котором «шепчутся белые ночи» Анны Ахматовой. И я почти кричу это «Да, да, да!», глядя в черные луспекаевские бездонные зрачки, и слышу, как стучит мое сердце».

Именно с роли Монаховой в «Варварах» начался «золотой век» Дорониной, знаменующий веховым открытием для актрисы любимого образа – Настасьи Филипповны в «Идиоте» Достоевского. Мышкина играл великий Смоктуновский, потом Озеров, генерала Епанчина – Сафронов, генеральшу – Казико.

Через шесть лет после премьеры БДТ отправляется на гастроли в Лондон и Париж со спектаклем «Идиот». Это было победное шествие одного из лучших театров мира, одного из величайших режиссеров эпохи.

«Выезжая в Лондон, мы немало волновались, ведь это наша первая встреча с Англией. Играли в театре «Олдвик». Но вот гастроли окончились. Впечатление от них радостное.

Каждый вечер в переполненном зале после окончания спектаклей долго не смолкали аплодисменты. Сами англичане отметили редкое для английской прессы единодушные в оценке нашей работы.

Восторженные рецензии опубликованы во многих газетах и журналах.

Восторженно принимали «Идиота». Особенно исполнителя роли Мышкина – Иннокентия Смоктуновского, знакомого англичанам по фильму «Гамлет» Григория Козинцева», – вспоминает Георгий Товстоногов. Триумф Смоктуновского и Дорониной, его триумф, триумф Товстоногова, триумф театра...

«После Лондона мы играли в Париже, в здании театра Сары Бернар недалеко от набережной Вольтера. По сравнению с БДТ помещение казалось аскетичным, почти некрасивым. Гримерная, отведенная Дорониной, – гримерная самой Сары, тоже была аскетичной и некрасивой. В зале сидели во втором ряду в основном эмигранты первой волны. На своем месте в середине сидел Феликс Юсупов. Он не пропускал спектаклей русского театра никогда. И хотя был стар и болен – пришел и на сей раз.

Татьяна Доронина в фильме «Старшая сестра»

Публика в зале в большинстве своем понимала по-русски. Это было ясно по реакции. Глаза зрителей, глядевших на Кешу во время поклонов, были такие же, как в Ленинграде, – заплаканные и восторженные. Сомневаться в оценке – превосходной, высочайшей – не приходилось. И Кеша опять тянул к ним свои выразительные руки и прижимал к сердцу цветы, от которых, как он потом скажет, его руки устали. У французов был свой Мышкин, любимый Жерар Филипп. Сравнения оказались неизбежными. Через некоторое время в Ленинград приехал сэр и пэр Англии Лоуренс Оливье. Великий, неповторимый актер Лоуренс Оливье, прославившийся в экранизациях шекспировских пьес «Генрих V», «Ричард III», «Гамлет», блестяще сыгравший с Вивьен Ли в фильме «Мост Ватерлоо» и «Леди Гамильтон». Он был нам знаком не только по фильмам, а еще и как наш восторженный зритель. Приехав в Ленинград, он пошел в театр к нам, в БДТ.

После окончания спектакля он пришел за кулисы, чтобы поблагодарить актеров.

«Он вошел ко мне в гримерную, заполнив ее своей огромностью, обаянием и приветливой улыбкой. Он протянул мне маленький синий футляр. Я открыла. Кольцо, сияющее каким-то голубоватым светом. Он взял мою руку и надел это кольцо мне на палец. Не выпуская руки, сжимая ее в своих теплых ладонях и глядя в глаза, он говорил что-то. Я ничего не понимала, но это было не важно, важны были интонации и то тепло, которое излучал он собою. Переводчица, улыбаясь, перевела кратко: «Это как обручение. Сэр Лоуренс Оливье обручился с вами. Это актерское обручение». Я поцеловала кольцо, потом поцеловала его прекрасное лицо. Он наклонился и поцеловал мои руки. Кольцо я не снимала.

Этот знак «актерского обручения» я носила, как носят орден самой высокой степени достоинства», – вспоминает Татьяна Васильевна Доронина.

Доронина с большой радостью репетировала роль Маши в «Трех сестрах» Чехова, ей хотелось решить ее по-своему. Почему с первого акта до четвертого проходит тема «у лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том»? Что значит «лукоморье»? Она прочитывает пушкинское понимание лукоморья – это заветная Россия, та, которую необходимо возродить. И тогда самый трагический кусок в роли Маши Прозоровой найден: лукоморье – оно определяющее, главное.

После шести ослепительных товстоноговских сезонов ее внезапный уход из БДТ и сегодня кажется необъяснимым. В 1966 году актрису приглашают в Москву, во МХАТ имени М. Горького.

Труппа театра состояла из индивидуальностей разных поколений. Они главенствовали, царили, блистали. Они восхищали, беря сердца зрителей в полон. На эту сцену в разные годы выходили Москвин, Ливанов, Добронравова, Хмелев, Качалов, Андровская, Тарасова, Зуева,

Еленская, Тарханов, Яншин, Степанова, Соколова, Топорков, Книппер, Терехова, Леонидов...

У величайшего Бориса Ливанова Доронина играет свою первую роль во МХАТе – Грушеньку в «Братьях Карамазовых». Потом были Глебова в «Ночной исповеди», Настенька в «На дне», Маша в «Трех сестрах», Она в «О женщине», Дульсинея Тобосская в одноименной пьесе Володина...

С Татьяной Дорониной на репетиции «Старшей сестры»

В 1967 году Товстоногов приезжал за Татьяной Дорониной в Москву. Сначала была телеграмма: «Буду тогда-то и буду звонить». Он позвонил в назначенный час. Она пришла в гостиницу «Москва», поднялась на третий этаж и постучала в дверь номера. Товстоногов сказал, что замены в театре ей нет, что он будет очень рад, если она вернется. Сейчас, думая, анализируя ее решение-отказ, можно представить, чего Товстоногову, при его самолюбии, гордости, стоила эта назначенная им встреча и просьба о возвращении обратно в БДТ... Она отказалась. Главный режиссер Театра имени Вл. Маяковского Андрей Гончаров пригласил Татьяну Доронину играть Дульсинею в «Человеке из Ламанчи» Ф. Вассермана. Нового в спектакле было в изобилии. В первую очередь незнакомый жанр – зарождавшийся на нашей сцене мюзикл, с хорами и массовыми танцами. Доронина пела сольно. Статная, грациозная славянская красавица, скуластая и сероглазая, в Дульсинею после шолоховской Лушки она продолжила линию своих «народных» ролей. В 1972 году состоялась премьера этого прославленного спектакля, и начался «гончаровский период» в творчестве актрисы. Ее партнером был Александр Лазарев.

Шумный и заслуженный успех сопровождал ее во всех спектаклях театра Маяковского. Доронина органично вошла в стилистику постановок Гончарова, сочетавших остроту пластической формы с основами реалистического театра. Отдельно стоит спектакль по пьесе Роберта Болта «Да здравствует королева, виват!». Уникальный в истории театра случай – актриса играет в одном спектакле две главные женские роли – Марию Стюарт и Елизавету Английскую. Этого до нее не делал никто.

В дни юбилея Георгия Александровича Товстоногова Доронина приезжала в Ленинград

поздравить его и пожелать здоровья и успехов...

Молодой режиссер Александр Вилькин поставил чеховскую «Чайку». Неожиданно, ново, не похоже ни на кого. Доронина играла Аркадину и доказала правоту автора в том, что по жанру «Чайка» – комедия. Она и играла комедию – без нажима, без пошлости, определяя неожиданные оценки, повороты, психологические ходы так, как только ее Аркадиной было доступно и свойственно.

Были работы и в других столичных театрах. «Спортивные сцены 1981 года» в театре Ермоловой, «Живи и помни» талантливейшего из наших современников Распутина в театре «Сфера»...

И вот в самый разгар успеха в Маяковке она вдруг оставила этот театр, чтобы в который раз начать все заново. Опять МХАТ влечет ее, не дает покоя. Ее уход – скорее интуитивный, это веление внутреннего голоса. Тогда она не могла даже в самом фантастическом сне увидеть ту «роль», которую ей в скором времени предложит судьба...

Доронина вернулась во МХАТ. Это был 1983 год. В репертуаре актрисы – «Скамейка» Гельмана, где вторую главную роль с ней замечательно сыграл Олег Табаков. Других ролей актрисе не давали. Атмосфера в театре жаркая, она – словно миниатюра грядущих великих и трагических перемен в России. Площадкой для генеральной репетиции кровавого 1993 года был первый государственный драматический театр страны – МХАТ СССР им. М. Горького.

1987 год. Образовались два МХАТа: МХАТ им. Чехова, в дальнейшем переставший называться академическим, во главе с Ефремовым, ныне Табаковым, и МХАТ им. М. Горького. Народная артистка СССР Татьяна Васильевна Доронина была единогласно избрана художественным руководителем МХАТа имени М. Горького, театра, которому суждено было состояться вопреки. Для театра началась новая эпоха. Выживание.

Противостояние. И... восстановление.

Предназначение драматического театра всегда определялось словом «духовность». Следовать традиции того МХАТа Станиславского и Немировича-Данченко, который был и долгое время оставался лучшим драматическим театром страны, – это та задача, которую поставила перед труппой Татьяна Доронина, та основа, которая и позволила выжить.

Сейчас во МХАТе им. М. Горького под руководством Т.В. Дорониной – богатый классический репертуар, преимущественно это русская классика. Она сама играет главные роли в пяти спектаклях «Лес» А. Островского, «Вишневый сад» А. Чехова, «Старая актриса на роль жены Достоевского» Э. Радзинского, «Зойкина квартира» М. Булгакова, «Васса Железнова» М. Горького. Также она является режиссером многих постановок: «Женитьба Белугина», «Русский водевиль», «Белая гвардия», «Униженные и оскорбленные», «Кабала святош» М. Булгакова (этот спектакль был поставлен во МХАТе еще при жизни Михаила Афанасьевича и после трех представлений запрещен).

Творчество Татьяны Дорониной теперь набирает новую высоту. До сих пор больше вспоминались прежние работы и фильмы. Но ее талант не остался в прошлом. Она и теперь отвечает на непростые вопросы современности. Она рискует, ее театр не похож ни на один другой, он гоним, но он истинно любим и востребован совестливыми сердцами в мире свободы от совести.

Символом современной Дорониной является спектакль «Старая актриса на роль жены Достоевского» Эдварда Радзинского, в котором Татьяна Васильевна виртуозно исполняет три роли, сплетающиеся в одну драму, имя которой – судьба русской актрисы Татьяны Дорониной. Спектакль, бесспорно, во многом автобиографичен. Поставил его замечательный режиссер Роман Виктюк.

В репертуаре актрисы – и «Вишневый сад», Раневская. Роль, о которой Татьяна Васильевна мечтала очень долго, вынашивала, любовалась... И вот недавно спектакль отметил свой двухсотый показ. И не было среди этих двух сотен ни одного выхода, похожего на другие! Каждый спектакль для Татьяны Васильевны – праздник встречи с гениальным драматургом, каждый раз – открытие чего-то нового, неизведанного. А в центре – ТЕМА, вечная, от которой щемит сердце... Можно сказать, что в рыночном обществе продажно все.

Но это не так. И это хорошо понимал Чехов, воплотивший в себе совесть русской нации.

Если мы остались людьми, мы точно знаем, что нельзя продать совесть, честь, дружбу, любовь и многое другое. Для Раневской-Дорониной вишневый сад – это ее детство и юность, ее воспоминания о матери, о счастье прошлой любви, место гибели сына. Постепенно понимаешь, что Раневская, несмотря на свою кажущуюся слабость и ранимость, сильная духом женщина. Она поднялась до величайшей силы духа, потому что не приемлет ту жизнь, в которой красоту могут продать.

Любовь Андреевна: «...Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса?..

Ведь я родилась здесь, здесь жили мой отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом...» (А.П. Чехов. «Вишневый сад».)

Татьяна Васильевна находится в постоянном поиске тем, образов, новых прочтений ролей, способных всколыхнуть и – больше – потрясти сердца современников, заставив их чувствовать, любить, сострадать – то есть быть живыми. Дорониная всегда попадает в болевую точку проблем нашего времени. Так произошло и в спектакле «Васса Железнова». Васса в исполнении легендарной Пашенной, поражающая нас когда-то своим расчетливым умом «преступного типа человека», вдруг обернулась у Дорониной живой душой. И вот оно – рождение новой Вассы. Сложной, противоречивой, диссонирующей – и очень нам современной. Васса Дорониной, оказывается, способна любить – она мать. Тему материнства актриса прочитывает как сквозную тему роли, трактует ее как явление миру спасительной доброты, идущей не только от душевной щедрости, но, и это главное, от чувства сострадания к человеку. Эта традиция уходит своими корнями к особой цельной концепции мира, черпающей силы в нравственном законе природы, велящем человеку созидать, строить, а не разрушать. Татьяна Дорониная в очередной раз раскрыла те лучшие качества, которые всегда были присущи нашей женщине. И вместе с тем отразила предчувствие будущего общества – страны людей, любящих Родину и готовых отдать ради нее все.

Имя народной артистки СССР Татьяны Васильевны Дорониной благодаря ее природному таланту, труду, мере отдачи искусству, сцене стоит в ряду великих русских актрис. Она по праву продолжательница традиций легендарных П.А. Стрепетовой, М.Г. Савиной, В.Ф. Комиссаржевской, М.Н. Ермоловой, А.А. Яблочкиной, М.П. Лилиной, М.Ф. Андреевой, О.Н. Андровской, К.Н. Еланской, А.П. Зуевой, А.И. Степановой, В.П. Марецкой, А.К. Тарасовой.

Татьяна Дорониная – актриса уникальной школы русского реалистического театра.

Заканчивается фильм сценой столетнего юбилея МХАТа имени М. Горького. Затем

Дорониная читает монолог Белинского «Любите ли вы театр...»:

«Театр! Вы любите театр? Я хочу спросить, вы любите театр, как люблю его я, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем иступлением, к которому способна только пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?.. Театр – это храм, это подлинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, забываете о житейских отношениях. Здесь ваше холодное «я» исчезает, растворяется в пламенном эфире любви».

ЧИТАЕТ ОНА ГЕНИАЛЬНО!

«Театр – он мое счастье, мое спасение, моя боль, моя великая радость!» – это слова народной артистки СССР Татьяны Дорониной.

Дорониная – всегда героиня. Любимая, нелюбимая, брошенная, обретенная. Странная. Непревзойденная. Ужасная. Нет – ужасно принципиальная. Этот ряд эпитетов хочется продолжать бесконечно. И рассматривать эту глыбу, мощную актрису и женщину можно с удивлением, будто рассматриваешь айсберг, понимая, что за видимой частью таится еще больше непостижимого. Отчего впадаешь в восторг и трепет. Все равно что блуждаешь по темному лабиринту – и тянет, и жутко.

Она все сама – сама актриса, сама режиссер, начальник, хозяйка. Разбила не одно мужское сердце. А сколько покорила?! Своими огромными глазами. Своим удивительным голосом.

Что еще о ней можно сказать? Нет – пусть о ней говорят другие. Причем мужчины, причем замечательные, с которыми ее на сцене и на экране связывала любовь. Эту любовь Татьяна Доронина делала всегда с большой буквы.

Александр Лазарев: «Все меня спрашивают про «Еще раз про любовь», а ведь у нас до этого была картина «На ясный огонь». Татьяна играла подпольщицу, а я – актера варьете, тоже подпольщика. А потом уже случилось «Еще раз про любовь». Господи, как давно это было. И с течением времени все иначе переоцениваешь. Я тогда был молодой артист, а она уже звезда. Да, она могла построить, и не только меня – всех. Нелегко было, я обижался. Но только теперь понимаю, что все было справедливо. Она требовала дисциплины, отдачи, и если вокруг бардак – скандал гарантирован. Потому что лично она всегда была настолько готова. И она очень умный человек. Она понимала, что если в картине все возьмет на себя, то одна не вытянет. Ей нужен партнер, а партнером был я. Я сейчас понимаю, что она – глыба, мощь. Трудоголик, фанатик, раб на галерах. Из всех артистов, с которыми я работал, могу великими назвать только двух – Армена Джигарханяна и ее – Татьяну Дороницу».

Эммануил Виторган: «Я Татьяну Васильевну знаю очень давно, еще с Ленинграда. И как громадное большинство молодых людей, я был от нее без ума. Ее спектакли – «Варвары», «Горе от ума», «Идиот» – этого забыть нельзя. Короче, влюбился в нее, как только увидел, и был рад, что Олег Басилашвили привез ее в Ленинград. Татьяна Васильевна всегда вызывала повышенный интерес, и не только у мужчин, но и у женщин. В Доме актера, куда она приходила, за ней женщины наблюдали – как она потрясающе выглядит, и хотели понять, что им-то делать, чтобы выглядеть так. Она не идет на компромиссы и ни под кого не подстраивается».

Армен Джигарханян: «Я много с ней играл. Самая главная любовь у нас была в спектакле «Да здравствует королева, виват!». У нее всегда потрясающая готовность к работе.

Я, например, знаю, что она специально одевалась на репетицию. Или вот еще – однажды стоим в кулисах, смотрим на сцену в ожидании выхода в спектакле по Уильямсу. Она так долго смотрела, смотрела и в сердцах сказала: «Ни черта не понимаю!»

Помню, очень мучительно снимались вместе в одной ленте. И как-то после съемок я подвозил ее на своей машине домой (мы жили в одном районе). Я сказал ей: «Татьяна, ну что ты мучаешь всех?» А она бесхитростно так сказала: «Я не уверена. Это от моей неуверенности». Вот это признание большого человека, большой артистки.

Знаешь, какая проблема? Она не из формулы «растворяется в партнере». В ней нет общепринятой любезности, и когда она шла на сцену, нежелательно было пересекать ей дорогу. Но мы должны простить это и понять – ради чего она так жила и живет в театре. Она очень самостоятельна. Она может нравиться или не нравиться. Но она великая. Великая труженица».

Леонид Неведомский: «Меня утвердили на главную роль в фильме “Мачеха”, и я до сих пор уверен, что это она меня выбрала. Правда, многие коллеги меня сразу начали жалеть – с ума сошел, с ней играть! Это же жуть, кошмарный характер! Говорю как на духу. Мне с ней было так хорошо, так легко и комфортно, что день моего утверждения на роль считаю самым счастливым днем в своей жизни.

Более того, она позволила под меня изменить сценарий, и я сам дописал себе монолог. Она – человек закрытый, не очень общительный даже на площадке. Когда мы ее забирали из дома на съемки, она садилась в машину, и мы никогда, как с другими артистами, ничего не обсуждали, не повторяли текст. Она всегда была в себе. Ну что тут говорить – королева».

Эдвард Радзинский: «Доронина – великая актриса, которая трудно вписывается в жизнь нашей нынешней театральной лилипутии. Она особенная, она родом из великого театра –

Большого драматического, который можно сравнить только с МХАТом времен Станиславского. Там была труппа – Смоктуновский, Луспекаев, Лавров, Копелян, Юрский,

Басилашвили, Олег Борисов, Стрельчик, могу продолжать дальше... И режиссер-гений – Товстоногов. И в этой труппе она была Первой Актрисой. Играла все главные роли. Иногда по тридцать спектаклей в месяц. Кто не видел ее в БДТ – тот не видел Театра.

После такого режиссера, после такой труппы – как ей было жить? Все режиссеры для нее были малы, пожалуй, в этом ее трагедия. Она умудрилась сыграть в кино несколько главных ролей, став суперзвездой явочным порядком (под дружное неодобрение критики и дружный восторг зрителей). Три фильма с ее участием стали, говоря птичьим языком, культовыми. И после такого сверхуспеха... ее перестали снимать. Не правда ли, очень по-нашему? Любимая – что имеем, не храним, а потерявши плачем. Жить ей трудно, ибо у нее беда для нашего “нормального мира” – у нее убеждения, которым она следует. Мне кажется, она единственная актриса, которая может сыграть царевну Софью и боярыню Морозову. Они для нее – свои».

Мне дорого признание Татьяны Васильевны Дорониной, которое она сделала в интервью газете «Собеседник» (№ 36 за 2003 год). На вопрос: «Недавно в телебеседе Георгий Натансон («Старшая сестра», «Еще раз про любовь») назвал вашу постельную сцену с Лазаревым первой эротической сценой, снятой в Советском Союзе. Вы бы стали делать на этом акцент?» Татьяна Васильевна ответила: «Я недостаточно знакома с кинематографом, мое дело все-таки театр. Поэтому если Георгий Григорьевич так сказал, я не могу не согласиться. Значит это так. Тем более что я его безгранично уважаю. Это не только большой режиссер, с которым связана моя удача и зрительское признание, но и прелестный, милый человек». Михаил Михайлович Рощин, посмотрев фильм «Да здравствует королева, виват!», дал такой отзыв о нем:

«Мне очень понравился фильм Георгия Натансона о Татьяне Дорониной. Признаться, я даже не ожидал, что он будет настолько хорош, потому что сложно сделать документальную ленту о такой великой актрисе и охватить всю ее многогранную творческую судьбу.

Кажется, Георгию Григорьевичу это удалось».

У меня всегда был какой-то пиетет перед Татьяной Васильевной. Я ее очень люблю как актрису и режиссера и безгранично уважаю как человека. Впервые оценил ее актерский дар во время просмотра спектакля БДТ «Варвары». Она была блистательна в постановках Большого драматического. Но именно Георгий Григорьевич открыл Доронину для кино, и у них сложился прекрасный творческий тандем, хотя, не скрою, бывали моменты, когда Доронина по своей манере немножко капризничала. Однако это уже было несущественно.

Существенно то, что она делала. А делала она свое дело, безусловно, хорошо.

И мне было любопытно еще раз проследить вехи творческой судьбы этой прекрасной актрисы. Тем более что режиссер фильма – Георгий Натансон. Человек, который очень любит Татьяну Доронину».

Глава 21 Москва, я люблю тебя

В 2008 году Егор Кончаловский, сын Андрона Кончаловского, решил стать продюсером фильма «Москва, я люблю тебя!», состоящего более чем из двадцати новелл. Известно, что прежде французский режиссер снял киноальманах, имевший мировой успех, – «Париж, я люблю тебя». В число режиссеров Егор пригласил и меня...

Для этого проекта по сценарию моей ассистентки Людмилы Темновой, с которой я работал над документальными фильмами о М. Булгакове, я создал фильм «Мелодия» – о девушке, провалившейся на конкурсе имени П.И. Чайковского и решившей погибнуть, бросившись под автомобиль, но спасенной вовремя затормозившим мотоциклистом. Игнали совсем молодые актеры Нелли Цай и Илья Алексеев. Снимали два дня возле здания Московской консерватории, под дождем и в отчаянную холодину.

Торжественная премьера состоялась в кинотеатре «Пушкинский», где обычно проходят Московские международные кинофестивали. Зрителей было много, смотрели с любопытством и фильму аплодировали.

К моему девяностолетию телевидение показало изящный документальный фильм Людмилы Темновой «О кино и не только...». Мне очень приятно, что в этом фильме отразилась моя любовь к Москве. Хочется произнести несколько слов о родном моему сердцу городе...

С Натальей Фатеевой на съемках фильма «Палата»

Москва – мой любимый город. Я за свою долгую жизнь побывал и в Париже, и в Лондоне, и в Мадриде, и в Токио, и в Барселоне, которую почему-то особенно полюбил. Там есть черная Мадонна, единственное подобное изображение на свете. Я хотел, чтобы она меня благословила. Может, это и свершилось... Когда расстаешься с Москвой, скучаешь по ней безумно. Через пять дней, через неделю, а уж через полмесяца и подавно стремишься скорей вернуться в Москву. Москва – это как любимая женщина, с которой расходишься на малый срок и скорее, скорее торопишься ее увидеть, снова ее целовать, обнимать и говорить: «Люблю, люблю, люблю!»

23 мая 2011 года мне исполнилось девяносто лет. С подачи Юрия Сергеевича Кушнерова, директора Кинотелестудии «Ритм» киноконцерна «Мосфильм» был устроен прием в мою честь в ресторане (для меня бесплатный), на который пришли дочка Марина, внучка Анастасия с мужем Максимом, друзья Олег Табаков и Марина Зудина с пятилетней доченькой Машенькой и многие другие. Олег произнес добрую застольную речь, вспоминая наш «Шумный день» и «Валентина и Валентину», где снялась его жена Мариночка. Машенька вела себя чрезвычайно самостоятельно, накладывая в свою тарелку все, что приглянулось ей вкусенького. Я был очень признателен им за оказанное мне внимание. Всегда бываю рад встрече с этими замечательными людьми.

Как-то раз Олег Табаков и Марина Зудина пригласили меня на спектакль МХАТа «Последняя жертва» по пьесе Островского, где они играют главные роли. Администрация театра проводила меня в сталинскую ложу справа от сцены, где обычно сидел вождь за занавеской, входил в полутьме, сидел в глубине, чтоб его не видели из зала. Перед ложей я вошел в небольшую комнату – в ней во время перерыва в спектаклях или по их окончании Сталин принимал Станиславского и Немировича-Данченко. Обычно в середине комнаты стоял столик с фруктами и вином. Не без робости я вошел туда. Сталин часто посещал

МХАТ, а его любимым спектаклем была пьеса «Дни Турбиных» Михаила Булгакова, которую он за нескольких лет посмотрел семнадцать раз. Известно, что Главрепертком в какой-то момент запретил булгаковские пьесы «Бег», «Зойкину квартиру» и «Дни Турбиных». На одном из спектаклей Сталин спросил у вошедшего Немировича-Данченко:

- А почему в репертуаре театра я не вижу «Дней Турбиных»?
- Так запретили этот спектакль, товарищ Сталин.
- А кто запретил?
- Главрепертком.
- Дураки сидят в Главреперткоме. Хмелев замечательно играет Турбина, а его усики снятся мне по ночам.

На следующий день Енукидзе, секретарь ЦИК, курирующий от имени правительства МХАТ, позвонил Немировичу-Данченко и поинтересовался, когда может быть восстановлен спектакль «Дни Турбиных».

- Месяца через три. Мы и декорации поломали.
- Товарищ Сталин будет у вас на спектакле через месяц.

Через месяц Сталин смотрел во МХАТе эту пьесу. Для Булгакова восстановление «Дней Турбиных» было полной неожиданностью, большой загадкой и радостью. Вновь толпы зрителей осаждали театр, стоя за билетами по ночам. Мне, мальчишке, посчастливилось два раза увидеть эту постановку с корифеями МХАТа – Хмелевым, Тарасовой, Добронравовым, Прудкиным и Яншиным. Забыть это невозможно. (Судьба Енукидзе, друга Сталина в юности, закончилась трагически – он был расстрелян по указанию Сталина, а за ним и директор МХАТа Боярский.)

Разумеется, я и во сне не мог мечтать, что буду в **2011 году** смотреть «Последнюю жертву», сидя в ложе Сталина, на его месте, закрытый от зала занавеской. Олег и Марина сыграли свои роли в «Последней жертве» блестяще.

По рассказу К.С. Станиславского, его знакомство со Сталиным произошло, когда он после спектакля вошел в ложу, где Сталин аплодировал актерам и представился своей подлинной фамилией – Алексеев. – Джугашвили, – ответил Сталин и пожал Станиславскому руку.

23 мая, в мой день рождения, рано утром почтальон принес приветственную телеграмму от президента Д.А. Медведева и премьера правительства В.В. Путина с поздравлением и очень добрыми пожеланиями. А в телеграмме Медведева было сказано, что к его поздравлению присоединяется его супруга. По Первому каналу телевидения показали обо мне фильм, снятый моими друзьями – известным журналистом Александром Казакевичем и режиссером Татьяной Варданян. Снимали в Москве и Санкт-Петербурге, на «Мосфильме» и «Ленфильме» с моим участием и рассказами о моей работе над фильмами, о жизни, подчас очень трудной, о моей вечной влюбленности в кино, об актерам, с которыми посчастливилось работать. 24 мая по телеканалу «Культура» показали новый фильм обо мне и моем творчестве, созданный Мариной Забелиной, талантливым и необыкновенно добрым человеком, и оператором Юрой, ее супругом. После их демонстрации были бесконечные звонки поздравлений друзей кинематографистов и просто зрителей.

22 мая, в день Николая Чудотворца, был учрежден Союз деятелей славянской культуры. Его учредителями стали деятели различных видов искусств: художник Александр Шилов, писатель Валентин Распутин, дирижер Владимир Федосеев и кинорежиссер Николай Бурляев.

В этот же предпраздничный для меня день Николай Петрович Бурляев, выдающийся деятель культуры России, позвонил мне и, поздравив с 90-летием, пригласил на завтра в Кремль, в Грановитую палату на торжественное заседание, посвященное учреждению Союза деятелей славянской культуры (СДСК) «Золотой витязь». В Грановитой палате я никогда не был. Из истории известно, что изначально Грановитая палата строилась как зал торжественных приемов и совещаний государей. И все последние 5 веков ее использовали именно в этом качестве. Можно вспомнить два самых ярких события, которые здесь

произошли. Царь Иван Грозный в течение трех суток отмечал здесь покорение Казани. А Борис Годунов пышно (одних только золотых блюд и чаш было больше 200) принимал здесь датского принца Иоанна, за которого он прочил свою дочь Ксению. Но главное, все русские государи по совершении обряда коронаования обходили кремлевские соборы, входили по Красному крыльцу в Грановитую палату, где для них приготавлился особый царский обед в присутствии высших чинов. В 1930-е годы крыльцо разобрали, но в 1990-х выстроили заново.

24 мая в Грановитой палате я обнимаю любимую Татьяну Васильевну Доронину, замечательного оператора «Иванова детства» Вадима Юсова, Наташу Бондарчук, Зинаиду Кириенко, Ларису Голубкину.

Открывая форум, Николай Петрович приглашает меня, Татьяну Васильевну Доронину и Вадима Юсова в президиум, поздравляет меня с днем рождения, вручает золотую медаль с изображением С.Ф. Бондарчука, диплом «За вклад в кинематограф» и букет цветов, который я передаю Татьяне Васильевне. Сидящие в зале эту церемонию сопроводили аплодисментами.

Новая международная организация объединит кинематографистов, литераторов, художников, музыкантов, театральных деятелей, журналистов под девизом «За нравственные, христианские идеалы, за возвышение души человека». Президентом СДСК «Золотой витязь» стал народный артист России Николай Бурляев.

Много раз бывая в Кремле в Георгиевском зале, я впервые оказался в Грановитой палате, стены которой украшены ликами святых. В этом зале – сама история России.

Когда я вошел туда, меня охватили особое волнение и трепет. Проведение торжественного заседания в этом уникальном месте разрешил лично президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Также в Палате находилось много священнослужителей, деятелей культуры Москвы, России, Украины, Беларуси, Сербии, Болгарии, Чехии, Польши, Грузии.

Далее привожу официальное сообщение пресс-службы СДСК «Золотой витязь».

Цель создания СДСК «Золотой витязь» – «консолидация позитивных сил деятелей культуры России, славянского мира и планеты, всех тех, кто разделяет девиз «За нравственные, христианские идеалы, за возвышение души человека» и программу культуры и созидающего духа».

Среди вице-президентов – выдающиеся писатели, кинематографисты, музыканты, художники, актеры России, Украины, Беларуси, Сербии, Болгарии, Чехии, Польши, Грузии.

В руководящий состав СДСК вошли писатель Валентин Распутин, художник Александр Шилов, дирижер Владимир Федосеев, а также актриса Татьяна Доронина, председатель Союза писателей РФ Валерий Ганичев, актриса Раиса Недашковская, писатель Борис Олейник, актер Владимир Гостюхин, профессор Национальной академии кино и театра им. К. Сарафова Маргарит Николов (Болгария), председатель Союза кинематографистов Болгарии Георгий Стоянов, председатель Союза писателей Болгарии Борис Летев, директор польского телевидения г. Лодзи, киноактриса, режиссер, продюсер Малгожата Потоцка, режиссер Резо Чхеидзе, председатель Чешско-Моравского союза Зденек Опатршил, сербский писатель Добрица Чосич – он стал первым, кто подал заявление в Союз.

На открытии СДСК Николай Бурляев сказал: «Мы видим сейчас, что происходит некое чудо. Россия, и не только Россия – славянские народы – долго ждали этого Союза. Когда-то великий Толстой говорил, заканчивая «Войну и мир»: «Если силы зла так консолидированы, то почему силам добра не объединиться?» Наш союз открыт не только славянам, но и всем людям, разделяющим наш девиз и наше стремление к возрождению духовности и культуры».

По словам советника по культуре президента РФ Юрия Лаптева, «очень символично, что в Грановитой палате, где свершались самые важные государственные акции России, собрались люди, которым не безразлична судьба России. Замечательно, что в этих стенах рождается новая консолидация людей, поставивших себе, наверное, самую высокую цель в жизни – работу по сохранению нравственности, по сохранению духовности, ценностей,

доставшихся нам от наших предков. Необходимо именно объединение людей, чтобы передать нашим детям огромные духовные сокровища, которые накопил славянский мир. И очень отраднo, что к этому может приобщиться не только славянин, но и любой человек, исповедующий высокие нравственные идеалы».

Татьяна Доронина поздравила всех присутствовавших с Днем славянской письменности, с праздником святых Кирилла и Мефодия и с учреждением Союза: «Все, что касается сегодняшней замечательной встречи, кажется хорошим обнадеживающим знаком, прекрасно, что этот знак существует, так как в последнее время все эти знаки отсутствуют. Надеюсь на то, что будет возрождение – светлое, разумное, истинно гуманное. Сегодня у меня какие-то надежды появились, и я счастлива. Знаковое понятие «русский актер», – отметила Татьяна Васильевна, – сегодня растворяется и уходит, и очень мало тех актеров, кто соответствует этому понятию. Русский актер – это всегда выбор темы, выбор литературы и реалистическое воплощение. Николай Бурляев – замечательный артист, замечательный общественный деятель. Хочу выразить ему благодарность, уважение, мне хочется выразить благодарность и уважение всем вам, которые пришли сегодня и которые так или иначе являются, как я полагаю, моими единомышленниками. Создание Союза – это шанс, который нам дается, потому что славянский дух, объединяющий всех нас, должен воспитать молодое поколение, которое идет за нами. И я очень благодарна Николаю Бурляеву за то, что он создал этот форум».

С теплыми словами о созданном Союзе обратились к участникам заседания актриса Раиса Недашковская, сербский кинодраматург Йован Маркович, писатель Владимир Крупин, актер Владимир Андреев, польская актриса Малгожата Потоцка, Зденек Опатршил. Секретарь Чешско-Моравского славянского клуба Наталья Волкова рассказала о его деятельности и творческих программах.

Актрисы Зинаида Кириенко и Лариса Голубкина отметили, как важно в наше время возрождать духовность и культуру. Общество не понимает тяжести своей болезни и к врачу относится подчас не только невнимательно, но и грубит ему и ругает его, а врач обязан лечить. Я часто вспоминаю слова, которые Петр I говорил войску, напутствуя его перед Полтавской битвой: «Воины, вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за великую нашу державу. – И завершил: – Жила бы только Россия, великая Россия и имя ее».

«Думаю, что каждый из нас сегодня мыслит так же, и только благодаря этому Россия устоит, выдержит и вернет себе то достоинство, которое у нас всеми силами стараются отнять. Да хранит Господь и вас, и дай Бог успехов всем на благо Отечеству, а созданный Союз деятелей славянской культуры будет служить ему», – закончила свое выступление Лариса Голубкина.

После вручения медали я обратился к присутствующим со следующими словами: «У каждого человека в жизни бывает мечта, но я никогда не мечтал, что в такой серьезный юбилей буду в этой прекрасной аудитории и в этом прекрасном здании русского Кремля. Это какое-то счастье с небес. То, чего я достиг в жизни, я никогда не мог бы достичь без своих великих актеров». В финале выступления я поделился своим беспокойством за судьбу отечественного кинематографа (сегодня на экранах не увидишь картин о русской культуре) и пожелал успехов Союзу деятелей славянской культуры (СДСК) «Золотой витязь».

В заключение Николай Бурляев выразил надежду на то, что «зародившееся сегодня здесь, в Кремле, станет путеводной звездой и для нас, и для наших политиков, которым пришло время понять: без культуры, духовности ничего быть не может».

Спасибо, Николай Петрович! Ты истинный друг. Этот праздник не забуду никогда.

Как-то Александр Петрович Довженко, рассказывая о своем творчестве, заметил: «Я был рассчитан на большее...» Не сравнивая себя с гениальным мастером, эти слова хочу повторить и я. Если бы не борьба за каждый фильм и частые поражения от киночиновников, наверное, и мне суждено было бы создать больше фильмов и открыть больше новых актерских имен.

Заканчивая свои воспоминания, скажу, что по-прежнему моей мечтой остается создание художественного фильма «Я Михаил Булгаков, писатель» – о жизни, творчестве и любви писателя и драматурга. Исполнится ли моя мечта?

История, положенная в основу сценария, горькая и поучительная. Она о судьбе человека, который понимал меру своего таланта и старался не изменять ему. Во МХАТе Булгакова называли «рыцарем искусства». Он был подлинным рыцарем без страха и упрека. «Вся жизнь этого беспокойного и блестящего писателя была по существу беспощадной схваткой с глупостью и подлостью. Схваткой ради чистых человеческих помыслов, ради того, что человек должен быть и не смеет не быть разумным и благородным», – писал о Булгакове Константин Паустовский.

Булгаков наравне с Чеховым и Горьким признан одним из главных авторов легендарного Московского Художественного театра. Он связал с ним свою драматургическую жизнь и человеческую судьбу. «Дни Турбиных» стали своего рода новой «Чайкой» Художественного театра.

Булгаков не только выдающийся писатель, драматург, которому в начале литературного пути удалось подняться над схваткой, над красными и белыми.

Фильм охватил бы последние десять лет жизни и творчества Булгакова (1930–1940 годы). Но картина не только о Булгакове и МХАТе, она и о судьбах знаменитых людей – Маяковского, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама, Есенина, Станиславского, Немировича-Данченко, Сталина. Личность Сталина всегда интересовала Михаила Афанасьевича. Анализ взаимоотношений художника и диктатора – одна из задач фильма. «Как хорошо бы сделать в кино все, что известно о Сталине, какой бы возник образ тирана», – завещал Андрей Тарковский. Мы постараемся выполнить его завещание. Романтическая любовь Булгакова к его жене Елене Сергеевне также не будет обойдена нашим вниманием.

В картине планируется использование драматургически связанных сюжетом отрывков из спектаклей по произведениям Михаила Булгакова – «Дни Турбиных», «Мольер», «Мастер и Маргарита», а также тема из спектакля «Пиквикский клуб», в котором писатель участвовал как артист в роли председателя суда. Этот образ он воплотил блистательно и даже всерьез планировал перейти в «актерский цех».

В Париже на памятнике Мольеру есть надпись, которую перевел с французского Михаил Афанасьевич: «Для его славы ничего не нужно – он нужен для нашей славы».

Эти слова полностью относятся и к самому Булгакову.

В заключение хочется поделиться историей, которая произошла со мной в наше время и которая меня очень расстроила и огорчила.

Забывтые фронтовики

В земле латышской,

Политой их кровью,

Лежат солдаты спасшие страну,

А ныне славу предали злословью

И подвиг их поставили в вину.

Страдая от позора и несчастий,

Они с бедой своей наедине

Навек чужие для латвийской власти,

Забывтые в российской стороне.

Это стихи поэта Андрея Дементьева хотя и посвящены латышским фронтовикам и погибшим в Латвии разных национальностей – они интернациональны.

Трижды в течение 2011 и 2012 годов Департамент кинематографии министерства культуры РФ отклонял мой сценарий «Я убегаю на фронт» о героическом подвиге москвиче 16-летней Елены (Ленины) Варшавской и ее брата 18-летнего Кима Варшавского – воинов-добровольцев Великой Отечественной войны. Их подвиги можно сравнить с подвигами Героев Советского Союза Зои Космодемьянской и ее брата Александра

Космодемьянского.

Лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто» у благополучных чиновников Департамента кинематографистов является просто болтовней.

16-летняя Ленина Варшавская, студентка Московского училища имени Гнесиных по классу виолончели, добровольно без разрешения родителей ушла на фронт. Дома Ленина оставила свою фотографию с личной подписью «Я убегаю на фронт». Став медсестрой во фронтовом госпитале, а затем фельдшером на поле боя, будучи раненой, она вынесла с поле боя и доставила в госпиталь пятерых тяжелораненых офицеров Красной Армии. Этим спасла им жизнь, за что была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Награды ей были торжественно вручены перед строем полка.

При штурме Таллинна Ленина погибла и с воинскими почестями была захоронена у подножия известному всему миру памятника воину-освободителю. Его называли бронзовым солдатом. После победы родители Ленины Варшавской, узнав о месте захоронения дочери, возложили к памятнику ее виолончель. Ким Варшавский погибнет, будучи танкистом, в боях при освобождении Украины.

Власти Таллинна, несмотря на сопротивление жителей города (в борьбе с полицией погиб один человек, десятки были ранены), выдвоят памятник на кладбище из центра города. У памятника установили стелу с надписью на эстонском и русском языке: «Памятник солдату оккупанту».

2010, 2011 годы, как и в прошедшие годы, ветераны эстонской дивизии в форме «СС», виновные в уничтожении пленных красноармейцев и всего еврейского населения Эстонии, 31 июля с фашистскими знаменами и гитлеровскими приветствиями прошли по улицам Таллинна.

Двоюродный брат Ленины А.Ф. Перес обращался к властям Таллинна с просьбой разрешить перевезти ее прах в Израиль, но получил отказ. И только после вмешательства министра иностранных дел России Сергея Лаврова и главного раввина России Берл Лазара, после долгой борьбы прах Ленины Варшавской перевезли самолетом в Израиль. Там Ленину Варшавскую с воинскими почестями захоронили на элитном кладбище в Иерусалиме в присутствии ее брата Переса А.Ф., главного раввина России Берл Лазара как героиню борца с фашизмом.

О подвиге Ленины Варшавской дважды публиковала газета «Московский комсомолец» с ее фронтовыми фотографиями. Необычайной – и при жизни и после смерти – историей Ленины Варшавской заинтересовался известный кинорежиссер Георгий Натансон. «Я подготовил сценарий документального фильма, посвященного этой героической девушке. Однако конкурсное жюри Госкино отвергло эту работу. Почему? Или наглядный пример патриотизма, проявленного юной виолончелисткой в годы войны, сейчас нам, нашей молодежи не нужен?» Это цитата из статьи журналиста Александра Добровольского опубликованной в «Московском комсомольце» о подвиге Ленины Варшавской 6 мая 2011 года в заголовке «День Победы».

Взрыв памятника погибшим воинам-героям Великой Отечественной войны грузинскими националистами в Грузии. Я уверен, что фильм «Я убегаю на фронт» крайне необходим, как и возрожденный памятник героям на Поклонной горе в Москве.

Картина должна закончиться речью Председателя Правительства РФ Владимира Владимировича Путина при открытии памятника (есть хроника), а также речью президента Путина при открытии памятника Красной армии в Израиле, в городе Натании.

Послесловие

«Дорогой Георгий Григорьевич!

Примите самые теплые и сердечные поздравления с таким могучим юбилеем. Радостно сознавать, что Вы встречаете его полным сил, как всегда одержимы творческими замыслами и желанием работать.

Юбилей – это время подведения итогов, но невозможно подвести итог доброте, которой полнится Ваша жизнь, Ваши замечательные картины! Все, кому когда-нибудь довелось работать с Вами, навсегда сохранят в сердце ту радость творческого вдохновения, которая окружает каждую Вашу работу. Убежденный в силе человеческого тепла во власти над людьми любви и добра, Вы неизменно населяете ими все, к чему прикасается Ваша чудодейственная энергия.

Будьте же долгие годы здоровы и счастливы, пусть не скудеет Ваше прекрасное сердце, пусть добрые и щедрые люди будут всегда рядом с Вами.

Да хранит Вас Господь!»

Художественный руководитель МХАТ им. Горького,
Народная артистка СССР

Т.В. Доронина.

«Георгий Натансон – это уникальное явление в истории советского кинематографа. Живой динозавр отечественного кино...

Классик при жизни.

Истинный, истовый гражданин своей страны.

А сколько еще высветилось бы новых имен, если бы его на целых пять лет не лишили права работать в советские времена за фильм «Повторная свадьба», в котором впервые ошеломляюще ярко предстал образ коммуниста-карьериста.

Но и в наше демократическое время, к сожалению, режиссер не востребован, правда, уже по другой причине – у государства нет денег на производство фильмов о культуре и ее великих деятелях...»

Николай Кривомазов,
писатель, издатель журнала «Гражданин».

Но не будем печалиться. На кинофестивале «Московская премьера» 4 сентября 2011 года ведущие Марина Зудина и Вячеслав Шмыров в присутствии Татьяны Васильевны Дорониной, которая пришла поздравить меня с огромным букетом цветов, мне вручили почетный приз и диплом Оргкомитета фестиваля, в котором говорилось: «Самому народному кинорежиссеру, уникальному открывателю немеркнущих звезд в связи с 90-летием со дня рождения». Диплом был подписан председателем Оргкомитета, заместителем мэра Москвы в Правительстве Москвы Людмилой Швецовой, президентом фестиваля народным артистом СССР, лауреатом премии Москвы Алексеем Баталовым, художественным руководителем и генеральным продюсером, лауреатом премии Москвы Вячеславом Шмыровым.

На V Международном кинофестивале «Зеркало» имени Андрея Тарковского в городе Иваново мне был вручен приз «За выдающийся вклад в мировое киноискусство».

Уважаемый Георгий Григорьевич! Союз кинематографистов России сердечно поздравляет Вас, выдающегося мастера экрана с юбилеем! Ценим Ваш творческий вклад в кинематограф. Желаем крепкого здоровья и благополучия Вам и Вашим близким!

Никита Михалков, Сергей Лизорук, Марлен Хуциев.

Спасибо, друзья! Спасибо за поздравление. Как хочется создать еще новую картину. Буду мечтать...

Фильмография

«Небесное создание» х/ф (1956 г., совместно с С.В. Образцовым. Гран-при на международном кинофестивале в Венеции в номинации короткометражных фильмов).

«Белая акация» х/ф (1957 г., по одноименной оперетте И. Дунаевского)

«Шумный день» х/ф (1960 г., с А. Эфросом, по пьесе В. Розова «В поисках радости»)

«Все остается людям» х/ф (1963 г., по одноименной пьесе С. Алешина. Ленинская премия исполнителю главной роли Н. Черкасову)

«Палата» х/ф (1964 г., по одноименной пьесе С. Алешина)

«Старшая сестра» х/ф (1966 г., по одноименной пьесе А. Володина)
«Еще раз про любовь» х/ф (1968 г., по пьесе Э. Радзинского «104 страницы про любовь»). Гран-при на международном кинофестивале в г. Картахена, Колумбия)
«Посол Советского Союза» х/ф (1970 г., по пьесе Братьев Тур «Чрезвычайный посол»)
«За все в ответе» х/ф (1972 г., по пьесе В. Розова «Традиционный сбор»)
«Повторная свадьба» х/ф (1975 г., по сценарию Е. Габриловича)
«Они были актерами» спектакль Русского театра имени Горького в Симферополе (с 1978 г. – в Театре киноактера в Москве)
«Они были актерами» х/ф (1981 г., по сценарию Г. Натансона и В. Орлова)
«Поет Елена Образцова» док/ф (1982 г., по сценарию В. Комиссаржевского и Г. Натансона)
«Валентин и Валентина» х/ф (1985 г., по одноименной пьесе М. Рощина, сценарий М. Рощина и Г. Натансона)
«Аэлита, не приставай к мужчинам» х/ф (1988 г., по пьесе Э. Радзинского «Приятная женщина с цветком и окнами на север»)
«Взбесившийся автобус» х/ф (1991 г., по сценарию Н. Кривомазова, Г. Натансона, Д. Маркиша)
«Я вернусь» – путешествия Михаила Булгакова в Крым, док/ф (2002 г., по сценарию Г. Натансона. Премия Москвы)
«Михаил Булгаков на Кавказе» док/ф (2004 г., сценарий и постановка Г. Натансона. Национальная премия «Золотой орел» Академии кинематографических искусств и наук)
«Мелодия», художественная новелла в фильме «Москва, я люблю тебя!» (2008 г., продюсер Егор Кончаловский)
«Да здравствует королева, виват!» док/ф (2010 г., соавтор сценария, режиссер-постановщик Г. Натансон)

В названных фильмах снимались: Николай Черкасов, Михаил Жаров, Анатолий Кторов, Татьяна Дорониная, Юлия Борисова, Андрей Попов, Андрей Миронов, Инна Чурикова, Олег Ефремов, Олег Табаков, Елена Образцова, Наталия Гундарева, Александр Лазарев, Валентин Гафт, Александр Ширвиндт, Игорь Костолевский, Зинаида Кириенко, Лариса Удовиченко, Леонид Куравлев, Рина Зеленая, Василий Лановой, Виталий Соломин, Евгений Евстигнеев, Ольга Яковлева и другие.

Награды и премии:

1977 г. Георгий Григорьевич Натансон – лауреат Государственной премии СССР

1981 г. Заслуженный деятель искусств РСФСР

1994 г. Народный артист России

За работу во время Великой Отечественной войны награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»

2002 г. Награжден президентом РФ В.В. Путиным орденом Почета

2007 г. Награжден Национальным комитетом общественных наград РФ орденом Петра Великого 1-й степени «За выдающиеся заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского»

2007 г. Награжден президентом РФ В.В. Путиным орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени

2009 г. Награжден Национальным комитетом общественных наград РФ орденом Святого Александра Невского

2010 г. Награжден Национальным комитетом общественных наград РФ орденом «За вклад в победу»

Цветная вкладка

С Инной Чуриковой на кинофестивале в Выборге

Элина Быстрицкая и Георгий Натансон

С Анной Самохиной на кинофестивале

На съемках фильма «Москва, я люблю тебя»

Алексей Баталов и Георгий Натансон

Президент РФ В.В. Путин и Георгий Натансон после вручения ордена «За заслуги перед отечеством 4 степени»

На репетиции

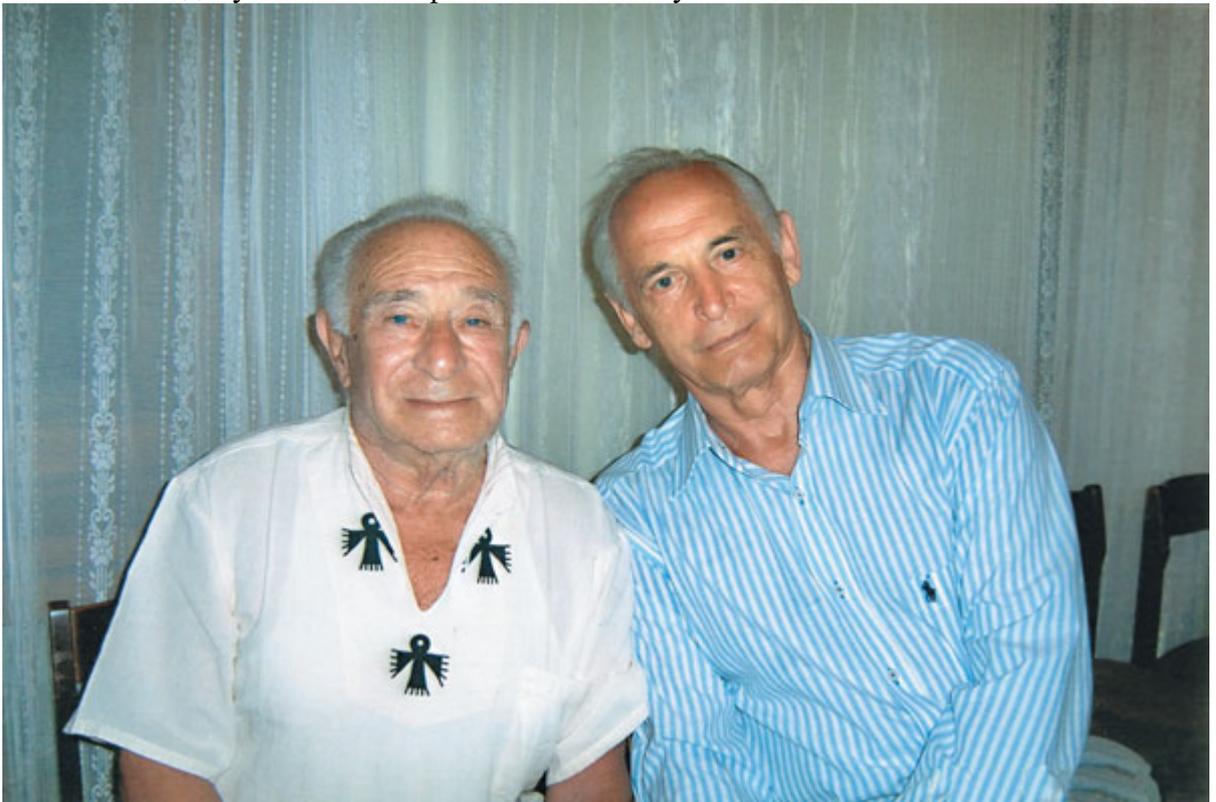
Марина Зудина, Олег Табаков и их дочка Машенька поздравляют Георгия Натансона с 90-летием

Барбара Брыльска и Георгий Натансон

С Никитой Михалковым после вручения Георгию Натансону «Золотого Орла» за документальный фильм «Михаил Булгаков на Кавказе»

Василий Лановой и Георгий Натансон

Георгий Натансон и Людмила Темнова

Георгий Натансон вручает фильм «Да здравствует королева, виват!» Татьяне Дорониной

Татьяна Доронина и Георгий Натансон

Георгий Натансон и Татьяна Доронина в ее день рождения

СМОТРИТЕ
НОВЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ФИЛЬМ

СТАРШАЯ СЕСТРА

СТАРШАЯ СЕСТРА

«Рекламфильм», з. 4453 100.000
Типография, пр. Сапунова, 2

Афиша к/ф «Старшая сестра»

Афиша к/ф «Шумный день»

Георгий Натансон с дочерью Мариной

Юлия Борисова и Георгий Натансон на экскурсии в Гатчинском дворце

Георгий Натансон на фестивале «Золотой витязь»

Георгий Натансон на фоне Дома кинематографистов на берегу Икшинского водохранилища

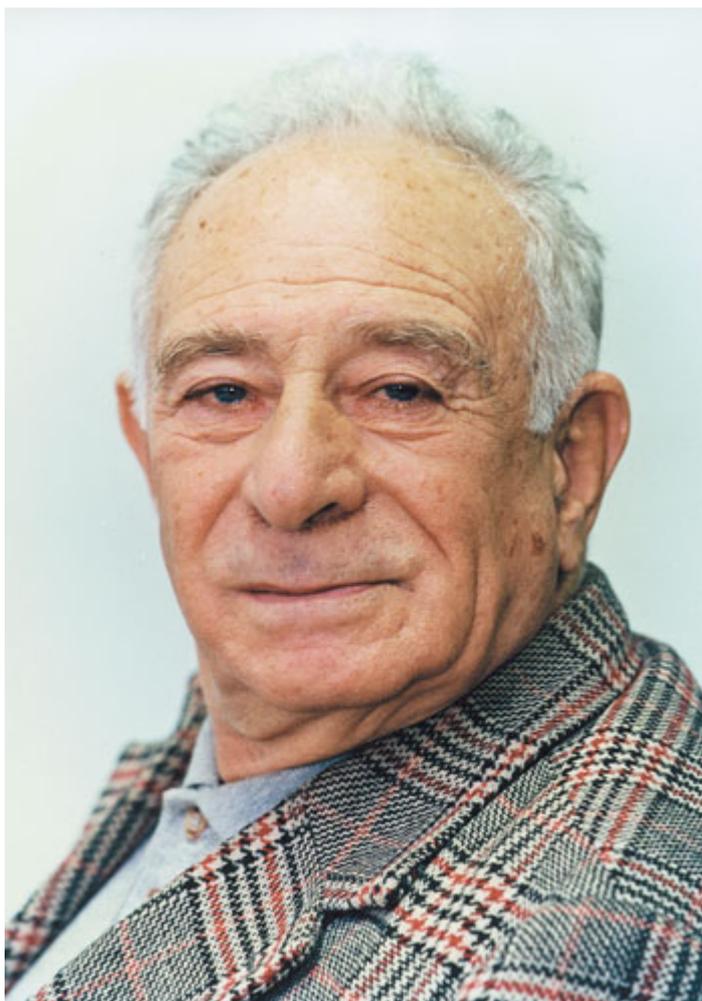
Сергей Соловьев и Георгий Натансон

Интервью Георгия Натансона перед установкой мемориальной доски

Георгий Натансон

Георгий Натансон